

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

4. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК «Грозненский рабочий» 364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 19.04.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

25 АПРЕЛЬ – НОХЧИЙН МЕТТАН ДЕ

Зарина АЛИЕВА. <i>Даймехкан аматаш</i> . Хетарг.....	2
Мохьмад МАМАКАЕВ. <i>Со вина де</i> . Поэма, Стихаш.....	6
Мохьмад ДИКАЕВ. <i>Дай баьнчачу махкахь</i> . Стихаш.....	9
Муса АХМАДОВ. <i>Кхаа вешех туьйра</i> . Дийцар.....	11
Муса БЕКСУЛТАНОВ. <i>Гучувала</i> . Дийцар.....	18
Докка КАГЕРМАНОВ. <i>Нохчоллин генаш, я сан деган пхенаш</i> . Стихаш.....	29
Арби ВАГАПОВ, Абу-Магомед ДЖАМАЛДИНОВ. <i>Характеристика нахских заимствований из картвельских языков</i>	32

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Мариян ШЕЙХОВА. *Четыре лилии на черном*. Стихи...39

ПРОЗА

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. <i>Моська</i> . Рассказ.....	43
Анарбек ЯНДАРОВ. <i>История одной семьи</i> . Повесть.....	54

ПОЭЗИЯ

Муса БУХАДИЕВ. <i>Е-е гора, кура клентий</i> . Стихаш.....	16
Арби ПАДАРОВ. <i>Экспромты</i> . Стихи.....	49
Шарип ЦУРУЕВ. <i>Не забывай...</i> Стихи.....	51

ПАМЯТЬ

Лариса БАДАЕВА. <i>Борз-Али из Харачоя</i> . Очерк.....	62
Зура ИТСМИОЛОРД. <i>Оторванные лоскутки</i>	67

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

«Время собирать камни...» <i>Иса ОКАРОВ беседует с Сутьяном МАГОМАДОВЫМ</i>	72
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Субран ИНАРКАЕВА. <i>Жанр малой прозы и его особенности в творчестве современных чеченских авторов</i>	76
--	----

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Роза МЕЖИЕВА. <i>Сакура в цвету</i>	81
---	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Саламбек АЛИЕВ. <i>Очень нескучная история</i>	86
--	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза БЕРСАНОВА. <i>В поисках национальной идентичности</i>	95
--	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАИЛОВА. <i>Художник из Дуба-Юрта</i>	95
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

25 апрель – Нохчийн меттан де

Алиева Зарина

Даймехкан аматаш

Хетарг

Нохчийн маттах ойлаян воьлча, мотт дуьнен чуьра длаболуш бу бохучу хабаршка ладоьгIча, кхечу кегийчу къаьмнийн хьал муха ду хаа лаьа. Иштта ларамза карадеанчу 2009-чу шеран «Иностранная литература» журналехь бIаьрг сецира «Кисана биллал болу Даймохк» («Карманная страна») цIе йолу Жорж Безсоноффа язйинчу эссе тIехь. Автора цу тIехь буьйцург шайн Даймохк бара, шайн бовшболу Даймохк. ХIинцца шайна карийна аьлла хетгачу, юхаметтахIоттош йолчу пачхьалкхаца, даймохк бовш бу церан.

1979-чу шарахь автономни пачхьалкх кхоьллина, шайн даздарш а, шайн мотт пачхьалкхан боллушшехь, де мел долу кьийлуш бу церан мотт. Каталонски мотт испанхойн матто юьстахоттуш бу, юкьбараллин дахарехь испански матто дукха декхарш кхочушдо дела. Каталонски маттахь телевиденехь цхьа канал ю, цхьа газет а ду. Амма цара халкъан синкхетам кхиарехь цхьа а декхар кхочуш ца до, юха-юха а цхьанхьа иккхина газ чохь йолу баллон йийцар, я тIаьхьабисина богIучу цIерпоштах хаамбалар бен, дуьйцуш хIума дац бохуш, яздо эссен автора. Испанин маттара гочбинчу хIора хаамна бухахь газетера меттиг дIалацархьама детташ даккхий суьрташ ду. Цу маттахь иккхина газан баллон йоцург, кхин дийца хIума ца хилча, меттан кхиар ца хуьлу, тIаккха и мотт халкъана оьшуш а ца хуьлу.

Масийтта шерашкахь бицбалийта бихкина лаьттина мотт, йицIина культура, пачхьалкх йоцуш, даьржина къам, тахана царна шайн бух тIе юхадерза хала ду. Шайн маттаца, культурица йолу зIе, уьйр хаьдда церан. Законехь а, пачхьалкхан тIегIанехь а мотт а, культура а йолуш ю аьлла, дIакхайкхийна ду, амма иза лелорехь а, изшарехь а хьал лахделла догIу.

Ойланаш Нохчийчу юхаерзира, вайн меттан хьал дагадаийтира оцу эссен автора, вайчарех тера бара церан лазамаш, шен халкъан хиндолчух ойлаеш, дегалазамца язйина яра и эссе.

Баланаш, лазамаш бийцарх, уьш белхорах гIуллакх толур, нислур дац, уьш эшоран некь бу лаха безаш.

ХIора заманан шен билгалонаш хуьлу, шатайпаналла, хIора замано шен тIелаткъаман ницкъ кхуллу. Масала, тахана вайна орамашка духадерза, и орамаш бовза гIо до хаамийн гIирсаша, журналаша, газеташа, радиос, телевиденис. Къаьстгина кегийрхошца бешболу болх бу мехала, хIунда аьлча жимчохь шайна дIаделларг, кхетамехь чIагIдинарг заманан йохаллехь довр дац церан.

Советан Iедало дийнна чкъор шайн маттах хердира, тахана а и чкъор цу матте юха ца дерзалуш лаьтта, дуккха а хIума дайна, дицдина. Цундела, жимчохь дуьйна беран синкхетам шен къоман амалшца, гIиллакхашца кхио безаш бу, шен мотт хаар – иза коьрта декхар дуйла а хоуьйтуш.

Мотт – иза деккъа цхьа къамелдан, дешнаш леги хаар дац, мотт – иза къоман хьекьал, дийнна философи, цуьнан синкхетам бу, шен Iадаташца, историца, дуьненахьежамашца. Абдулаев Лечас ма-аллара:

Вайн ненан мотт кху дуьненна хиьча,
Вайн ненан мотт – иза ворхIе да.

Оцу дешнийн маьIна шуьйра ду, царна чохь йоккха философии а ю.
Мотт хуучунна, церан маьIнах кхета хала хир дац. Вайн дайшкахь цIена

нохчийн бух тѳера схъаваьллагунна шен ворхѳе ден цѳераш яха хаа дезаш хилла, берана пхийттара далале Іамош хилла, цу цѳерашца дай бовзарца цѳеран сийдан а. Оьзда нохчочун цѳѳа билгало хилла иза. Нохчийн мотт хаарца, хьо мила ву хаѳа хьуна, мичара ву, хьан орамаш мичхьара ду. Маттаца талла йиш ю, метхІогто йиш ю кьоман истори.

Вайн олуш ду: «Мотт хууш вац и», – и кьамелдан хууш вац бохург дац. Цуьнан маьІна, нахана юкѳахь лела хууш вац, Іадатийн гураш ца девза, оьзда вац бохург ду. Нохчийн матто эарнаш шерашкахь кхийна болу кьоман синкхетам шена чохь Іалашбина.

Бексултанов Мусан дешнашца аьлча: «Кьам шен дахарх тешаш хила деза, шен туьйранах а, изсах а. Дѳогарчу вайн Башломо итт бѳешо хьалха дахка бина хилла аьлча, иза бакъ хила дезаш ду – цу ломо дахка бар. Кьоман шех а, шен исторех а болу тешам иза бу – шен мехкан фольклорехь дуьйцуш дерш бакъ хетар, хІунда аьлча и дийцарш хьох кьам дина дийцарш ду, эарнаш шераш хьалха хьан кьомо цѳѳа иштта кху махкахь, кху лаьтгахь, Нохчийчохь, кхоьллина долу. Кьам матто, изсо, фольклоро, легендаша, туьйранаша, ша тѳехь Іачу лаьтго деш ду, и дерриг а цу кьоман истори а хуьлуш, цу кьоман тоьшалла». Тхо ду, ала, тхан хилла, ала, бух бийца тоьшалла деза, и тоьшалла маттаца бен карор дац. Дуьнен тѳера кьаьмнаш, шайн орамашка духадоьрзуш, шайн мотт, истори толлуш ду. Масала, Эстонехь Іедало дукха ахча дІахецна шайн фольклор гульѳайта Іалашо йолуш. Фольклор евзашболу нах жимлуш бу, боху цара, цундела уьш сиха бу йозанехь шайн халкѳах дош дита. Иза цѳѳана эстонин кьоман изшам хилла ца Іа, дуккхаьчу халкѳашна тѳехІоьттинарг ду иза, хІунда аьлча дийнна халкѳаш ду дуьненчуьра дІадовлуш, шайн мотт бицбаларца. Чкьураш хийцадаларца хийцало дуккха а мехаллаш, дуккха а хІума доьза дов.

Цѳѳа хІума гуттар дийцаре даьккхича, дийца дуккха а хІумнаш карадо, дийца дезархьама дуьйцуш. Амма, гІуллакхашка ца даьккхича, муьлхха хІума хабар хуьлий доьрзу. Ойланаш а, дешдолу гІуллакх а цѳѳаьнадогІуш хилча, беркате тІаьхье йоцуш ца доьрзу. Масала, кхузахь хьахо лаѳа Ахмадов Мусас йолийна телевизионни проект «Хаарийн бІов». И передача кегийрхошна лерина ю, царна мотт, истори, халкѳан хилларг-лелларг довзуьйтуш. Амма оцу передачин хьовсархойх дукхахберш баккхий нах бу. Хийла наха арахь, новкѳахь баркаллаш олу Мусана, и передача кхолларна. Вайн баккхийчу нахана шайн хилла дахар карладолу цу передаче хьовсуш, шайн бераллин ловзарш, аларш, шайн жималлин сатийсамаш юхаденло. Дѳадаханчух безам хета нахана и передача. Ойлайича, и передача кегийрхошна кьовсам хилла ца Іа, иза боккьал этнографически Іилманан болх бу. ХІунда аьлча, наха Нохчийчуьра массо маьІера доуьйтуш долчу хаттаршца, кичанашца, ширачу аларшца, фразеологизмашца, хІетал-металшца тІеюзуш ю вайн халкѳан фольклор, кхиош бу нохчийн мотт. Цуьнца цѳѳаьна вай мел генадевлла вешан хІуманна, кьеггина гуш а хуьлу. Масала, тѳекхуьчу чкьурана вайна юкѳахь лелла долу дешнаш ца девза: бажа, жий, Іеѳа, айма, пхьалгІа, кахьар,бохь, бухь – кхин а масане ду уьш. Йицлуш лаьтга диттийн, акхаройн, кьинхьегаман гІирсийн цѳѳераш. Масала, тахана кегийрхоша цѳѳа а хьесап ца до, цѳѳана хенахь вайн дайша Іер-дахаран философица доьзна, шайна чохь кхетош-кхиоран маьІна долу вайнехан тидамаш: «Зингатийн барз ма бохабе, догІа догІур ду». Цуьнан маьІна ду дуьнен чохь мел кхоьллинчу хІуман, сагалматийн а цѳѳаьна, дахар мехала хилар, жимчу гІалат тѳера кхоллало даккхий зуламаш, гондхьара Іаламан тергамбе бохург ду. «Баьпкан цуьргаш диьча, хаза хир ву» – хІуманан тІаламбен, Делан беркат Іалашде, кхоаде бохург дара. «Лаьтга тІе йовха хІума ма йилла, латта лазор ду, я онда ког а ма баккха», – кхин дуккха а ду уьш, хІинца шайн маьІнаш дайна, вайн дай ойланашца а, дечу гІуллакхашца а цѳѳена латтийна тидамаш.

Ойланаш а кьен ю кегийрхойн: нохчийн маттахь пхи предложени ялае аьлча, дешнаш ца карош буюсу уьш. Киншкаш кезиг ешар ду иза, гондхъара дахаран тидамбеш, ойланаш кезиг яр ду. Иза вайн хЮраннын юкъяра лазам бу, цундела, и лазамаш эшош, кьахьега деза. Кегийрхойн синкхетам лакхабоккхуш, Гюнакьосталла до оцу тайпа передачаша. Передача ерзош, Ахмадов Мусас олуш долу дош хуьлу нехан дагах кхеташ, церан дикачу Гуллакхаш Гехь яхь метгайоккхуш, шен ненан матте марзо кхуллуш, вайн хьекъалечу дайша санна, хьекъале кица а далош, до Мусас шен хьехар, хЮкху чулацамечу биьмоГланашца кьамел дерза а деш:

Ша схьадаьлла шан тарх йиц а елла,
Хьаьдда додахь лаьмнийн цена шовда,
Гулгаш юкьахь шен хи кхачаделла,
Эрна довр ду, дла ца кхеташ хЮрдах.

Муьлххачу заманан шен дика а, воун а хЮманаш хуьлу. Масала, вайна хЮинцца шен харцонашца Юрадаьллучу советан Тедалан идеологи чЮгГа яра, цуьнан кхетош-кхиоран ницкъ тЮлаткъаме бара. Цу заманахь кхиинчарна тахана а латкъамбеш ю хЮетахьлера эшарш, исбаьхьаллин фильмаш. Цара шайн даймохк беза Тамадора, дуьненахь хуьлунна хьо декъа а валош, хЮора стеган шен мах болуш, дуьнен чохь цунах дозуш дуккха а хЮманаш дуй хоуйтуш, шена Гехь махкана а, халкъана а хьалха декхар хилар чЮаГГдеш, иза юкъяраллин стаг хиларе терра. Иштта дацахь а и, хьуна моттууйтура, хьобгахь цхьа ницкъ хилар. Царах яра, нахана езаелла, патриотически чулацам болуш «Щит и меч» цЮе йолу исбаьхьаллин фильм, цуьнан турпалхойх тера хила лаьара, церан амалехь кхиа а. Даймохк ларбеш, цуьнан дуьхьа шен са ца кхоадан а. Оцу ерриг исбаьхьаллин фильман чулацам шена чулоцуш, дагах кхеташ дара цу чохь дЮолуш долу илли – Вениамин Баснера яздинчу дешнаш Гехь «С чего начинается Родина», дЮолушверг Марк Бернес вара. Амма цу заманахь Даймохк шуьйра бара, цуьнан маьИна а шуьйра, массеран цхьа Даймохк – «Советски Союз» цЮе йолуш. Нохчийчоь ян а яцара, юй хууш а, гуттар ларьешЮолчу радио чохь нохчийн концерт йоцург. Нохчийчоь – хьан доьзал бара, хьан чуьра хьал, гергарлонийн юкьяметтигаш а, Юер-дахар а.

Тахана, заманаш хийцаелча, жималлехь хилла хьежамаш хийцабелча, и эшар цханхьа схьахезча, геннарчу, бакьхиллий-те аьлла хетачу геналле вуьгу, ойлаян волало: «Сан Даймохк мичара болабелла, Даймохк, буй хууш, маца дуьйна хаабелла? Дагалецамаш листа волало, суьрташ дуьхьалхЮьтту: ненан туьйранаш, цо бер дижош олуш долу илли дагадоГу, хьайн кора хьалхара дуьхьара заза хецна туьркийн дитт дагатосу, малх кхетачу дийнахь кЮайн ло диллица санна, мерза хьожа яржочу зазано кЮайдина дитташ, дитташна гондхъара лагта, зазанан хьожа дЮасакхьохуш, байн ловзу мох. Масане ду уьш, дуьхьара дуьне довза, ахь дуьненчу йиллина неI, хьуна дуьхьара хааделла дуьненан сибаташ, цецвоккхуш, шен хазаллах Юадош, инзаре! Мелла а ГЮаьхьа хиира хьуна дуьхьара санна, шозлагЮа кхин гур йоций а и хазалла (Бексултанов Муса. «Цкъа гинарг шозлагЮа хЮнда»), хЮора денна гушЮолу стигал а, дуьхьара санна, сийна хир яц, дуьхьара санна, малх а лепар бац, дог дохдеш, мархашна ГЮаьхьа са а ийалур дац цадевзачунна ГЮаьхьа. И суьрташ хьуна хьоме ду – хьан бераллера суьрташ, хьан дЮадахнарг ду цаьрца. Амма, дЮадахнарг дан ца дайта, вайн иэсехь и суьрташ юхадендан ницкъ бу дешан. Зама юхаяло, дЮадайна нохчийн Юер-дахар шен хЮора цханхьара охьаеллачу мЮаьргонца, сибатца, марзонашца хьуна дуьхьалхЮотто:

«Суна дагаохучу бераллах сан воккхавер и бералла дацара хЮинцца, и зама яра, и хьелаш а, хЮетахьлера Юер-дахар а, дерриг а хьан-хьайн а долуш: чохь а, аре а, гонахьара сурт а. Нохчочун доьзал бара суна тахна хьоме хетарг,

муьлххачу а нохчочун, царна юкъахь тхан доьзал а, хьалха-хьалха баьхна болу дайн доьзалш ма-хиллара: багара мотт а, буу кхача а, т'ера духарш а, бахамаш а, говр-ворда а нохчочун амалехь а долуш.

Со а т'аккха нохчо кхуьура, со санна, суна гонахьараберш а, арахьара схьа тхох хьакхаелла цхьа а тайпа мекха а йоцуш – дайн Iадаташца, хилларшца, суо бер долуш дуьйна схьа вон-дика хIун ду а Iемаш, дита дезарг – дита а хууш, лело дезарг – схьа а оьцуш.

Юха, тахана, воккха а хилла, бер а, бекар а, доьзал а хилча, хIара дуьне а, мехкаш а гича, кхин меттанаш, къаьмнаш а девзаш, кхин чкъураш а, амалш а гуш, сан шераш лахдала доьлча, суо хIетахь бер хиллачул дуккха а атта го-кх суна суо, сайца хIетахь кхиьна хилла чIагIонаш мелла а лахьелла а гуш.

Суна го, со кхин вуйла хIинца, цу хенахь сайн шерашца хиллачу дена аьттехь а воцуш, хIара бераш а дац-кх сох тера, со бер долуш хиллачу берах». ХIара дешнаш Бексултанов Мусан «Дахаран хин генара бердаш» повестера ду. И повесть муьлххачу нохчочунна дагалецам бу нохчийн доьзалх, цуьнан Iер-дахарх, и дагалецам нохчийн маттаца ларбелла, нохчийн матто кхоьллина. Дуьнен чохь вай мел дукха дахарх, мел дукха дуьне довзарх, хьуо винчу Даймаккал, хьуо ваьхначу урамал, «хьайн бешара кхура т'ера дIаьхьаьжча гинчул» (Б.М.), шуьйра хир дац дуьне. Цундела, уггар хьалха бералла ю ларьян езаш, нохчийн бералла хилийта хьелаш кхиош:

...Серех юьйцина керт.
 КIайн кир тоьхна цIа.
 Бай сийна уьйтIе.
 Бай т'ехь – бецан цIов.
 Хецна лаьтта ворда.
 Ежаш йоллу говр.

– Буьнан неI дIакьовла...
 – Аттана гIад дилла...
 – ЖIаьлина доьша дотта...

ДоттагIа, доттагIа,
 дукха хан еца
 суна и сурт ганза,
 Эвлахь ян ма езара
 суьйре т'еза...
 Ас ненан маттахь
 Даймохк бешаза.

Абдулаев Леча

Ярташкахула хьо волавелча, ган юьйцина керташ яц, кIайн кир тоьхна цIа а гур дац, мел лехарх, байн сийна уьйтIе бетонца дIашарийна. Амма и сурт вайн даймакках болу дагалецам бу, хиллачу, цкъа хилла дела, хIинца а долчу, вайн дегнашкахь даха дисинчу даймаккен аматашца. Текхуьучу чкъурана а биса-кх иштта сирла дагалецам, кху дуьнен чохь нохчийн бералла а йолуш, нохчийн Iуьйренашца, суьйренашца, нохчийн маттахь кхуьийла вайн къам.

25 апрель – Нохчийн меттан де

Мамакаев Мохьмад**Со вина де**

Поэма

1

Меца борз санна,
 Оьгазе догӀу Iас –
 Мартанах кхеташ
 Яьккхинчу гӀайри тӀехь,
 Къеначу кхура кӀел,
 Оьшучо кагӀина,
 Дайн хӀусам лаьттина.

Диг аса схьаэцна,
 Хьуьнах яха кечъелча,
 ЦӀеххъана иккхинчу
 Лазаро хьовзийнчохь
 Барзъелла сан нана,
 ГӀораха дӀаяьлла, –
 Йобжна ша лаьттинчохь.

И хууш, шен мехкан
 Гиллакхца ларвала,
 ЦӀера ваьлла сан дада.
 ГӀо доцуш, ша йисна,
 Сан нана хьаьвзича,
 ЦӀхьа Бабу, дог лезна,
 Цунна орцах еьна...

Цкъа гай тӀе куьг хьокхуш,
 Цкъа, айлой, гӀо доьхуш,
 Элчанан цӀе йохуш,
 Сан нанна кӀант валар –
 Далла тӀедиллина,
 Лулара йоккха стаг
 Лерина хьаьвзина.

РегӀаца дарц хьовзош,
 Гила борз цӀхан угӀуш,
 Чилланан бутт кхачош,
 Сан ненан дог дина,
 Йоккха стаг ексаеш,
 Тхан дена шоллагӀа
 Доьзалхо – со вина.

ЦӀийзина меца борз
 ХӀонс йоцуш дӀайобдуш,
 Сан цӀонга хадийна;
 Юкъ тесна и доьхкуш, –
 Суна цӀе тиллина,
 Худархо совваьлла,
 Худар-кад тӀебезна.

2

И дийцар керла дац,
 Ишттаниг со цӀхьаь вац.
 Со санна бер дина –
 Хийла ден дог дина.

Ма дарра хууш вац;
 Дийцарехь цундела,
 Цкъан цкъа а и де сан
 ЧагӀарца даздеш дац.

Делахь а, цӀхьаволчо
 Вина де къастадо,
 Йиш-ваша схьагулдой,
 ЧагӀаран кад айбо.

Къанвелча къурд а бой,
 Шен хенан чот яйо.
 Даханчух дозал дой, –
 Хабарца и вахло...

Кхиволчо къастадо
 Къийсамехь тоьлла де,
 И хастош кад айбо, –
 Доьналлех воккхавеш.

Бералла сайн хасто
 Ас ала дисна дац:
 Со вича дейиша
 Шун дахьаш еьна яц.

Девашас, яхъваьлла,
УьстагI а ца бийна.
Йоьжначу сан нанна –
Чорпин кад ца нисбин.

Сайн дуьхьа и цкъа а
Со халахетта вац.
Гелъелла сайн нана –
Ша йитар дицлуш дац...

3

Воккхаве со тахна:
Махкаца суо висарх,
Вон-дикий ловш цхъана,
Айса некъ цуьнца барх.

Бохамо хьовзийнчохь
Суо гIорах цаваларх,
Халонна кIел висчаьхь, –
Даймахко суо ларварх.

ХIинца а сан дагахь
Лаьтташ ду и денош:
Къийсамо дов дахьаш, –
Тишделла вайн цIенош...

Даймехкан ярташкахь
Лаьттина гIийла гIирс,
И керла некъ бахьаш –
Вайн баьгна милтан чиркх.

«Цхъа урд дуьйш ши ваша
Тарвелла дуьне дац,
Шу гIерта юрт тарьян,
Аш дуьйцург дош ма дац!»

–Бохуш, хьо чугIерташ,
Хьо сацо со гIерташ;
Лод ягош, туй туьйсуш,
Ахь даге куьг лобцуш...

«Ма хьовза хьо вохий,
Артеле бен некъ бац», –
Хьо кхетча воккхавеш,
Ас хьобга бахар а.

4

Дицлуш вац со, накъост,
Говр юкъяр вай йича,
Лерина дIахьарчош,
Ахь дирста лачкъаяр.

Юкъярчу бахамна
ГIирс вовшах вай тоьхча,

Хьонхалха даьккхина,
Гуьллур а нох доьхна...

Уьрдан шу дIабайча,
Кханенах ца тешаш,
Генарчу Iаннашкахь
Ахь ирзу ма лехна.

Къайлаха чувеьна,
Юкъярчу божлашкахь,
Хъайн расха алаша
Аматца ахь лехна...

Массо а цхъабосса
И говраш схъаяйча,
Хьюо санна веанчу
Товсолте дIахъаьжча;

ПаргIатан юьхь-басца
И хъайна карийча,
Дог-ойла хъан хъаььна, –
Артелехь хьо висна.

Шен ков-керт дIатесна,
Генара ирс лаха, –
ГIишлошъеш къахьега
Элмарза дIавахна...

5

Дицлуш вац, доттагIа,
МостагIчун Iаьржа дог,
Цо, лечкъаш, осала,
Йиттина шалгон топ.

Къамелан къийсамца,
Вай нийса некъ лохуш,
Цо, кора кIел веьна,
Вайн вийна и лоху;

Дош аьлла валалий,
И стоьл тIе вуьйжира.
Кхайкхина лор वालीй,
Дог сецна дуьйжира...

Дицлуш вац, доттагIа,
И жоржан худар со,
Вай цхъаьна вовшащца
Дог цIена декъна пхьор.

Сатасле гIевттина, –
Асар дан эхар а,
Тачанкехь, тевжина,
Тар тесна, некъ бар а...

25 апрель – Нохчийн меттан де

Дикаев Мохьмад

Дай баьхначу махкахь

Суна гина хийла аре,
Суна гина хийла мохк,
Дай баьхначу махка варе
Ас сатуьйсус баьккхи ког.
Бердакелахь, винчу юьртахь,
Нийсархошца къамел до,
Кхузахь кхиьна хІора буьртиг
Ас сайн мара хьарчабо.
«Мерза хуьлу муьста берам,
Нанас хьалха биллинехь,
Илли ала хьо ма кхера,
Дог ахь цунна дІаделлехь», –
Боху соьга юьртахоша
Органа йистахь, пхьобханахь;
Гаьннаш лийчош, лаьтта кхораш,
Стигла хи чу йижина.

Нохчийн хІусам

Суьйре шийла, шийла еача,
Дадас тухий дечиг доккху;
Цкъа ца веана хьаша веача,
Водий нене ас кхаь боккху.

Хьешо шена гинарг дуйцу –
Тховса тхобга муха кхаьчна,
ЦІаро-м сийна суйнаш туьйсу,
Кхехка нохчийн мерза кхача.

«ВогІург, вьодург, юучух кхетта,
Вахар ирс ду» – дайша аьлла,
Нохчийн хІусам шийла хетта,
Цкъа а хьаша тІех ца ваьлла.

Сан деда даьндаргех
Ларвинчу вертанах
Со теша мегар дуй
Кхевсинчу догІанехь,
Дог-йовха латгор вуй
Ламанан шелонехь?

Леррина тІорказ чохь
Лелийнчу вертано,
Дьозална там бечу
Баккхийчийн безамо,
Со хьалхавоккхур вуй
Тухучу кьоранах,
Суна и тарлур дуй
Йовхачу хІусамехь?

Ца теша йиш юй сан
Кьонахчун вертанах?!

Кьинхетаме Нохчийчоь

Балано бІарзйина
ГІазотан Нохчийчоь!
Хьох, акха ю бохуш,
Кьихкина хийла нах.
Ма бІаьрзе хилла уьш,
Ахь хьосту бер ца гуш,
Хьан дагца хьаьрчина
Кьинхетам ца хаьлуш;
Ца хууш, йобхначу.
Буьйсанна ахь дохурш
Кьонахчун синош дуй,
Ахь кьуьйсу паргІато
Вайнехан безам буй.
Балано бІарзйина
Обаргийн Нохчийчоь!
ГІазото хьан деган
Кьинхетам кьийлина,
Кавказан тІамо хьан
Стогарш чуьйзина,
Амма хьо доьналлех
Яккха ницкъ ца хилла!
Хьан бартан, безаман
Йогу цІе суна го, –
Хьох, маьрша Нохчийчоь,
Сан даго дозалдо.

Дог аьлча а, аьрха дин

Де дийне мел дели
 Iаламан дуьхе
 Кхиа сан ойланна
 Беха некъ бу,
 Цу новкъахь адамиин
 Къайлене кхача,
 Батта тIе санна,
 Хала ма ду.
 Цу новкъахь къаьхьа а,
 Мерза а денош
 Яхь йолчу кIантана
 ТIехIуьттуш ду,
 Шен махках, шен халкъах
 ЧIогIа бIобулуш
 Волчуьнца гIоьртина
 Уьш хуьлуш ду.
 Кхолламца къийса а
 Добналла долуш,
 Сан кийрахь дог, аьлча а,
 Аьрха дин бу.
 Я дуьрста, я жулар
 Юллуьйтур йоцуш,
 Яйдакха паргIато
 Шен ларьсш бу.
 Нагахь цхьаь, вицвелла,
 Нуьйр тилла гIортахь,
 Цо делан Iаьршашка
 ДIахьажор ву.
 Сан динна урх таса.
 Нуьйр тилла вогIург,
 СагIийна хIума яллал,
 Декъаза ву!
 Де дийне мел дели,
 Карзаха буьйлуш,
 Уьду сан челахьчу
 Ойланийн дин.
 Адамиин гIиллакхийн
 Дуьхе ца кхуьуш,
 Генарчу Баттана
 ТIекхечи и.
 Амма ца къарло дин,
 Мел чIогIа хIоттарх,
 Мел мерза хIоь баларх,
 Iеха ца ло.
 Адамиин къайленаш
 Схьаюьйлу хьоста
 Мичахь ду ца хиьча,
 Дог ца Iало.
 Бала хьо дуьненан
 Массо а маьIе,
 Босса хьо къайленийн
 Гогтачу кийра,
 Аьрхачу сан деган
 Тешаме гила,
 Сийлахьчу къийсамехь
 Хьан аьтто хуьлда!

Дагна синтем лобхуш,
 аре теллина,
 Безаме сатуьйсуш,
 ойла гIелйина,
 Буьйса Iаьржа хиларх,
 беттан лар гина,
 Ирсах дог ца дуьллуш,
 ас сайн некъ бина.
 Суьйре, Iуьйре юлуш,
 сайн юкь йихкина,
 Некъах тилларг вицвеш,
 говр ас хихкина;
 Пана махкахь буьрса
 дарцо хьовзийча,
 Ирсах дог ца дуьллуш,
 хийла некъ бина.
 Мохе, малхе вуьйлуш,
 юьхь ас Iаржйина,
 Ойла массо хенахь
 цIена латтийна;
 Эзар балех волуш,
 эзар кхаь хилла,
 Ирсах дог ца дуьллуш,
 ас сайн некъ бина.

Сан безам

Хьан бIаьргаш, кхерамо лаяцна,
 ХIун деьна ца хууш, лаьтта.
 Соьга а и хало кхаьчна,
 Вистхила дац хьобьга атта.

Бехк бац, хьо сов йобхна хийзарх,
 Со-суо ву шекваьлла сайха,
 МостагIе ца кхобруш дийцарх,
 Безамах озало вай.

Безамо шена стаг юххе
 Ца витарх со тховса тешна,
 Хьобь ала кечдина хьалххе,
 Дац хьуна сан къена дешнаш.

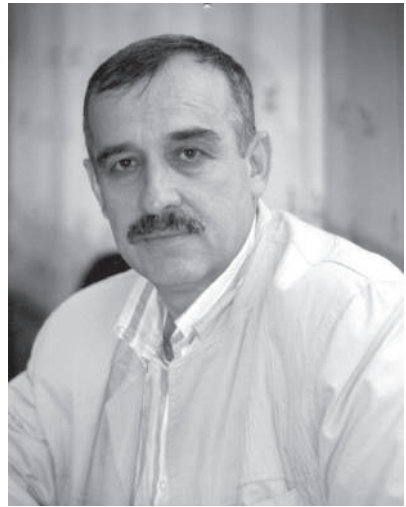
Сан безам неIарехь сеца,
 Эхь хеташ, деьна бер санна,
 Ца хIуттуш ойла дIахеца,
 Ца хууш, хIун эр ду шена.

Сан безам кура ца хилла,
 Шех лаяцна даккхийра дуьйцуш.
 Мотт Iамо гIерта бер санна,
 И дуьххьар ког боккхуш, кхиьна.

25 апрель – Нохчийн меттан де

Ахмадов Муса**Кхаа вешех туьйра**

Дийцар

– Чама. Чама... – дохк долчу маьрклажехь кьорра дека юьйцинчу керта йисте а хЮьттина кхойкхучу зудчун аз.

Кхин а, кхин а кхойкху. Тпаккха хеза цунна цIенна генахь доцчу Ин чуьра: «МЮо-о-о». Дукха хан ялале гучуболу ша етт а.

– Хьо бист стенна ца хуьлу, Чама, хьайна хеззашехь... Хьуьйц, хьуьйц, бало чу. Собар, ас неI схьаеллалц. Хинца бало. Ма лестабе и корта. Хинцца... Ас гIабакх аьтта хьуна. Яа, ех корта бетташ, Iена а ца еш. Мичахь хоттала бахна хьо? Чуш-кIела кхаччалц? Собар, хинцца. Ас иштта алах горгам а йина, дIацIанбо хьо. Схьа а ца хьобжуш, хьайн гIабакх яа. И цIога а ма лестаде... ХIаь, ели со, ели. Яа хьайн гIабакх. Ас меттиг тайина, буха йол а тосуш... – божал чуьра ара а йолий, цIенна тIе йобду зуда.

Дикка IаржIелла. Хиллачу хьайбанийн хьожа еттало бешара схьа. Тпуйна а, шийла а ю суьйренаш...

Юха а тIекхечи гуьйре. Везандела, кхин цхьа гуьйре ган а доьгIна хилла-кх. ХIара муьста хан. Дохк а долуш. Массо а даьIахкана а хаало тIуналла. Ара а яьлла, дIо кертах, чIийш даха деза. Ма Iаьржа а ю, цкьа а са а тосур дуй теша? Хийла хили-кх и ойла, хIокху дехачу масийтта шарахь. Са а теси, малх а кхийти. Юха а Iарж а ели... Кхунна хIумма а ца хили. Хьер а ца ели, яла а ца ели. Муха ца хили. Дерриг дахар дIа-м даха. ХIун дисна цунах тIаьхьа?

Ехха, керт йоцчу учи йисте а хIуттий, лаьтта иза, тишчу корталех а хьерчаш.

– И дуо мичара баьлла? Кху кертахь дуо боцу хIун хан ю? – шабарш до цо. Баьргаш а хьакхадой, юха а хьожу иза уьйтIенан маьIе, хIумма а яц, сурт хЮьттина хилла-кх.

Лаьтта-а-ш, кхунна юха а го дуо. Тпаккха аьзнаш хеза. Боьршачу стеган велхар. Кхунна девза воккхачу вешин Даччин велхар.

– Маржа, Дачча яI, хIокху тьке берхIийтта шарахь иштта лаьтта-кх хьо, саццаза воьлхуш. Хьан баьргех дийнна ахк хилла, – шабарш до зудчо.

Тпаккха иза дIатоь, когаш тIе охьа а лахлой. Елхаран кьурдаш а деш. Юха а хеза аьзнаш. Дайх куьг а гIортийна, воьлхуш лаьтта Дачча.

– ХIун хилла вайна? – иза ден аз ду.

– Вайн... вайн... Салахь вийна бах.

Дада, дада... Муха лайра ахь иза? Иккхина дIа стенна ца дахара хIара латта? Хьо-м Iадда лаьттара, тIулгах волуш санна.

– Собар хила деза-кх, нах кхаьрдар бу вайх...

– Иза суна хьалхара вахна ма хилла. Ша со ву а аьлла...

– Мухха делахь а...

ДIадов аьзнаш... ТIе хьаьрдаш тоьхна дуо а дIабов. Массо а дIавов... Цхьа бода буьсу.

– Маржа, Дачча, маржа... Шу массо а дIавоьду. Со юьсу кху боданца, – шабарш до зудчо юха а.

Учи тѣра охъа а юссий, уйтѣ а хадош, юйщина керт йолчу агѠор йоьду иза. ГѠаж а луьйзуш. Хатто дѠаяьккхина кало лъоху цо куьйгаца, цхъана кога тѣе а хѠуттий. Эххар а карайо. ПѠаккха юха а йоьрзий, цѠийне бѠаьрг бетташ лаьтта.

Тишделла цѠа, кир тохаза шо а тѣхдаьлла, ладарш оьху тховх чу. Жимма лаьттах чудахча санна а хета. Кораш раздевлла, хѠинцалц цѠена латтадора цѠа, хѠора бѠаьста кир а тухуш. Даханчу шеран бѠаьсте тѣкхаччалц хѠара тешара, цхъаь милла а веьна а цѠа вогѠур ву бохучух. Амма шераш дѠаоьхура, цхъана а хьешо кхуьнан неѠ ца тухуш. Кхуьнан тешам жим-жима шелбала буьйлира. ХѠетте а цѠенна шех и дѠа ца ходуьйтуш, ехха лийлира иза а. Цунна хаьара и тешам цѠенна дѠабаьлча, шен дерриге а дахар бода хилла дѠахѠуттур дуйла, Ѡаьржа бода хилла. ХѠинцалц а дара иза-м бода. Делахь а иза сира бода бара, дохк санна, оцу дахкархула, маьлхан серло санна, гѠийлла хаалора кхетаман кѠоргенехь болчу кхуьнан тешаман кьегар. Кхо сатуьйсура оцу кьегаро эххар а цхъана дийнахь шен дахарх хьерча дохк дерриге а, эшийна, дѠадаккхаре. Оцу дийнахь и кхуьй а керта вер ву. Вела а кьѣжаш.

– Тхан йиша, оха са дии хъан, кьинтѣраяла, Ѡаламат хала дара тхуна...

ХѠаь. Салахь а хир ву. ХѠун ду и вийна аьлла, кехат деьча? Хийла цѠа баьхкина уьш цул тѠаьхъа а. Хьуьлла эвла йистерѠа Ѡуспа, тезет хѠоттийна ши шо даьлча, цѠа веара...

Стохккалц иштта хетара, стохка бѠаьста хѠаллакьхилира кхуьнан тешам. Карара яьлла чкьург санна, хахкабелла бахна, дѠо Ѡин чу а кхетга, боьхна дѠабѠелира. Иза дуккха а йилхира, цуьнан коша улло а хийна. Цунна тѣе леккха буц яьлалц.

ПѠаккха чуеара, бѠаьргара хиш а кхачийна. ХѠинца хѠара ца йоьлхура. Елхаялар а хиллера-кх цхъа ирс. ХѠинца хѠара меллаша, хахкаелла цу йисте йоьдура, дахаран йисте, шена а хууш ша йоьдийла...

– Со ара стенна яьллера?.. – бодашкахь чѠоггѠа декаш санна хета зудчунна ша шабаршца аьлларг. ПѠаккха лаьттий:

– ХѠаь, чѠийш даха... – тѣтуху цо кхин а меллаша.

Кало хатте дѠа ца лацийта, ког охъа моццаза боккху дѠаса а хьовзош, эххар а дѠакхочу иза керта йисте. Цхардоьллачу серийн кегдаларан татанаш сих-сиха лелха тийналлехь, тѠаккха сих-сиха дов.

– Маржа, дуьне яѠ! Маржа... Тховса тѠаьхъара дѠаели хъан куралла а, Сану. Хъайн гонахара керт яго юьйли хьо а. Хьалха хьо ца ешара и дечех, хьоу цхъаь бен йоццушехь, хъан гуттар а хуьлура хьалххехь Ѡалашдина лаьтташ дечиг. Кху шарралц... ХѠинца... – ша шега а луьйш, пешахь цѣ хьалалато гѣрта йоккха стаг.

Эххар а цѠенкьахь ловза юьйлало цѣран серлонаш. «Дувв» до пешо, йовхо яьржа чухула. Зуда, паднар йисте а хуий, цѠенкьа бѠаьрг а бетташ Ѡа. Дуккха а Ѡа иза.

Хийла хан яьлча, цунна хеза беран, бархѠ-исс шо кхаьчначу йоьѠан елар. ПѠаккха аз:

– Ваша... Ваша... боккха хиллий и саьрмик?

– Хилла боккха-боккха. Бузуш а ца хилла, мел хѠума йиьча а, – и Даччин аз ду. Иза кхуззахь, паднаран баьрччехь хийна Ѡа. Цуьнан когашкахь Ѡийриг мила ю? Жима йоѠ, Ѡаьржа, даккхий бѠаьргаш а, хьийзина кѠужалш а йолуш. ХѠара ю-кх, шовзткье пхий шо хьалхалера Сану.

Зудчо тѣе куьг кховдадо цунна. Амма иза, ца хилча санна, дѠаюлу. Еса ю чоь, цхъана пешан гѠовгѠа бен, хѠумма а ца хеза.

– Со ѠадѠа шуна, дѠа ма гѠойша.

Зуда ша йолччохь дѠахеба. Цунна юха а хаза долало аьзнаш. ЧувогѠу Шидий, Салаххьий. Охъаховшу вежарий.

– Дечиг даьккхиний аша? – хоьтту Даччас.

- Даьккхина.
- Делахь, со говр хитIа эсна вьду.
- Говр хитIа а йигна, дIа а Iалашийна, бежнашна хIума а тесна...
- Массо хIума а дина ашшимма-м, со Iашшехь...

Салахь, Салахь... Боккъл а хьо воцуш деха техьа хIара маьлхан дуьне?

Кху Iаннашкахула декка хьан пондаран аз кхин хезар дац-те цъханна а? Цъханна а гур дац-те хьан хелхар – стиглахь детта ткъес?..

Аьзнаш дIадов, зудчунна шен чохь серлаялча санна хета. Самукъадолу цуьнан. ХIара хIун ду техьа? Иза ехха Iа, хиллачух ца кхеташ. ТIаккха оила кхуьу: и марзо ю-кх кхуьнан вежаршна юккъехь мацах хилла, тховса кхуза еьна. БIаьстенан зезагийн хьожа ю цу марзонан, цуьнан серлоно латтош дара кхеран цIа гуттар а къегина. Иза даима а дуьхьал лаьттара арара чугIертачу бохамийн боданна.

Цъхьацца шо юккъе а дулуш, дуьненчу бевллера кхуьнан вежарий, хIара массарал а жимах яра, цунна тIе вина масех доьзалхо кхелхинера, жима волуш. Иза кхуьура вежарийн безамехь.

Зудчо доккха садоккху, тIаккха когаш Iуьйра лаьтта юссу. Аннаш цIийза. Ша йолччохь хIуттий лаьтта иза, ладоьгIуш. Тхов тIера чуохьучу догIанан тIадамийн тата хеза.

- ГIодмаш дIадотта а ца кхии йочана хилале, – шабарш до цо.

ТIаккха дIайовш лаьтта цIе марсайоккху, тIе чIийш тохкий. Корта морзах карахь болчу куьйгашна тIе а буьллий, дIаса а техкаш, Iа иза, цIаре а хьожуш. Аьзнаш хеза цунна юха а.

- Пом баьлла, Герман тIелетта боху, – олу хIетта Шуьйта-гIалара цIа кхачьначу дас.

МогIара хIиттина лаьтта, ойлане а бевлла, вежарий, цхьа а вист а ца хуьлуш.

- Дада, Герман и Саьрмик буй? – хойтту жимчу йоIа.

Амма да вист а ца хуьлу. ТIаккха вежаршка хойтту. Цара тергал а ца йо хIара. Кхо юха а хойтту. Эххар а Даччас каралоцу жима йоI.

- ХIаь, Саьрмик бу, бийна дIабаккха безаш, – олу цо, кхуьнан коьртах куьг а хьокхуш.

Зудчунна хорам хуьлу. Садукъло цуьнан. Шен ницкъ маббу къурд бан гIерта иза легашкахь лаьттачу дагахьбаллабийн шодах. Эххар а мукъадовлу легаш, шад пхенашкахула баьржий, ира йовхо а хуьлий, дIабов.

- Ваша, ваша... Хьо лата гIур вуй цу саьрмиках?

– ХIаь.

- ТIаккха Шида гIур вуй?

– ХIаь.

– ТIаккха Салахь тIаьхьавогIур ву, дадин шаьлта а йохьуш. Вуй? Юха Саьрмико дIакхьяллича Iуьрг а даьккхина, цуьнан букъа тIе вер ву. Вуй? Юха буьйр бу Саьрмик, хье юккъе шаьлта а тоьхна. Буьйр буй? Буй...

Шовданан хи санна, зов хилла дека йоьIан аз. ТIаккха дов.

ХIетахь боккъл а иштта хир ду а моьттура. Делахь а уггаре жимахниг уггаре а хьалха Саьрмиках лата вахар нийса ца догIура хетачуьнца. И иштта хила дезаш а ца хиллера. Дачче тIаьме кхойкху кехат шегда даийтина аьлла, юьртсоветан белхачоьуьнца барт а бина, дIавахнера Салахь. Даччас хIетахь Салахье ала а элира, сел жима волчу хьобга стенна кхойкху, ша а витина. Цо иштта хила дезаш ду, элира, хьобга тIаьхьа кхайкха а мега. ТIаккха и вийна аьлла кехат деьча, юьртсоветан секретаро дийцинера Даччина ма-дарра.

– Маржа, Дачча яI. Хьо дуо юххе хIоьттина вольхуш гича а, со ца кхетара хиллачух. Суна моьттура, дерриге а ахь сайна дийцинчу туьйранехь санна хир

ду. Хьо велха а ца вольхуш, сихха шаьлта а эцна, Саьрмиках лата стенна ца вьоду бохуш, оила яра сан. Салахьна тезет хЮгтийна кИра даьлча, хьо вахара... ХIетахь дуьйна ваза ву...

Цхьа татанаш а хезий, зудчо сацадо шен шабарш. ЛадугЮ цо. «Къарш-къарш», – хеза тхов тIера схьа.

– Дехкий а тIетаьIна цIенна... Дехкий, неций, мох а, шело а... Чаккхе ю-кх кху цIийнан а, сайниг санна. ХIан-хIа, со ца кхоьру шуна, дада, нана, со ца кхоьру шуна, Дачча, Шида, Салахь, оцу чаккхенах, кхерахь а, ас ловр ю шуна иза, нахала а ца йолуш. Суна ма хаьа аша а иза иштта лайний. Аш лайна лазам лар боккха синхьаам бу. Вон хьаха дара и дан ца дезахьара... Делахь а шух цхьаь цIа варе сатийсинера ас, Дачча. Сан нахаца яхь ма ю. Суна лаьара Нажин доьзалх хIу дуьненахь дуьсийла... Лиьча, буй пайда?.. Ахь суна бийцинчул а боккха хилла хилла-кх, Дачча, шу лата дахна Саьрмик...

«Къарш, къарш, къарш», – тхов буучу дехкийн татанаша къардо зудчун шабарш. Иза, хьала а гIоттий, аннаш а цIийзош, паднара тIе йьоду. ДIакхачале шозза соцу иза, аннийн цIийзаре ла а доьгIуш. ТIаккха паднара йисте охьахуу, бIаьргаш кора тIе а дугий.

– Хьо цхьаь бен вацара сан висна, хьо ца вахча ца мега тIаме... – ненан къурдаша хьалаюзу чьоь.

– Массо а вьодуш хилча, со ца вахча стенна мега? – гIийлла дека Шидин аз. Дечган лоха зIар тIе а къовлий, кех волу иза. И сирла-баьццара буц, и кIайн-къорза зезагаш мохехь листина, кхин ца девлла кетIахь хIетахь дуьйна. Уьш Шидица дIадахна, тIепаза дай.

– Маржа, Шида яI! Хьо вара уггаре а тIаьхьа вахнарг. Хьо вара и, Саьрмик а эшийна, важа шиь а валош, цIа ван везарг. Хьан шаьлта аьрта хили техьа, я оцу Саьрмикан чкъор чIогIа хили техьа? Хьала ца валалуш, виси техьа хьо цу Саьрмикан кийрахь... Маржа, Шида яI! Хьо дIавьодуш, азанийн патарш хьийзара хIаваэхь, дитташ техкара мохехь. ТIаккха кестта къаьстира нанех, дадех. Кху кертахь шиь дисира: сой, бодий, – догIанах а ийна, Iенало зудчун гIийла шабарш.

Ша сецча, чьоь кхин а еса хета цунна. Цхьаь тIеоьшуш санна. ХIун? ХIа-а, пешан гIовгIа дIаяьлла. Даьгна девлла чIийш. Чьоь шеллур елахь а, кхин аряяла дог-м ца догIу. Сатухур-кха сатассалц.

Иза метта а йолий, тIе юргIа а тосий, дIатаьIа. Мичара – наб. Хаддаза лардо цо кор. Кестта кхайкха юьйлалур ю тIаьхьара нIаьнеш. ТIаккха зарзлур бу бода.

Оцу боданехь Iуьллу некь. Иза кхуьнан дахар ду. Шида дIавахначу дийнахь хилла цунах дахкарлахь хьийза, шен юьхь лаьцнарг цхьанхьа а ца вуьгу некьан тача. Бакьду, масех де-м деара кхунна, дохк дIа а айаделла, хьалхяхь зезагаша къарзийна сирла анайист а гуш.

Цу тайпанчу деношкахь кхуьнан кхетамехь гIергIара гIелий, Iовраш уьдура, хьаннаш цIинлора, йолалора бIаьстенан юьхьан кIуркIамани. Кхунна ши ког а Iуьйра тIуьна Iаь гIуьтгучу, бIаьстенан малхехь дохлучу лаьттахула дIаяха лаьара, цхьалха коч мохе ловза а йойтуш, массо а хIума а кхуллучу Iаламца йолу зIе а хаалуш. Дерриге дицдеш, хьагаме дара иза. Амма хIара ца йьодура цига. Муха? Я Даччина а, я Шадина а, я Салахьна а ца евзина марзо йовзий? ХIан-хIа. Кхунна кхин а хала хир дара яха. Хир дарий техьа? Хаац. Амма хIара юхайоьрзура шен дагалецамех дуьззина лаьтгачу, денна тишлучу цIа чу, шена тIаьхьахуьйссучохь хийла сатийсамийн бIаьргаш а дуьгий. ХIан-хIа, цунна ца лаьара и денош духадогIийла. Ура-атталла кхетамехь царах дисна суьртгаш юхадендар а вежарех болчу безамна хьанал цайисар хетара. ШIаьнеш кхойкху. Бода чIагIло. Эххар а серладала долало кор.

– Кхин цхъа буйса а чекхъели, – цѐнкъа юссу зуда.

ДогІанан дерз дІасецна. Дохк дІаайаделла, малхбале серлайолуш ю.

Зуда, калош а тудий, кетІа йолу. Юърте бІаьрг туху цо. Кхеран цІа хилла ца Іа дассаделла. Шовзткъа ду. ЧІогІа боккха хилла и Саьрмик. Ца Іебаш. Цхъаццанхъа цхъалха лаьтташ къена бошмаш го, букар ситтина. Тиша цѐнош а дац цигахь-м, стагга а ца висна уьш меттахь латто. Нажин цІа-м лаьтташ ду тахана, кхана хІуъу хилахь а.

– Буйса дІаелин, Сану...

Юхайирзинчу зудчунна шен лулахо го, керта йисте а хІобттина, шага хьобжуш.

– ДІаели, Микаил... Хьо араваьлла?..

И шиь дехха лаьтта, вовшийн тергалдеш.

Зудчунна хеза шен кхетаман кІоргенехь гІела гІергІаш. Цхъа мерза-лазаме Іаьвжа дог. ХІаъ, иза ву и. Кхуьнга тІуьна Іаь гІуьттучу бІаьстенан доьхачу лаьттахула когаш Іуьйра шеца дІайола аьлладех цхъаь. Иттеш шо хъалха дара иза. ХІинца цуьнан зуда а ю – Іайнаь, бераш а...

Эххар а къонах:

– Чувоьду со-м, – олий, йовхарш а еш, шен кетІа воьду.

Зуда а йоьду божал долчу. НеІ схъайиллича, докъаран, кхеллин йовха хьожа кхета юьхъа тІе. Цхъанаэшшарехь нох дохуш Іуьллу етт. ХІара цунна хъалха хъаьвди тІе охъалахло.

Чама, сийсара а баьхкинера уьш. Даччас туьйра а дийци, кхаа вешех туьйра. Сатассалц кхуьнца а Іийна, дІабаха. Массо а хъалха санна вара. Бакъду, Салахь мелла а ондаваьлча санна хета. Гуттаренна а схъа маца богІур бу, бохий ахь? Хаац, Чама. Цхъаь мукъна а вагІахъара. Ца вагІахь, хІун дер – хІара дІагІур ю-кх уьш болчу. Иштта хилла-кх хІара дахар. Чама, хъан хъайн ирс ду. Бай тІе бажа лаьлличхъана, кхочушхуьлу хъан сатийсам... Я иштта дац те иза? Хъан а ю те хъайн гІайгІа, адаман санна яцахь а, хъайниг – бежанниг. Я тарлора ахь кхуьнан, Санун, гІайгІа лелош хуьлий а. Хъанна хаьа? Ахь дакъалоцу дела, ницкъ кхочуш хила а ма тарло Санун, оцу гІайгІане ша ерриг хъаьшна дІа ца йоккхуьйтуш, яха а... Чама, Чама, Чама...

Зуда ойланашка а яхна Іашшехь, де доккха хуьлу. Эххар а, кІоргга са а доккхий, олу цо:

– Ванах, цхъа а хІума доцуш, эрна хир ду-техъа аса мел лелинарг, хІара сан гІайгІанаш а, хІара сан баланаш а.

Таккха сихха хъала а гІоттий, етт дІабосту цо.

– ХІан-хІа, Чама, вайшиннан йиш-м хъаха яц хьедала, хъелахь, наха хІун эр ду? Уггар хъалха Іайнаа а олуш... «Къанъелла Сану, – эр ду-кх. – етт дІалалла хъалагІатта а карах ца долу». Хьуьйц, хьуьйц. Эр дац Сануна-м, – ша шага а луьйш, етт а лоллий, эвлайисте боьдучу новкъа йолу зуда.

Бухадиев Муса**Е-е гора, кура кентий**

Цен-кЕда маьхъсешший,
Куй месал, галпешший,
Арахъ – куьрк, чохъ – пешший,
Даьбош кхозу думешший.

Даккхий-кегий цЕношший,
Куц тайна стом-бешший,
Гаьз-котам, кЕорнешший,
Чохъ – кузаш, гЕайбешший.

Дац хьан боху вай элий?

Еаьржа догу бЕаьргашший,
КЕайн кьЕага цергашший,
Шун-хедар, зайлешший,
ПхьЕга-мегЕа, ялГешший.

Делара дилла вайн гЕелий.

ГЕагЕ-турс гоьмуккый,
Дайн хьаьвзина мердукый,
Готта-юткьа гЕодаюккый,
Белш шуьЕра наж-буккый.

Аша хедо лекха дуккый.

Топ-тапча, тур-шаьлтий,
Цул-серан гуо-керттий,
Кхаж кхуран еза шеддий,
Цуьнца цхьаний Еад-веддий.

Е-е гора, кура кентий!

Чоа-верга, гЕовталлий,
Дато доьхка, турмаллий,
Чохъ яьржина сал-паллий,
Йина йоцу сискаллий.

Дуй теша вай элий?

Дин, нуьйра, мажаррий,
Еда яьбла ХЕажаррий,
Ша висна пекьаррий,
Дац теша вай элий?

Уоза беа шиь еттий,
Туодан деза ков-керттий,
Хьоб ца йогу Нурсеттий,
Лелий вала, кЕант, сеттий.

Вайх ца хилла цЕен элий.

Чуг хьаьвзина маж-меккхий,
Шена дисна цаца-теккхий,
Вуола чехка хи чу эккхий
Хьан гЕулкхийн яц чаккхе.

Е-е гора, кура кентий!

Хатта даге нохчо вуй хьо,
Тукхум, тайпа нохчийн делахь,
ВорхЕий да хьан нохчий хиллехь,
Нохчийчоь хьан нана елахь,
Ненан мотт синкхача беллахь,
Орамера нохчо ву хьо –
Даллий бен хьан сужуд дацахь!

Хьажийн-ЦЕа хьан кьилба делахь,
Бакь Пайхамар бакьвеш велахь,
Иман, Еилма калам делахь,
Хьо устазаш лоруш велахь
Орамера нохчо ву –
Даллий бен хьан сужуд дацахь!

ГЕиллакх-гЕуллакх хьобца делахь,
Хьо хьайн дешан да а валахь,
Эхь-бехк сица, цЕийца делахь,
Нохчалла хьан бахам беллахь.
Орамера нохчо ву хьо –
Даллий бен хьан сужуд дацахь!

Комаьршалла хьогахь елахь,
ГЕийлачунна наьцоь велахь,
Собар, тешам хьоца беллахь,
Хьо кьинхетае а велахь,
Орамера нохчо ву –
Даллий бен хьан сужуд дацахь!

Адам, Еалам лардеш велахь,
Дала бохург деш хьо велахь,
Делан доьхьа дешдерг делахь,

Деллачунна хастам беллахь,
Орамера нохчо ву –
Даллий бен хьан сужуд дацахь!

Вац хьо нохчо иштта вацахь,
Цхьаь волчуьнца накъост лацахь,
Орам талла – нохчо вац хьо!
Веллахь, вац хьо, иман дацахь.
Нохчо Делан лай ву хьалха,
Тлаккха нохчо ву и шолгла,
Хатта даге – нохчо вуй хьо?
Дала витац шен лай цхьалха.

Даймохк

Дегласта-даймохк, тхан хьомсара нана,
Мел хаза, мел хьоме, цлераш ю хьан.
Ма члогла даздина да-нана Дала,
Цо цаьрца схьабелла хьоь безам тхан.

Ахь хийла баланаш, глайганаш лайна,
Нанас, бер санна, тхо марахьерчош.
Хьо горахлогттина, сий ма ца дайна,
Ерина йожийча, ирахь карош.

Хьоьца тхо даима сий долуш хилла,
Дуьненна девзина доьналла вайн,
Къизалла, лесалла, ямартло, хилла
Дехар дац Нохчийнчохь – мехка бу дай.

Хьол хаза, хьол хьоме, хьол дагна тайна,
Дуьненчохь мохк ма бац хьол дика цхьа.
Туйра тхан, илли тхан, тхан деган жайна,
Хьоь болу безам тхан ширлуш бац цкъа.

Дегласта-даймохк тхан, хьомсара нана,
Ехийла декъала, ирсдолуш хьо.
Хастам бу тхуна хьо еллачу Далла,
Цо лойла, нана, хьо лалашгян гло.

25 апрель – Нохчийн меттан де

Бексултанов Муса

Гучувала

Дийцар

Иштта царна а, вукхарна а,
царах хоттабелла охьабогучу
тӀаьхьа тӀекхуьболучарна а...
Дукхе-дукха боккхачу лерамца.

Автор

Цхьана кадаме ваханчуьра цӀавеанчу
дас – Солсин Къедар-Солтас – шен кӀанте
(тӀаьхьуо хиллачу боьршачу хӀумане) кхаь
баьккхира, хьуна тӀалахь болх карийна
шена, кху цӀерачу тӀулкхашца шай, йоккха
стаггий ларор ду, олуш.

КӀантана чӀога хазахийтира, ша тӀала
балха вьодуш.

Цатешшал хазахийтира кӀантана.

КӀант цхьаь бен вацара, пхеа йоӀана тӀаьхьа вина, шен йишин берийн хеннара
бен а воцуш. Цундела санна делахь а, дас-нанас кхин цӀера волуьйтуш а вацара
кӀант (цкъа Сибрех вахар бен), даима шайца сецош а вара, уьстагӀ-бежане а,
керте а хьожуьйтуш.

Бакъду, Сибрех вахале, бархӀ класс яьккхинчул тӀаьхьа, дас шопаран курсаш-
м яхийтинера цуьнга, шаш дехачу юьртахь, совхозе балха вахийта.

Цунах кхин хӀара ду аьлла тӀуллакх а ца хилира – тиша машен яра елларг,
кира-хӀума эцна дӀаса йигча, гутгар а бохург санна, цхьана кхечунна тӀаьхьа
тесна, циггара юха цӀа текхо а езаш.

Щенчух ача доьхура, цӀеначу машенах.

Дена ца лиира, ача а делла, кӀант балха вахийта.

Ача кхоор-м дацара цуьнан иза, цхьа кхин хӀума дара, хӀокху заманахь
болчу наха кхин башха лоруш а доцуш: хӀинцца бен болалуш боцу шен кӀентан
дахаран некъ къина тӀера ца хилийта – кхаь белла, рицкъ бехдан.

КӀанта хӀумма а ца элира, цу балхара дӀа а ваьлла, дена уллохь сацар бен.
КӀантана шен да вевзара, ша Сибрех, цхьана нахаца балха вьодучу дийнахь, цо
шега аьлларг а хууш.

Йижаршца а, ненаца а къаьстинчул тӀаьхьа – арахь гулбелла кхуьнан
накъостий а болуш, да волчу чу вахара хӀара, тӀаьхьара цуьнга вистхила. Да
йисттерчу цӀа чохь тӀара, шен ламазан цӀа чохь, буйнахь хьийзош кӀайн даккхий
суьлхьанаш а долуш, хьажар генна цӀенкъа а доьгӀна.

Буьртиг байн, «данк» олуш, буьртиг тӀе кхетара, да кхин вист а ца
хуьлуш. Эххар а, хьаланислуш, аьрру куьйга, молла волччуьра схьалаьцначу
суьлхьанашна тӀе, шозза-кхузза аьтточу куьйган ка а хьаькхна, багахь цхьа
шабарш а дина:

– Висха, – элира дас, жимма велааьшна а деш, цхьа кӀедо бухара кхуьнга
схьа а хьаьжна, – деллахь, Висха, ас хаза ламаз а, Къоръан а, пайхамаран (с. I.
с.) суннаташ а тӀамийна, моллалла кхайкха а, нахе ламаз дайта а хууш, къинойх
ларвеш кхийинера-кх хьо, ма къа дара-кх хьан, вала а велла, тахана дӀавулуш
ца хила... цӀенна Дала дуьхьал ваха там бара-кх хьо тӀаккха... хьуо дӀа ма-
вахара, цӀа ван тӀорталахь суна, хьайна цхьа вон хӀума дагадаьча, со дага а
лоцуш... дӀавало, Дала тӀалашвойла хьо, – тӀаьхьа а ца велира, хьалагӀоттуш,
кхуьнан пханаршна юьккъе аьтту куьг а диллина, цхьа доӀанаш дешар бен.

Нанна чIогIа ца дийзира, кIант гIалитIа балха вьдуш; нах юьртахь а бахало, бохура цо, хIара кIант цхьаь бен а вац, вайн долушдерг тоьаш а дара, вайшимма мича хьур ду хIара, шена зуда а ялийна, цахь вита веза кIант, дикане а, воне а волуш, ша-ма шен тезетах а кхоьру, нехачух тера цахиларна: хьо шайца дIахиларх терра бен, нах схьа а ма ца хуьлу, олуш. Дас дуьхьал забар йира, цкъа хьуо елла гайтахь, дуй, ас дIаюллу ца юллу хьажа, дукха жерой-м дера бу хIокху вайна гонаха, хьо яларе сатуьйсуш, аьлла.

Муха, хIун болх бу иза, аьлла, шега хьаттича, дена схьадийца ца хиира, цхьана хьаькамо, тезетахь тIекхьача, кIант гучувалията, болх а, некь а нисбийр бу, алар бен шега.

– Хьо вахал, кIант, – элира дас, – хьалхара Делий, шоллагIа хьан дай ца хиллехь, вон хьал-м дара хьуна цаьргахь Казахстанехь: да цомгуш а волуш, пхи-ялх доьзалхо вара уьш, шишша-кхоккха бен, шераш а доцуш. Со пирцепчик вара, ялта дуьйш, кIа-хIума а йогIура кара, киснашка тaIайой а, этки чу кхуссий а. Нийсса ах церан доьзална дитиний бен – юккьехь пен болуш Iаш дара тхо, – кху хьан ненан кхарда дог доцуш, кIен буьртиг сайн хIусаме беьна-м вац хьуна со оцу кхаа-деа шарахь, дера вац, цунах цхьацца гIилкхаш хир ду-кх Iусманан кIанта лелош дерш, соьгара даьлларг-м кхин доккха хIума дацара, – аьлла.

Юха, Гуьйрана, кIант гIала ваха новкъа воккхуш:

– Дала мукълахь, ас мовлад хьехна хьуна тIера, – элира йоккхачу стага, – хIокху цхьана батгахь, хьуо балхана дIаволлац, сан йиша йолчохь сацалахь, БугIана-юьртахь, тIаккхахула цхьаь дийр ду-кх, картийра льацна а я...

– Даялахь, зуда дуй, хIун картийра, хIун хIусам юьйцу ахь, хIара пIелг санна охьа-хьала лелаш машенаш ма ю вайна, ахсохьтехь бен некь а боцуш, ма Iе дера цхьаннахь а-м, цIа вола-кх, хьуо балхара ма велли, тхуна керла хабарш а дохьуш, – дас, паднара тIехула, хьостамах хьалакхозучу шен вета тосучу кучан киснара ворхI чкъор долу Iаьржа бохча схьайцира. Масех чкъор тIекIелдаьккхинчул тIаьхьа, кегийра ахча Iадда а дитина, даккхийрачу ахчанах ши кехат кховдийра цо кIанте: «БисмиллахIиррохьманиррохьийми» – аьлла, хозуьйтуш, дехха бисмилла а даьккхина.

– Охьахаал, охьахаал цкъа, со йицъелла ма Iа, Делан цIе яккхал, – олуш, кIант охьа а хайитина, йоккха стаг чуьра арахьаьдира, наштаран чамех ка а тоьхна.

Арахь гIовгIанаш евира, хьалха десачу ведарийн а, юха Iеночу хин тата а хезаш.

Ши ведар дара дуьзна, цхьаь неIарна уллохь а долуш, важа – кевл арахь.

– Делах тешна ву-кх хьо, – хазийра йоккхачу стага, кIентан букь, гуолатуххучохь, шен бIаьргашна кьайлаболуш.

Гуьйренан бутт беллахь а, арахь дикка йовха яра, ахтобус чохь Iачу кIантана гIехьачул хьацар а тухуш: доккха ши стаг ца Iийра, кастюмана тIехула палаш а, коьрта, лергаш долу, холхазан куй а ца тиллича.

Хьаькаман белхан меттиг схьакарийча («урхаллин гIуллакхашкахула йолу хIунаьхдина министерство»), аьлла цхьа дешнаш дара, куьзган бухахула, варкъ лепачу элпашца яздина), кIант меллаша, чуоьхучу нахана тIаьххье, йоккхачу сени чу велира, лакхара охьа, тхов бухара догуш гуш сирла стогарш а долуш.

ДIанехьуо, кIайчу гIюпастал дехьа, Iаьржа духарш а дуьйхина, герзах воьгтина, пIелг хьакхбелча, эькха там болуш, ши хехо Iара, дуьхь-дуьхьал а хиьна, коьртахь иштта Iаьржа, лаба йоцу горга хурашкеш цхьана агIор раз а яьхна.

Нах, цхьацца кехат дIа а гойтуш, мотт ца луйьш санна, тата доцуш, меллаша чекхбуьйлура, шайш Iачуьра меттахьхьовш ши хехо а воцуш.

ХIара, салам дала дагахь, дIа улло гIоьртича:

– Хьо кхайкхина вуй, накьост? – хьатгира цхьана хехочо.

– Ассаламу Іалайкум, – элира кхуо, велаашна дина, – со-м Султана тхан дега...

– Хьо кхайкхина вуй, боху хьобга, хьан да ца вуьйцу, – важа хехо белш тІехула схьахьабжира, настаран голана тІе хІоттийначу аьтту куьйган белш тІехула.

– Ас боху-кхи, Султана тхан дега гучувалийта а аьлла...

– Эцца охьахаахь, мила ву хьо ван?

– Къедар-Солтин кІант Висха ву-кх со...

– Дика ду, хоттур ду вай.

ХІара охьахиира.

ГІехьа ханъяьлча:

– Валол, Сокол, скажи там, – элира цхьамма вукхуьнга.

Сокол бохург дІавахара.

Итт-ткъа минот яьллачу хенахь, схьа а веьна:

– Памили хІун ю хьан? – хаьттира Сокол бохучо, шен накъосте цхьа Зарка а юьйцуш.

– Хунариков ю-кх оха лелош йолу памили, – дегІ нисдеш, хьалагІаьттира кІант.

Вовшашка цхьацца йиш-маьлаш а лелийна, бІаьра-бІаьра хьобжуш, къажа а къежна:

«Хунариков варий хьо!», – аьлла, ша-шега кхуьнан памили а яьккхина, хьалха санна, иттех минот зама яьлча, юха а дІавахара Сокол бохург.

– Со Делах дІавайла ю-кх, цхьа предислови а ца оьшуш-м... хоть на край света! – куьйгашца шен пхьаьрсаш а Іуьйдуш, накъостана велавелира Сокол бохург, тохара санна, дикка хьелуш, ваханчуьра юха а веьна.

Нах иштта тІехбуьйлура, мотт ца луьйш санна, меллаша, цхьацца кехат дІа а оьхьуш.

ХІара юха а ша висира.

– ХІан, да! Вало, приемни чохь саца, там скажут, – элира кхуьнга хехочо, шайн шабарш дІа а долош.

КІант тІаьххье а приемни чу кхечира, бухахь кхин ворхІ стаг а волуш. Нах тІаьхь-тІаьхьа тІеобхура, сих-сиха шен стоьбла тІехь «цкъув» аьлла мохь а хезна, хьаькам волчу чухьаьддачу сикиртаршо, ша ара моссаса йолу: хьобга чувола боху олуш, бухара цхьацца чу а хьажош.

Хаддаза дІасалелаш, цхьаь вукхул цІармата а йолуш, ханъяьлларш – къаьсттина, ахберзина зударий а бара, хьаржина бахкийча санна, лекха а болуш, пІелгаш санна, дуткъа кІажош долчу мачаш тІехь, вовшашка гІазкхийн мотт а буьйцуш, хьийзаш.

ХІара хаавелча, жимма совцура, цІеххьана кхуьнга схьа а хьовсий.

Ши сахьт хан яьллачу хенахь, сикиртаршас хаьттира кхуьнга, хьо мила ву аьлла.

Кхуо дІаэлира.

Сикиртарша юха а хьаькам волчу чухьаьдира, стоьбла тІехь «цкъув» а декна.

Араяьлча, цхьана кхечуьнга чукхайкхира, хІара Іадда а вуьтуш.

ТІаьххье а, ханъяьлча, чохь цхьа стаг а ца висира, хІара цхьаь бен.

Делкъахан йолчух тера дара я делкъал тІаьхье.

Хьаькаман неІ елла а луш, дуккха а нах арабевлира, даккхий геш а, галстукаш а, кІайн кучамаш а йолуш тІехь.

Кхунна хьаькам ца вевзара. ХІара хьалагІаьттира.

– Султан Усманович, вот человек, с утра... хьобца гІуллакх ду шен, бохуш...

– Сикиртаршас кхуьнгахьа куьг тесира, сан бехк болуш хІума дац хьуна, ала гІерташ санна хьаькаме.

Хьаькам гІерачу дегІахь, горго стаг вара, цІен галстук а йихкина, кІайн сизаш оьхучу сийначу кастюмахь.

Когара мачаш а яра, мокха бос а болуш, галстукца нисйина.

Накъостех ца хедаш – уьш цуьнга хьобжуш бара, – царна юккъера схьа вист а хилла:

– Хьо соьца... хІун гІуллакх... мичара? – хаьттира цо, аьрру куьг схьа а даийтина.

– Со Къедар-Солтин ву... дадас ахь гучувала бохура аьл-ла...

– Къедар... Къедар-Солта... мичара, юрт...

– Тезетахь гича, ахь шега...

– ХІа-а, хІаь! Къедар-Солта... дера ву... ткъа хьо... вай, кІант кху чоьхь, соьга схьа а ца олуш, хІара дан хІун ду! Со-м хьобьга луьй, я к тебе... – сикиртаршина тЕвирзира хьаькам, – валол, валол чу, – хІара шен кабинет чу а тоттуш.

Кабинет йоккха яра, ворхІ-бархІ метр ехачу стоьла гонаха, эпсарш санна, могІара, Іаьржа хІиттина гІанташ а лаьтгаш, цІенкъара хьала тхов буйхье кхачалц долчу корашкахь, юсаелла мархаш санна, кІайн дареш а кхозуш.

Дуккха а ишкапаш а яра, иштта Іаьржа а йолуш, аьнгалин неІаршца.

Хьаькаман стол дІанехьуо гуора, лаххара а кхо метр деха хир долуш, цуьнца хоттаделла, пурх схьа, кхин жима стол а лаьтгара, дуьхь-дуьхьал ши гІант а долуш.

Хьаькам цхьана гІанта охьахира, хІара шена дуьхьал а хайина.

– ТІаккха, дийцал, хІун ду цІахь, баккхий нах... Недар-Солтехь хІун хьал ду... дера вара хьан да дика кьонах... чардакх санна, дегІ а долуш, вара-те, оцу районехь, Карагандахь...

– Тхан дай Кустанайхь хилла бу, – элира кхуо

– Кустанайхь? ХІа-а, Кустанайхь... хІаь... хьан дех ког хьалаоза ваьхьаш цхьа стаг-м вацара хьуна цигахь, дера вацара... соьгара маршалла лолахь цуьнга, шайн нене а – нана йолуш юй вайн? Дика ду, дера ду дика... со вицвелла..., – хьаькамо, дІа а кхевдаш, цхьанхьа пІелг таІийра, сикиртарша схьа чу а хьодуш:

– Чай, чай да кІантана... кофе? – хаьттира цо.

– Суна... ца деза... ас...

– ХІунда ца молу, дера молу!

– ГІоза молийла, – элира кхуо – ца молу ас, со дадас, ахь цхьа болх хир бу аьлла...

– Болх а? Белхаш шортта ду, дера ду. Хьуна безза болх-м хир бу. ХІун яккхина... дешна... мичаьх дешна...

– Дешна вац со... шопар курсаш... эцца тхайн совхозехь, машенаца...

– Шопар а! Ахь хІун дуьйцу, Бетар-Солтин кІант вохуйту шопар. Деллахь ма цахиндерг дар-кх иза хьуна а, хьан дена а, соьгара и тайпа ледарло ялар... Ведущий специалист хир ву-кх хьох, дера хир ву, ведущий специалист компьютеран отделан, кхийтирий хьо! ХІара меттиг хьан ма ю, со волу меттиг, дера ю. Хьаккхий чувола, хетта а ца хоьттуш, муьлххачу а хенахь... гучувала, гІала веьча а, ца веьча а, в любое время! Ткъа хІинца со, правительстве, совещани тІаьхьавуьсуш... виц а ца луш, хьен ма лолахь, муьлххачу а хенахь, кхийтирий хьо? – хьаькам хьалагІаьттира, кхуьнан белш тІе куьг а тухуш, – цІа кхаьчча, соьгара маршалла... Недар... Бетар-Солте, шайн нене а лолахь.

ХІара шиь юха, кабинет чуьра приемни чувелира, хьаькамо хІара хьалха а воккхуш.

– Схьаерзал, – неІ еллалушехь, хьалаиккхина лаьтгачу сикиртарше, – хІара гуш вуй хьуна, хІара кІант! Кхунна цхьа а очард яц хьуна, муьлххачу а хенахь, хІара вуй, хІара кІант, хІара хьаккхий чувайта! Кхул веза стаг вац хьуна суна кху махкахь, дера вац... кхуьнан да, Алматахь, Недар... Къахьар... Къахьарма-Солта... дера вара иза цІе йолуш кІант... ву-кх, вара аьлча а... цІа муха... машен... ахча, соьгара хІун...

– ХІумма а ца оьшу, Дела реза хуьлда, – хІара вуьйхира, хьацар а тухуш, ша бахьнехь хьаькамо сикиртарша човхорах эхь а хетта...

– Дика ду, хІета, гІуо, маршалла... соьгара маршалла ло баккхийчу нахе, виц а ца луш...

– Юдика йойла! – элира кхуо.

– Йодика Дала йойла! Гучуваьллахь, хезирий хьуна, хьаккхий чувола, эхь а ца хеташ, эхь ма хета, хьайн цяхь санна ... гучувала...

– Деллахь, ма хьаштдоцург леладо-кх цо, – элира Къедар-Солтас, кІанта ша хьаькамо ведущий специалист вохуйтгуш ву аьлла, шега аьлча, – хьох хІун пицалист хир ву, цхьа элп дешна а воцуш, эцца шопар вахийтича а тоьур ма дара цхьана жимачу машен тІе, дера дара, – аьлла.

Юха, Ийна-а, пхьуйьран ламаз а дина, вирд а даьккхина, ша дІавижа кечлуш:

– КІант, – элира дас, – нахехь гІиллакхаш ду хьуна, шайн догІмаш дувьззина гІиллакхаш, нехан гІиллакхаш ларалахь. Со башха моьттуш а вацара хьуна, Гусманан кІентан сайца иштта лерам хир бу аьлча, дера вацара.

Ас дина хІун дара царна, хІумма а дацар-кх, кІен цинцаш кхехьар бен... иза-х воккха хьаькам ву, и хІумнаш дага ца далла. Гой хьуна, цо хьан йина юьхь. Лерам бу хьуна иза, несалла а ду-кх, ахь хьайн белшаш тІехь дІакхехьа дезаш. Хала болх бу-кх, хала болх, нахаца иштта чекхвала. Хьо ларлолахь, варийлахь, хехь лаьтга салти санна, хила веза хьуна кьонах, шегара хІума ца долуйтгуш, – дас кхин а, кхин а дийцира, Казахстанехь а, цяхь а – мел хилларш а дуьйцуш: чекхбевлларш а, цабевлларш а, дика а, вон а лелларш а цхьаьна.

ХІара шоллагІа юхавоьдуш, – ши кІира хан яьллера хІетахь:

– Со а, хьуо а юьхьаьржа ма хІоттавелахь, кІант, дуьнена хІума дош дац хьуна, шен коьртан сий доцург, ас кхин хІун ала хьобга, – кхийллира дас, кхуьнгара цхьаь даьлча санна, юха-юха а карла а дохуш.

Хехой кхиниш бара, хІара ваххана охьакхавьчча, хьалха хилларш а боцуш: милцой бара хІинца, сийна хормеш а йолуш. Пагонаш а яра, царна тІехь – седарчий а.

Цара паспорт хоттура, тІаккха дерриг дІа а яздеш. Шишша стаг вуьтура чу, памилеш хьалха дІа а хьой. ХІара шийтталгІа хилира, ткьех сов чуьра араваьлча. Бухахь кхин виь стаг а вара.

Сикиртарша кІирьелла хьаьжира кхуьнга, кхуо шен де дика дича, хІара шена цкьа а ца гича санна, кога буйххьера дуьйна толлуш. ХІара гІеххьа воьхна хилира, ша бахьнехь хьаькамо цунна доьдар дага а деана. Кхуьнца Ийна виь стаг, чу а вахана, аравелира, кхин ялх стаг тІе а вогІуш. ХІара Іаш вара, чукхайккхалц. Сикиртарша йист а ца хуьлура. ЦІеххьана неІ а еллалуш, хьаькам чуьра арахваьжира:

– Вай, хьо... хьо хІун деш ю, кьора-м яц хьо, хьобга моссазза кхайкха веза...

– Суна... суна хаза-м ца хезна, Султан Усманович, хІара тилпо, хІара болх беш... вай, Дела, трубка харцахь Іуьллуш...

– ХІара нах... хІорш хІунда сецабо... ассаламу-Іалайкум, Супьян, марша... Іела, хьо вац хІара... чудевлла цкьа, чудевлла...

Хьаькамна юха хІара гира, вист а ца хуьлуш, хІоьттина лаьтга.

– КІант, хьо... соьца гІуллакх долуш... хьо... – хьаькама кхуьнга куьг тесира, хьо мила ву, хоьттуш санна.

– Ахь чукхайкха ма элира соьга хІара, Султан Усманович, ас памиле яьккхича, – сикиртарша юьйхира.

– Мича гІуллакхана... ас маца?

– Цхьа болх... дадас, Къедар-Солтас...

– ХІа-а, хІаь, дагадогІу... Къедар-Солта хьан да ву-кх, вуй?

– Ву, – элира кхуо.

– Дика ду, дика ду, хІара нах цхьа кІеззиг... кхаьрцара гІуллакх...

...Хьо хезаш юй, ладогІал, и кІант гой хьуна, хІорш арабевлча, – цу нахехьа куьг тесира, – уггар хьалха, цхьа очард а йоцуш! Кхуьнан да шуна веза хир вац, Джизгаганехь, Іедало белхан гІуллакхана шена елла говр, нохчий сагІа доьхуш гича, оцу майданахь охьа а тоьхна, урс а хьаькхна, дІасаекьнера-кх

кхуьнан дас, уггар а лубрачу хенахь... кIен киланах итт шо хан туху зама яр-кх иза, дера яра... чохьадевлла цкъа, хIокху сохьтта хIорш, хьан це... муха..., – кхуьнга хойттура.

– Висха ю, – элира кхуо.

– ХIаъ, Висха, дика ду, охьахаа, – иза нах а эцна, чувара, уьш шел хьалха а бохуш.

Нах бухахь дуккха а IаьIира, кхин а, кхин а тIе а оьхуш.

Иштта юха чу а оьхура, сикиртарша хьаькам волчуьра чу-ара моссазза йолу, цо цхьацца чу а вуьтуш.

Кхуьнга хIумма а ца олура.

Тохара санна, хIара хьалха веьча, масех сахьт даьллачул тIаьхьа, нах берриш арабевлира, тIаьхьа воьгуш хьаькам а волуш.

Приемни чохь севцира, цхьаберш дIа а боьлхуш, вуьйш хьаькамца тIаьхьа а соьцуш.

– Со... со цкъа правительстве а хьаьдда, юха... хайттинчуьнга цига вахара эр ду-кх ахь, кхайкхина, – секиртаршегахьа схьавирзинчу хьаькамна хIара гира, нахана юьстахо, ша цхьаъ лаьтгаш.

– ОстогIфираллаI, ас моссазза... хьо дIа ца яьккхича ер яц... и кIант, со виц а велла... валол чу...

– Со юхавоьгур ву, хьайн гIуллакхе..., – кIант вуьйхира, юьхьIаьржа а хIуттуш.

– Муха юха... дера воьгур вац... правительство-м лаьттар яра, ша йолччохь, Къаьхарма-Солтин кIантал тоьлуш-м бац уьш кхин... чохьаваьл, чохьаваьл... сихха чайнан стака, кофе... чай довха хилийталахь, йоI, – хьаькама хIара хьалхаваьккхира.

– ТIаккха, хIун деш ву Недар-Солта, воккхакхилла хир ву чIогIа, маржа-яI... хIун боху кхуо, хIун боху... дера вара дика къонах, дика къонах вара...

– Ахь аьлла болх суна хала хир бу... дада а вара, шопар вахча гIолехь хеташ...

– Шопар а? Ахь хIун дуьйцу! ХIун болх беза алал хьайна, белхаш вайн шортта ма ду, дера ду... ас аьллачунна... ас хьобьга хьалха... хIун болх... муьлхха... болх...

– Цхьанхьа компьютерни... специалист... ведущий, элира-кх ахь, соьга иза... шопар хилча, жимачу машен тIехь...

– Компьютер... а... ведущий... шопар болх ма бац, мазуташ кего... тIаккха хьуна цунах, компютерах...

– Ас Iама-м ца йина иза...

– Iемар ю, дера ю, нийсса бутт балале... цул тIаьхьа хьо... хьо хIунда, специалист... начальник отдела хир ву-кх хьо, дера ву... хаза хьайна компьютер Iама а яй, кхийтирий хьо, хала яц хьуна, эцца зударша а... катоххий, виц а ца луш, цхьа бутт баьлча гучувала, виц ма лолахь, хьаккхий охьавола, хIара меттиг... хIара вайн ма ю, хьан ю-кх хIара, дера ю... хIинца, хIета, со цкъа эцца, цхьа тезет... вайна бехке стаг ву велларг, – хьаькам хьалаайвелира, геннара схьакхевдаш, аьтту куьйга кхуьнан пхьарс а Iовдуш.

– Дала гечдойла цунна, вирзина меттиг Дала декьала...

– Амин, амин, массарна а дойла, – хьаькамо хIара юкьахваьккхира, Iудикаяна мара а вуьлуш, шен галстук дIаса а тоьх-на. Юха хIара шиь цхьаний неIаре охьакхочучу хенахь:

– Со... со... со... собар, собар делахь цкъа... хIара цхьа йобьхь... дакьийна йобьхь... соьца Казахстанехь кхиьна накьост ву сан, хаспаш лелеш... цо... дадина хьор ахь аьлла, тхан дена, Iусманна... ма дика дагадаера суна... суна хIун бен ву Iусман а, Недар-Солта а – ший а да ву-кх, хьан-сан а бен а воцуш, да хилчахьана, – хьаькам неIарх къайлаиккхира, цу чуьра дIа – кабинет чуьра – гуш хиллачу цхьана неIарх. Кхуо ца оьшу, хьаштдацара, вайгахь дан ма ду, йобьхь а, жижиг а боххушехь, хьаькамо тIоьрмиг нуьцкъара кхуьнан буйна схьабелира.

– Хьюо ца кхавчча... соьгара... машен-хIума, ахча...

– Ду соьгахь, Дела реза...

– Пурба дац хьюна, со кхоавай... хIета, Недар... Бетар-Солтига маршалла, доккха маршалла нене а, нана йолуш юй вай? Ма дика ду... да-нана хьаха ду доккха совгIат,... дера ду... маршалла луо-кха, виц а ца луш... же, хIета, гIуо... гучуваьллахь, хезирий хьюна со луйш... муьлххачу а хенахь... хьайн цахь санна, эхь а ца хеташ.. хьаккхий чувола, эхь дац хьюна, дера дац, – приемни чу хIара шиь гучуваьлча – хIара хьалхий, кхунна тIаьхьа хьаькаммий, – сикиртарша хьалагIаьттира, шен хьаькаман бIаьра а хьоьжуш, хIара ван а воцуш санна.

– Хьюна болх бан кIордийнчух тера ду, йоI, дера ду... хIара кIант ахь... смотри мне... кхин хьайгара ма далийталахь, хIара муха сацаво, очард а хIоттийна, Кьаьбарма-Солтин кIант! ... кхуьнан да...

Сикиртарша елаелира, беттан йистош меттах а хьовш: «Кхин дера дац, Султан Усманович», – юха а хьаькамна бIаьра а хьаьжна.

ХIара хIоразза а вухура, хьаькамо иштта дов деш хезча, цунна бехке ша вуй а хууш.

Кхунна хьацар тухура тIаккха.

Кьедар-Солтин бIаьргех хи делира, кIанта йоьхьаш дIакховдича:

– Маржа яI-кх, – элира Кьедар-Солтас, – нехан несаллаш хала ду-кх, хьан дуйхьал дан дика ца хилча, цхьана хенахь-м, кьюона волуш... хьо а хили уггар а тIаьхьа, нехан гIуллакхе хьажжал а воцуш... диц ма де-кха, со дIаваьлча, хьайн кочахь дуй а хууш, – аьлла.

Шина баттахь ихира кIант районе, компьютерна Iама гIерташ, кхо бIе туьма ахча а луш цхьацца баттана. Кхунна зорботоха Iемира, зорботоьхнарг хийца а, дIадаьа а, кехат юха схьадаккха а Iемаш.

– Хьох хьаькам ца вича, Iан воллуш-м вац Iусманан кIант, – элира дас, – хьо вахалла, бакьдерг дийца деза-кх, со башха тешаш а ма вацара хьюна, цо сайга, кIант гучувалийта, хIун деш Iан хьо аьлла, тезетахь кьамел дича... Iусман башха сай а бацар-кхи Казахстанехь – суна дуййцуш товш-м дац иза, – сай банне а бацара-кх. Йоза-дешарх кхеташ а вара, цахь цхьацца белхашка лелла а хиллера иза. Юха, кхо-диь шо даьллачу хенахь, мацалла гIехьа лахьелча, искладе балха хIоттийра иза, пардукт йолчу искладе. Дела хьан аьлла, цхьана стагана цкьа пхьор делла-м вацара, суна дага а догIуш. КIант гой хьюна, кIант муха кхийна... Шен ирс ду-кх, Дала шена делла, хьенехан минех аьлла, кIанта ден цIе а йохуьйтуш. КIант вон кхийча, ден цIе йицло хьюна нахана, цхьанна а ву вац а ца хууш, хьалха иза мел дика хиллехь а. Хьажал хьо тахана, Iусманан кIант Султан олу хьюна цунах наха, хьалха ден цIе а йоккхуш. Хьюо цига балха дIахIоьттича, кху чу хIума ма далахь суна, гIиллакхца а, кисанца а нахал эша ма эшалахь, дIаделларг бен юха ца догIу хьюна. Муьлхха а хIума – бен а доцуш – хьаьвззий цIа кхочу хьюна, хьоьгара даьлла вон а, дика а – бIе а, итт а, ткьа а шо даларх. Айхьа динчу диканна дохко ма вийлалахь, айхьа ца динчунна бен, хIара хIинца шу зама ю, сан хенаш дIаевлла, – дас цул тIаьхьа кхин хьехамаш а ца бира балхах лаяцна, кIант дикачу стагах кхетта-кх шен аьлла, дог токх а хуьлуш.

КIант кхозлагIа а, доьазлагIа а, пхьоьазлагIа а вахара хьаькам волчу, масеххаза тIе а ца кхочуш, ворхIазлагIа тIаьхьара а вьодуш. Иза аькка дара, август баттахь, хIара дуйхьара цига вахана, ялх бутт а баьлла, ахшо дузуш. КхозлагIа вахча, компьютерщик муха во хьох, Бетар-Солтин кIантах, и зударийн болх ма бу, хьох сан... дерг а, доцург а – галдаьлларг соьга олуш, сан хьехамча хир ву-кх хьох, араьх долчу гIуллакхана, дера хир ву, наха хIун боху а, хIун дуййцу а – дукха ма ду, со тIаьхьа ца кхуьуш – со нисвеш волу сан накьост, кхийтирий хьо!

– Кхийтира, – элира кхуо.

ДобазлагIа вахча, цо кхунах помощник вира, сикиртарше кхунна хьалхара заявлени а яздойтуш...

«Хьайгахь дита, хьайгахь, – элира цо йоIе, – соьгахь хилча галдер ду, дукха ма ду кехаташ», аьлла.

Цул тIаьхьа кхин шозза вахча – тIе ца кхочуш, масийттаза ваханчул тIаьхьа, – керла-керла даржаш дара, цу хIора а даржана – шен-шена – заявлени а дуйтуш тIаьхьа.

Нанас, хIоразза а, хIара дарж дохьуш, цIа веьча, сагIийна хIума луора, довха дан а дой, хингалш а, чIепалгаш а луш.

Да воьхна хуьлура, ша хIун ала деза а ца хууш.

ЮхатIаьхьара, ворхIазлагIа вахча, кхунах хьаькамман замхилира, хьалхарниш этIош, керла заявлени а яздайтина. Цу дийнахь, дена хьуо аьлла, ши маьхьси а елира цо: «Iусманна, вайн дена йохьу ша аьлла, цхьамма еьнера хIорш кху чу, юха хьо... хьо гича, Недар... Бетар-Солта дага а веьна, деллахь ма товш хир яр-кх шу Къаьхарма-Солтин когахь аьлла, хьо гучуваллалц бохуш... пурба дац хьуна, ма-ма, ма аьллахь соьга, – нуьцкъара уьш кхуьнан пхьаьрса кIел а йоьхкина, – соьгара маршалла, виц ма лолахь, мерза маршалла, шайн нене а... нана йолуш ю вайн... ма дика ду... гучу а вала, бен а дац хьуна, гIуллакх хилча а, ца хилча а, хьаккхий чувола, со хьенех волчу вогIуш ву алий, кхийтирий хьо, эхь ма хета, эхь дац хьуна, хьайн цIахь санна, эвхьаза гучувала, – олуш, кхуьнан белш тIе куьг а тоьхна, шега хьоьжучу машен чу хиира хьаькам, кьу лаца санна, гондIа хьийзаш, маццахлера Сокол бохург а, кхин дуккха а хехой а болуш.

Де довха дара, хьех чекхбала гIерташ санна, батталуш малх а болуш.

Кху маьхьсешца ши кIарх ма дика хир бар-кх дена, бохург дага а деана, базарахь кIархаш хоьржуш, сахьт сов хан а яйина – делкъан ламаз-м хIета-вета а дахнера, – малхбузан ламазна цIа кхуьур вацара-те, бохуш, кхетта-кхеттачу машенаца хIара шайн юрта чувулуш, лобрийн машен иккхира хьалха, маьхарх йоьдуш санна, шийла орца а эцна.

Гуттар а санна, дегI тохалуш, хорш хьаьдира кхуьнан дегIах, цу машенан мохь хезча, шена хьодуш ма хиллара. «Цхьанна йоьдуш хир ю-кх хьо, цхьана мисканна», – элира кхуо шен дагахь.

Машен кхунна еьна хиллера, кхуьнан дена, тIаьхьа хиндолчу дахарна а.

Да паднар тIехь Iуьллура, истанга тIехь, нийсса аркъал хьалавиллина. ТIехь бохкуш лобраш а бара. «Инфаркт мозга, – хезира кхунна, – правое полушарие».

– ХIун хилла кхунна, хIун ду хIара? – хаьттира кхуо, цара дуйцучух ца кхеташ.

– Инсульт йолчух тера ду кхунна, меттахваккха мегар дац, – элира лобро.

Нана коьртехь хиьна Iара, кхуьнан ден – шен майрачун коьртехь, юьхь тIехь цхьа бос а боцуш, ша-шеца санна, наха дуйцург а, нах а ца гуш. Юха кхин лор валийра, районера воккха лор. Нах чуьра арабехира, хIара тIаьхьа а вуьтуш. Кхаа дийнахь ларван веза, элира цара, уллора стаг дIа а ца волуш. ШозлагIчу буса, Iуьйрана, маьждигехь кхойкхуш молла а волуш, ден хар дахделира, кхачо санна, са чу а уьйзуш. Хар тIаьхье а дIасецира, пехаш вовшахдевлча санна, са чуоза хIума а доцуш. Лулахочо еса сихдира, ша дешна валарцанна, бIаьргех охьа хиш а хьаьлхаш.

Нах дукха бара: дехьа-сехьара, ярташкара, кхунна гина боцурш а тIехь. Массара а Казахстан а юьйцура, цигахь хилла Къедар-Солта, цо дина хилла диканаш а дуйцучуш, цо нехан дIабохкар, вала да воцуш, мацалла белла нах цо Iалашбар.

Тезет гIехьхьа лахделча, тIаьхьарчу, – кхозлагIчу дийнахь, кIайн йиь «волга» хIоьттира сьха, хьалха-тIаьхьа а ца хIуттуш, ул-уллохь нислуш.

Цхьаьна ГАИ-н машен а яра.

Хехой, парх-пирхнехь, юккъехь Сокол бохург а волуш, кино чохь санна,

кхийсалуш, машенашкара охъалилхира, бахтарш долчу батинкашца, ахтоматаш а йолуш карахь, кIора санна Iаьржа духарш а гуш.

Уьш дехъа-сехъа дIахИттира, дуьненан еа маьПе хьобжуш, яхъаш тIехь, цхъамма санна, массара а цхъабосса оьгIазалла а ялийна.

ТIаккха «волгин» неIарш еллаелира, хьалха охъаваьлла цхъаь, лакха йисттерачу «волгин» неI елла а хьодуш. Воккха стаг ваьккхира охъа, кIайн шиял а, мажделлачу гIа басахь таьIна кител а йолуш тIехь, цIулла сара санна, юткъа Iаса а, беран карахь ловзорг санна.

«Iусман ву, Iусман, – шабарш хьаьдира рагIу кIелахь, цхъабосса хевшина Iачу баккхийчу нехан могIарехь, – Султанан да ву», – олуш.

Iюха хьаькам а велира охъа, Iусманан кIант Султан. Цаьрца кхин бархI стаг а вара.

Iусман бохург хьалха а волуш, вуьйш уло-тIаьхъа хИттира. Уьш кевна чохъа бовллушехь, салам дала тIекхача итт-пхийтта метр йисинчу хенахь, баккхий нах хьалагIевттира, уггар хьалха, кадам эца хиьна волу юьртан къеда Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа а гIоттуш.

– Диэ, диэ, диэ, пурба дац, доIа диэ, ахь диэ, – ю туху моза къахкош санна, масеххаза пурх дIа куьг ластийра Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжас, Iусман бохучо, салам а делла, амин ала куьйгаш хьалалаьцца.

– Дела ва-кха хьо маьрша, – Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжин юьхь къегира, Iусмана бинчу кадамна дош ала а вицвелла, – хьалаваьл цкъа, хьалаваьл, кхузза хаал, кхузза, пурба дац хьуна, сан бакьо ма яц, хьол лакхахь хиьна Iан, – олуш, иза шен метта охъа а хаййна.

ТIаккха хьал-де, маршаллаш, Iусманна тIеоьху нах, хьаькамна марабетталуш, шай-шай тIекхача гIерташ, генахь соьцуш, уллохь, екхна яхъаш, къамелаш...

Тезетах базар хилира, дIабаха новкъа бевлларш а тIехь, ген-геннара юха схъа а оьхуш. Хьалха дена тIехьовдура, хьаькаман дена Iусманна тIе, шалха а оьхуш, марабетталора: «Ма гIатгалахь, ма гIатгалахь», – хиьна Iачу цуьнан тIома кIел а оьхуш. Вукхун куьйгаш – Iусманан – ший а цхъаьний схъадеьна дара, дехъа-сехъа шен тIома кIела оьхучу нехан белшаш тIе дайн охъадетташ.

– XIара Къедар-Солта, – вистхилира тIаккха хьаькаман да Iусман, – Дала гечдариг, Казахстанехь вайн лулахь Iаш вара XIара... хаза бегIийла стаг а вара, сискалца ша хала валлахь а, нахаца кхин чIиркье а воцуш. Со пардукт йолчу искладан хьаькам вара. Iаламат йоккха исклад яра, даа мел кхоьллина хIума а долуш чохь. Цхъацца гарзан пачка лой а, шекаран кийла кховдайой а, туьхан цинц хьой а, рицкъанах ца хадуьйтуш, чекхваьккхира ас XIара. XIора буса бохург санна, XIара Къедар-Солта а, кхинболу нах а, мовлад ешийта воллура со, олуш – кхарна дага хIума ца дайита, – со волчу чу кхуьйллиш, даош, малош, иштта хене-м бехира ас, кхано ялта хIума а хилла, нах паргIатбовлалц... Дала декъалвойла XIара, Дала гечдойла...

– Дела реза хуьлда хьуна, Iусман, юха а и Дела ша реза хуьлда-кх хьан сина а, дегIана а... шайн ворхIе а дайх дисинарг ду-кх ахь лелинарг а, тахана а иштта лелош дерг а... шайна Дала елла комаьршо ю-кх хьобца а, хьан доьзалца а, шун берийн берашца а, – хозуьйтуш, мохь а тоьхна, вистхилира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа, – шу дацахъара, оха хIун дийр дара, тхо мискачу наха, шун комаьршонца дехаш ма ду тхо, дера ду, кху махкана а, нахана а хууш, – аьлла.

Наха тIаьхъара тоьшалла дира, шай-шай чIогIа дан а гIерташ.

Хьаькаме цхъамма: «XIара – кIант ву, – олуш хезира кхунна, – Къедар-Солтин кIант».

– Дала гечдойла, – мохь белира хьаькаме, ши куьг некхехь тIекIел а дуьллуш, – дера вара дика къонах... новкъахь хаддаза дадас и вуьйцуш, Бетар... Къедар-Солта санна... да валар бохург, доккха хIума... хьан да хилла ца Iа, вайн массеран а да велла, дера велла,... вай цхъаь ду хьуна тахна... хьуо цхъалха ма хеталахь... тхо ду хьан гIуллакхана... хьуна оьшучунна... муьлххачу а хенахь со а... болх а, така а – муьлхха а хIума, суна XIара оьшурал, алий... хьаккхий со волчу, хьайн цIахь санна, эхь а ца хеташ, эвххъаза гучувала, кхийтирий хьо! – хьаькама чIогIа мохь туьйхира, нахана тIехула дIаса а хьожуш.

– Султан, хьовца (шена уллохь Іачу Іусмане – хьаькаман дега – бехк цабиллар а дехна), хьовца кІезиг гІуллакх дара сан, – олуш, хьала а гІаьттина, жимачу стага кьано санна, тІома кІелахула пхьарс бохуйтуш, хьаькам схьа мара а кьевлла, меллаша дІанехьавелира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа, цуьнан лере шабарш а деш.

Дикка лаьттира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа, цкъа хьаькаме хьалахьожуш, юха лаьттан бІаьра вогІалуш, тІаккха цунах куьг Іуттуш, цхьа ойлане корта лестош, Іасан тІе везза вазлуш. Эххар а, вукхо белш тІе куьг а детташ: «ХІаь, хІаь, кхийтира со», – олуш, байн корта а тІеош, схьа а веана, охьахира юьртан кьеда.

– Деллахь, Султан, – юккьера цхьаь кхайкхире, – стохкалере Іа ма шийла даьккхи-кх ас чІогІа, баго и кІора боцуш... цхьа кІоран машен нисъян хьан каьлча...

– КІоран машен а... цо хІун дуьйцу! Ший-м хир ю... кхоь, хьашт мел ю, – хьаькама ша лаьттахохь ши-кхо гуо тесира, нахана тІехула куьг а кхийдош, – схьавоьл, мичахь, и шопар... сюда, дІаяздел, яздел сихха... кхо машен кІора...

– И семечка олург ца богу хьуна, Султан, важа и... муьлхха... баккхийра, жагІа санна...

– Орешка-м ца буьйцу ахь? – кхоьссира кхечо.

– ХІаь, и орешка, Султан...

– ДІа... дІаяздел: орешка, кхо машен, – хьаькама куьг ластийра

– Майрбек, и кІора а битий, хІара вайна каравеьанчуьра, газ аьлলেখь хІун дара-те вай, – вистхилира кхин цхьаь, – ялсамане кхаьчча санна, Іаш бу-кх вайн луларчу юьртара нах...

– Газ а? Вай, хІинца а газ яц... и... и муха... дІаяздел: газифицировать село Октябрьское! – хьаькам цецвелира, мерах шок тухуш, корта а ластийна.

– Цу газал хьалха-м больнец дера оьшура вайна... районе охьакхачале... и Кьедар-Солта вожьча...

– ОстогІфируллахь! ХІоккхул йолчу юьртахь... бархІ эзар стаг вехачохь... хьо муьлххачу а оьрсийн поселке дІакхаьчча... запиши быстро: стационарную больницу с пятидесятью койками... и... и две, нет, три машины «скорой помощи», – хьаькама ша теллира юха, ша шопаре дІаяздайтинарг...

– ХІан-хІа, нах, – вистхилира тІаккха Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа, – хІара Султан вай иштта хьийзича – хІара цхьаь бен а вац, – кхечарна тІаьхьа хІун дуьту вай, кхин а ма бу кху махкахь министреш а, хьаькамаш а... паччахь а ма ву вайн... Іусман, – элира цо юха, хьаькаман да мара а вуллуш, – шу ма Іе, вайна йовха а ю, Султан иштта а мокъа вац, вай санна, – аьлла.

– ХІара тезет схьа ма хеззи, кхузахь хила везаш а дера вара, – долиьра хьаькаман дас, – кху кІентан гІуллакхаш, хІара ша волчуьра лакха а ваьккхина, кхуьнан цІа вар а ца хуьлуш...

– Ойаь, кхин мича лакха, хьан балхал боккха хІун болх бу! – Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжа «цецвелира», хьаькаман да юкьах а воккхуш, кхаь кхаьчча санна, велар а хьаьдда.

– Масане ду кхеран уьш, и белхаш... и цхьа пирмер боху, вице-пирмер... министарш карахь болу... хьуо волчохь Іехьа, хьо иштта а каравора нахана, ас бохушшехь – нах бу-кх кхунна гуттар а дагахь, нехан хьашташка дикох хьажалур вара-кх ша аьлла, шена а ца луьушехь, цига дІа-м вахна хІара, – хьаькаман да хьалагІаьттира.

– И тхоьга схьа а ца олуш, хазахетаран дакъа а ца луш, ваха воллур-кх хьо, Султан, – хьаькамна резавоцуш корта ластийра Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжас, – ткъа хІун болх, маца дуьйна схьа? – аьлла, хаттаре бІаьра а хьаьжна.

– Вице-премьер олу цхьа гІуда ду-кх, болх аьлча а. Дий-пхи де а дара и кехаташ кегош – тІевогІучунна меттиг цІена йита еза-кхи, жІаьла санна дІа а ца воьдуш, цунах хьевалар нисдели-кх, дада а хьеви ас, – хьаькам бехкала вахара.

– Ой-й, Дала декьалбойла и болх, схьавоьл цкъа, маракхетал! – Сайд-Мохьмад-Салахь-Хьаьжас куьйгаш дІасадахийтира.

Хъаькам цунна мара а кхетта, нах кхин цаьршинна тӀаьхъара ца хедаш – дена а, кӀантана а, – уьш машенаш тӀе дӀабахча, лаьттина-а, ши-кхо гуо а тесна, цхьана хӀуманна вицвелча санна, резавоцуш, меллаша схьа а веьна, везза охьахира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжа, уллохь лаьтта шен Ӏаса, шинна а куьйга схьалоцуш, хьалххь дӀа а гӀортийна.

ДӀогарчу машенийн неӀарш, «тӀох-тӀих» деш, тӀееттаяла юьйлаелча:

– Машен... сацае машен, – мохь белира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжига, – вицвелла, цхьа сахьт ца даьлলেখь! – олуш. Цхьамма дӀа мохь туьйхира, собарде, совца, аьлла.

Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжа меллаша, цхьацца ког а боккхуш, хъаькаман да Ӏусман Ӏачу машенан берте а вахна, неӀ схьа а йиллина, важа машена чуьра ца вуссуьйтуш, охьа тӀе а лахвелла:

– Цхьа минот ца яьлলেখь, Ӏусман, негӀат духур-кх сан... хӀара Ӏаса, со бархӀазлагӀа Макка вахча, Маккарчу воккхачу шайхас: хӀей, хьо лаьттарг, хьо кьонаха аьлла, соьга схьа мохь а тоьхна, ма дукха оьху-кх хьо кху Макки чу, хӀара Макка ДегӀастана дӀаяхьа гӀерта-кх хьо! Кху Маккин хьурматана хӀара Ӏаса хьохъара ахь цу ДегӀастанарчу мурдашна аьлла, хӀара Ӏаса кховдийра соьга... Боккьал а, деллахь, ма боккха болх бу-кх хьо, хьанна лур яр-те хьо, бохуш, кху Ӏасан ойлаеш, сийсара дӀатаьӀначу суна, Ӏусман, хьо ги-кх цу гӀенакхьолахь, хӀара Ӏаса ма хаза ю хьан, хьенех, хӀара мичара яьлла хьуна, бохуш, соьга хобьттуш. ЭхӀ, Дала ша хаьржи-кх кху Ӏасан да аьлла, самаобккхушехь, хьо дагавеьна, хьуна тӀекхача негӀат долуш, сахуьленга вели-кх со сийсара... Дала валий-кх хьо кхуза тахна, дӀалацал хьайн Ӏаса, – олуш, Ӏаса хъаькаман ден когаш юккье дӀа а хӀоттийна, «чӀоп» аьлла, цуьнан яьшначу бесни тӀе, моз кхоллуш санна, йоккха барт яьккхира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжас.

Машен чуьра хъаькаман да охьавала тохавелира.

– Пурба дац хьуна, пурба дац! – шинна а куьйга иза сецош, йоккха гӀовгӀа а эькхийтира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжас, хеццане иза дӀа а ца хобьцуш, я схьа а ца волуш. И дерриг а хезаш а, гуш а лаьтгачу хъаькама, Ӏусманан кӀанта, шен чета охьа куьг а хьош, схьахьаьддачу, Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжин, оба санна, йоккхачу гӀовгӀалан кисана, таӀош буй бахийтира, пӀелгашна юккьехула гуш ахчанан дакьош а йолуш. Эххар а – цул тӀаьхьа а гӀехьа тийса а велла – хьалатаьӀначу Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжас:

– Дала Ӏалашвойла хьо, Дала вахавойла, гӀуо хӀета, Ӏусман, некъ дика хуьлда! – олуш, шинна а куьйга машенан неӀ тӀетуьйхира, оцу сохьта юха, кьовллуш, хъаькам мара а воьллина.

ТӀаьхъара, куьг а ластош, уьш новкъа а баьхна: «Гучувала, муьлххачу а хенахь, хьайн цӀахь санна, эвхьаза, хьаккхий чувола», – машен чуьра цхьаьнга луьйш хезаш хъаькам а волуш, везза, цхьацца ког а боккхуш, схьа а веьна, шортта, меллаша охьахира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжа, хъаькамо буй таӀийначу киснахь, дехкий лелаш санна, меттаххьуьйш аьрру куьйган пӀелгаш а долуш. Куьг, охьахиьча а, киснахь дара, иштта хаддаза шайн болх беш. Цхьа деро – ша тергал вой-те аьлла – нахана тӀехула дӀаса а хъаьжна:

– Дика лаьтгаш стаг ву Ӏусман, – элира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжас, – тӀаьхье дика кхиьча, сингаттам ца хуьлу дегахь, шайна хьанал бехаш нах бу, шайна хьанал бехаш, – аьлла.

Юха, нах бистхила кхиале: «Алла-хӀумма соли-Ӏала-а», – дӀаайдира Сайд-Мохьмад-Салахь-Хъаьжас, киснара схьадаьккхина куьг, кисана тӀе охьа а детташ.

Наха тӀаьхъара: «Ӏа-а-а», – элира.

КӀант хӀинцца кхета вуьйлира, я боккьал а кхийтира, шена ду моьбтург а доцуш, нехан бакьдолчу дахарх.

ХӀара ткьа шарна воккхахира, ткье итт шарна кьан а луш. Ша цхьалха а хийтира кхунна, дуьненчохь ша цхьаь, юха цунах воккха а вира, ша иштта шена цхьалха хетта, кху нахаца декьа – кьовса, кхаьрца нисдан шен хӀума доцуш.

2007 шо, 4 январь

25 апрель – Нохчийн меттан де

Докка Кагерманов

**Нохcholлин генаш,
я сан деган пхенаш**

Нохчийн мотт,
Ас ладегIарна ахь олучу
Дайн иллешка,
Бабас буса дуьйцуш
Хьан туьйранашка.
Ахь царца Iамийра со
Харцдуьне довза.
Хьан ойла еш вийлла со
Даймехкан лаьмнашка,
ГIа-патарх юкълучу
БIабстенан хьаннашка.
Хьан марзонца гIиртина
ЖилIалам довза.

Нохчийн мотт,
Ас ладегIарна хьобга
МаслаIатна буьйцуш,
Кхолламан лард йилла ахь
Заахало дуьйцуш,
Тобшаллехь безамаш
Ахь ирсе берзийна.
Гина дера дов а
Ахь машарца хуьйцуш,
ДоттагIша санна
МостагIшна куьйгаш лобцуш,
Хьан беркатах даима
Со воккхавийна.

Нохчийн мотт,
Хьоб бийца хуучарах
Хилла со хьобгуш,
Сайн хаарийн кьеллина
ГIайгIане а обьгуш.
Iамо лууш баккхийчаьрга
Ла а дегIна,
Хезна махарш дохуш,
Дешнаш нийса лобгуш.
Сайн хьабвхьенехь лелла со
Деган нур собьгуш,
Хьан хIора дош лаца лууш
Дешин гур ас бегIна.

Нохчийн мотт,
Айса лаьцна дош хазо
Со араволу.
Пхьобха ца го. Ши стаг ву
КIажвахна воьлуш, –
Кхечу маттахь чIогIа
Хабаре ваьлла.
Со гича, лаьцна малх санна,
Юьхь тIехь кхоьлуш,
И шиь воьду кхаьрдаш,
Кхин а гIарца воьлуш:
Боху: «Ваши, хIун дийр ду?
Вайн мотт дIабаьлла!!!»

ХIан-хIа, бакь дац, ма ала,
Сан кьам ца делла:
Заманийн, кегарийн мекха
Матах йобьлла.
Цундела нохчийн метан
Хаза йиш хаьлла...
Ма ала, ма ала нохчийн мотт
ДIабаьлла.
Ма ала, ма ала цуьнца вайн кьам а
делла.
Ма ала,
Ма ала,
Дохковала.

Гиллакх

Гиллакх, хьох ду
Воккхачун сий деш гIаттар,
Баьрче воккхуш, могшалла,
Хьал-де хаттар,
Жимхалла дан кийча
НеIаре хIоттар,

Гиллакх, хьох ду
Бакъдерг эсала алар,
Вас хилла долчунна
КъинтIеравалар,
Дош кIон аьлларг бехкана
Доховалар,
Мотт кIеда кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Гиллакх, хьох ду
Ненахой сийлахь ларар,
Стунцахошца нисбар
Эхь-бехкан ларам,
Барт эгIача цаьрга
Ца хьежар гара,
Оьздангал кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Гиллакх, хьох ду
Воккхачун некъ ца хадор,
Хадийнарг бехк боккхуш
Ца Iадор,
Вьдург, вогIург цунах
Новкъахь ца кхардор,
Оьзда нах кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Гиллакх, хьох Далла
Кхоьллина деза,
Хьекъал а делла хьан
НиIматаш довза,
Дезачохь, девзачохь
Деха хьох гIоза,
Хьох деза кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Гиллакх, хьох ду-кха
Ялсаманин хьоза,
Хьобгахь ду, боху,
Фирдовсан и догIа,

Ахь гIо делахь, долийча
Мийзан оза,
Хьох деза кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Гиллакх, хьох даздарна,
Сайна хьох марздарна,
И марзо чIагIьярна,
Хастам бо ас, хастам бо
Везачу Далла.

Оьздангалла

Оьздангалла, хьох ду
ТIаьIна ладогIар,
Шен са Iехош, беса бохь
Ца богIар,
ЭгIамна доцу бахьанаш
Ца лехар –
Оьзда нах кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Оьздангалла, хьох ду
Кхача даар ца кегор,
Дуучохь даарийн цуьргаш
Ца легор,
Дааршна юккъехь вьолуш
Цергаш ца къегор –
Оьзда нах кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Оьздангалла, хьох ду
Лерина ца хьежар,
Нехан зударшна совнаха
Ца къежар,
Доькка хаьдда топ санна,
ХьошалгIахь ца вожар –
Оьзда нах кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Оьздангалла, хьох ду
«Ас, со» сов кIезиг бахар,
Лакхе езаш нахал ша
Хьалха ца вахар,
Наха аьлла дешнаш
Шен дола ца дахар –
ЦIена нах кхолларна
Хастам бо ас Далла.

Оъздангалла, хьох ду
 Гай йора, оъзда кхабар,
 Даарийн шортонах
 Вузале Iабар,
 Шена ца тайна чам
 Нахехь ца хьабар –
 Оъздан нах кхолларна
 Хастам бо ас Далла.

Оъздангалла, хьох ду
 Довзал нисбар шен шуьнехь,
 Довзална довзийтар
 Iадатан дуьне,
 Кхеторах жоп дехар
 Довзалан нене... –
 Оъзда нах кхоолларна
 Хастам бо ас Далла.

Оъздангалла, хьох ду
 Бераш шайн бехках хебар,
 Бехк боккхуш дас, нанас
 Мотт кIеда лебар,
 Ца гайтархьама
 Берийн бIаьрхино ледар –
 Оъзда нах кхолларна
 Хастам бо ас Далла.

Оъздангалла хьох ду
 Боберех кьахетар,
 Церан гIелаллех а
 Дог хууш кхетар,
 Царна хезначохь
 Велалуш ца этIар –
 Оъзда нах кхолларна
 Хастам бо ас Далла.

Iадат

Iадат, хьох ду
 Iалашвар висинарг
 Ирс дайна цхьалха,
 Хьаьрчинчу балеха
 Ваккхар и хьалха,
 Дог хьостуш цуьнан са
 Даккхар а малха,
 И Iадат хиларна
 Хастам бо ас Далла.

Iадат, хьох ду
 Воьссинчу хIусамехь стаг
 Дог цIена тIелацар,
 Лурвоьллехь и ларвар
 Наха чIир эцарх,
 И чIир йитгалц хIусамдас
 Ког ца хецар,
 И Iадат хиларна
 Хастам бо ас Далла.

Iадат, хьох ду
 ЦIий хьаьрчинчо юкь ястар,
 ЦIийнах, юьртах иза
 Кьайлаха кьастар,
 Куьзган хьалха йошуш
 Шен юьхь ца хьастар,
 И Iадат кхолларна
 Хастам бо ас Далла.

Iадат, хьох ду
 Ваша воцчу йишас шен
 Вешин чIир екхар,
 ЧIир еккхалц йишас
 ХитIахь ког ца хьекхар,
 Хезаш, ца хезаш
 Безамна йиш ца лекхар,
 И Iадат кхолларна
 Хастам бо ас Далла,

Iадат, хьох ду
 Ден бисинчу куйнан сий
 КIанта лардар,
 Ден хилла гIиллакх цо
 Ша-шеца хаздар,
 Тайпанна юьхькIам берг
 Доьналлехь чIагIдар... –
 И Iадат хиларна
 Хастаме бо ас Далла.

Iадат, хьох ду
 Лулахойн вонехь ков деллар,
 Хьешашна даа, мала
 Хьалха диллар,
 ПаргIат хила, аьлла
 ХIусамдас дуй кхоллар,
 Комаьршо хиларна
 Хастам бо ас Далла.

25 апрель – Нохчийн меттан де

**Арби Вагапов,
Абу-Магомед Джамалдинов**

Характеристика нахских заимствований из картвельских языков

В настоящей статье, предлагаемой вниманию читателей, рассматриваются картвельские (грузинские) заимствования в чеченском языке. Дается их анализ с точки зрения семантики, фонетики и хронологии.

К вопросу о нахских заимствованиях из картвельских языков в разное время обращались такие специалисты-кавказоведы, как: Т.Б. Гониашвили (1940), Ю.Д. Дешериев (1953, 1963), А.Г. Мациев (1975), И.Ю. Алироев (1971, 1978, 1990), М.Р. Овхадов (1978), А.С. Куркиев (1979) и др.

К заимствованиям из грузинского языка разные авторы относят следующие чеченские слова:

ага – колыбель, люлька; **аьрзу** – орел
бад – утка; **балл** – вишня; **балг** – топинамбур, земляная груша; **баргуол** – путы, тренога; **буо** – сирота; **буога** – чаша, ваза; **буржал** – путы, тренога; **бухIа** – сова
вир – осел
гали – мешок; **гуота** – плуг
жохжагIати – ад; **жIала** – собака; **жIара** – крест
захал – сват; **зебар** – лейка; **зуд** – сука
калцIуола – *презр.* девица, баба; **куй** – шапка; **куотам** – курица; **куьйра** – маслобойка; **куьйра** – ястреб; **кIесаркIаг** – затылок; **кIира** – неделя, воскресенье; **кIудал** – медный кувшин; **кIунзал** – лысина, плешь
луом – лев
мангал – коса; **марха** – религиозный пост; **мерцхаьлдиг** – стриж; **мозгIар** – священник; **муорзах** – шипцы.
полла – бабочка; **пIёраска** – пятница
рема – табун (лошадей)
тIуорказ – сундук
уоршуот – понедельник
хан – время; **хиен** – дерево; **хиерх** – пила; **хуорша** – лихорадка, жар; **хуох** – лук; **хуьнжар** – поясной ремешок, учкур
цаца – сито, **циел** – мотыга; **цициг** – кошка;
ча – солома; **чич** – перхоть; **чIир** – кровная месть; **чIуондарг** – род музыкального инструмента
шуот – суббота
элгац – церковь, часовня, храм
эмкал – верблюд

На предмет заимствований из картвельских языков дополнительно следует изучить слова **ткъиес** – молния; **цкъарг** – вид лука; **тхов** – крыша; **цхар** – навес, конек; **хурма** – финик; **цIабал** – каштан.

Фонетические особенности картвельских заимствований

Для картвельских заимствований характерно наличие большого числа депессивных комплексов в анлауте, таких, как: **жI** (**жIала** – собака, **жIара** – крест), **пх** (**пхий** – хевсур), **ткъ** (**ткъиес** – молния), **тх** (**тхов** – крыша), **цх** (**цхар** – навес; конек), **цкъ** (**цкъарг** – вид лука).

К ярким признакам картвелизмов можно отнести также абруптивы в анлауте заимствованных лексем (особенно **кI**), ср. **кIара** – телятник, **кIесар** – затылок (?), **кIира** – неделя, воскресенье (груз. **кIвира** – воскресенье), **кIудал** – кувшин (груз. **кIутали** – маленький кувшин), **кIунзал** – лысина (груз. **кIундули** – остров), **чIир** – кровная месть (груз. **чIири** – горе), **чIуондарг** – музыкальный инструмент, **чIерг** – перекрытие, **пIераска** – пятница (груз. **пIараскеви**), **Шьянгаза** – Панкиси (груз. **Шанкиси**). Здесь и далее мы приводим слова, традиционно относимые к заимствованиям, однако заимствованный характер некоторых из них мы подвергаем сомнению, но об этом см. ниже.

В некоторых основах при заимствовании произошла метатеза:

груз. *eklesi* > чеч. **элгац** – церковь, часовня; груз. *aklemi* > цова-тушин. **аклам** ? > **элкам** – чеч. **эмкал** – верблюд.

Семантические особенности картвельских заимствований

Яркой семантической чертой грузинских заимствований в чеченском языке является их связь с христианской символикой, иначе говоря, принадлежность к *религиозной лексике* (ср. **кIира** – неделя, воскресенье; **уоршуот** – понедельник, **пIераска** – пятница, **шуот** – суббота, **элгац** – часовня, храм; **марха** – религиозный пост, **жъжагIати** – ад, **мозIар** – священник).

Некоторые заимствования относятся к названиям флоры и фауны.

Названия растений: **балг** – топинамбур, **хурма** – финик, **цIабал** – каштан, **хуох** – лук.

Названия животных: **жIала** – собака, **куотам** – курица, **луом** – лев, **эмкал** – верблюд, **куйра** – ястреб, **мерцхаьлдиг** – стриж.

Разные заимствования: **захал** – сват, **кIацIуола** – кривляка, стилиага, **пурни** – пекарня, **цIура** – импотент.

Статистический анализ картвельских заимствований

Картвельско-нахские лексические параллели можно разбить на четыре группы:

1. слова, генетически общие в картвельских и нахских языках
2. слова, заимствованные из собственно картвельских языков в нахские
3. слова, заимствованные из восточных языков через грузинский язык
4. слова, заимствованные из нахских языков в картвельские языки

Общее количество лексических параллелей в картвельских и нахских языках приближается к 100.

Хронологический анализ картвельских заимствований

Заимствования относятся к средневековому и древнему периодам. Отдельные чеченские слова отнесены к картвельским заимствованиям без соответствующего сравнительно-исторического анализа. К такого рода «заимствованиям», в частности, можно отнести следующие лексемы: **ага** – колыбель, люлька, **бад** – утка, **балг** – топинамбур, земляная груша, **буо** – сирота, **вир** – осел, **зуд** – сука, **кIесаркIаг** – затылок, **мерцхаьлдиг** – стриж, **муорзах** – щипцы, **полла** – бабочка, **рема** – табун (лошадей), **цаца** – сито.

Спорными являются также такие заимствования, как: **луом** – лев, **куотам** – курица, **мангал** – коса, **хара** – дупло, **хиерх** – пила, **ча** – солома, **эмкал** – верблюд.

Ага – 1. колыбель, люлька; 2. в *топонимии*: ложбина, впадина. Общенах.: инг. **ага**, цова-тушин. **акIван** – люлька. Образовано безаффиксным способом от нах. ***аган** – валиться, кланяться, раскачиваться, колыхаться, дрожать – восстанавливаемого на основании инг. **ага**, **оага** – сотрясаться, дрожать (ср.

муохк аг, дуне аг – земля дрожит, **муохк оагар** – землетрясение, **ка ца āгаш** – без дрожи в руке, не колеблясь, чеч. **иэган** – клониться, колебаться; падать. Цова-тушинская форма, возможно, подверглась влиянию груз. **акІвани** – колыбель, люлька – или является грузинизмом (ср. гинух. **акІвани**). Отношение же чеч.-инг. **āга** к груз. **акІвани** неясно, наиболее вероятным представляется, что груз. слово идет из нахского субстрата. Классная форма этого же глагола представлена в нахск. ***д-иеган** (чеч. **д-иегуо** // **й-иегуо** – трясти). Дальнейшие связи, несомненно, ведут к чеч. **й-ига** – вести, увести, угнать; лат. ago, egi – приводить в движение, вести; шевелить, двигать; угнать, уводить; agito – приводить в движение, размахивать, потрясать; вести себя, действовать.

Балг – земляная груша, топинамбур. Общенахское: диал. **балаг**, инг. **болак**, цова-тушин. **bolok** – редька, редис; **bolk'a'o** – репница. Не обоснована точка зрения, по которой чеч. **балг** выводят из груз. **bolok'i** – редис. Фонетически последнее, наряду с дигор. **болга, болкла**, ирон. **булкі** – редиска, редька, скорее идет из нахских языков, чем наоборот, ср. туш. **болокІ**. Сближение **балг** со слав. ***bolgu** – белый гриб (Бернштейн, Очерки, 234), ***bolgu** – красивый, благородный; сладкий (ЛАЕ 98) – позволяет перебросить семантический мостик между «топинамбур» и «редька» (оба плода белого цвета) и восстановить внутр. форму слова как «белый овощ». В структурном плане слово разлагается на корень **б-āl-а** – всходить, нарастать, набухать, и суф. **-г**, аналогично индоевр. ***bel-gh** – быть пухлым; набухать, вздуться (от ***bhel** – разбухать): исланд. **belgr**, готск. **balg** – мешок, швед. **bälg** – живот, англ. **belly** – живот; др.-англ. **belgan to swell** (Маковский, 2005: 104), откуда получаем уточненный этимон рассматриваемого слова как «белый пухлый овощ».

Вир – осел. Общенахское (инг. **вир**, цова-тушин. **вир**), имеющее, на наш взгляд, соответствия в северокавказских (авар., лак. **warani** – верблюды, дарг. **Walri**; лезг. **lawar** – верблюды) и индоевропейских языках: лат. **vir** – мужчина; прус. **vir** – мужчина; лит. **vugas**; готск. **waig** – мужчина; авест. **viṣa**; др.-инд. **viṣas** – мужчина, герой, **varana** – верблюд, тохар. **A wir** – молодой, молодец (ср. лакск. **вири-чу** – герой). Общим семантическим признаком этих слов является значение «крепкий, сильный, выносливый» (Гамкрелидзе 1984: 469), ср. типологически чеч. **саг** – мужчина из **сай** – олень, **буожа** – мужчина из **буож** – козел, вожак, **мар** – муж из ***мар** – марал, олень, ***ари** – самец, мужчина, **ари** – нехолощенный баран. Исходной огласовкой корня, вне всякого сомнения, является **-а**, ср. чеч. мн. ч. **варраш** (< **варнаш**), цова-тушин. мн. ч. **варби** (< нах. ***вар-**), поэтому груз. **вири** (осел) не может быть источником нахских слов. Видимо, дело обстоит наоборот. Идея силы, крупности в основе **вир** хорошо просматривается в груз. **вир-тагви** – крыса (= осел-мышь), мегр. **вири** – осел, крыса > осел. **уыры** – крыса.

Гали – мешок. Вайнахское (чеч. диал. **галие**, инг. **гали**), имеющее соответствия в кавказских языках: андийск. **гвала**, дарг. **гавлаг**, удин. **гавал** – мешок. Сопоставляют с груз. **гвалаги**, осет. **голлаг**, урарт. **кале**, перс. **гале** – род мешка с широким отверстием. Сюда же рус. диал. (арх., сверд.) **каль** – мешок. Исходная форма ***гāлаг** (> **гāлай** > **гāлей** > **гāлие** > **гāли**), на наш взгляд, разлагается на основу ***гал** – рот, уста (ср. **гаьллаш** – удила; дагестанск. ***клал** – рот, язык) и суф. **-аг** (ср. **лами** < ***лам-аг**, **бери** < ***бар-аг**, **терхи** < ***тарх-аг**, **хечи** < ***хач-аг**). С семантической стороны ср. чеч. **барт** – рот, уста – **берт-иг** – отверстие мешка; чеч. **бага** – рот; англ. **bag** – мешок; перс. **гале даһан** – большой рот.

Зиебар – лейка. Собственно чеч.: диал. **дзавар, дзевур**. Встречается во многих языках: авар. **забру** – лейка; удин. **цаьппири** (***дзаьбири**), **дзавури**, лакск. **забри** – воронка; осетин. **дзаври** – воронка; груз. **дзаври**. Предполагают заимствование из картвельских языков. Однако многие из приведенных форм, на наш взгляд, за исключением лакской и осетинской, фонетически трудно вывести из грузинского. В связи с этим интересно отметить сходство

чеч. диал. **дзабар** – лейка – с литер. **забар** – узор, орнамент, чеканка – откуда вырисовывается общий семантический признак этих лексем – дырчатость, наличие нарезки. Не исключено, что эта основа родственна также чеч. **гиба** – кувшин; лезг. **циб** – крынка (< **дзиб** < ***гиб**).

Куй – шапка, папаха. Общенахское ***кау** > ***кеу-** // ***коу-**: чеч. диал. / кистин./ **куьй**, акк. **куьда** < ***куди**, инг. **кий**, цова-тушин. **куд**, мн. **кадби**. Источником слова считается груз. **kudi** – шапка. Однако на почве нахских языков фонетически невозможен переход **куд(и)** > **куй**. Поэтому привлекаем к сравнению индоевропейский материал: *(s)keu – покрывать, покрытие, прагерм. ***kudhia**, иран. ***xauda** – шапка, шлем; перс. **χοι**, **ход** – шлем. Данные факты свидетельствуют, что интересующий нас -д-, скорее всего, расширитель корня **кув-** // **куй-**, как в индоевр. *(s)neu- вить, *(s)poud- витое; узелок; перс. **нэй** – камыш – соответствующих чеч. **нуй** – веник, **нуйьда** – плетеная пуговка (см.) < ***над**. К тому же бацбийская форма мн. числа **кадби** свидетельствует о первичности пранахской формы **кад** – шапка в сравнении с **куд**. Так что, вопрос о заимствовании чеч. **куй** из грузинского языка остается открытым.

Чеченское **кӀесар** – шея, тыл, затылок – в составе **кӀесаркӀар** – затылочная впадина – производят от груз. **кӀисери** – шея (Алироев 1971). Однако, нам представляется, что дело здесь обстоит наоборот, и груз. **кӀисери** – шея – идет из нахских языков. Основанием для такого вывода служит тот факт, что **кӀесар** – шея, тыл, затылок – закономерно восходит к форме **кӀасер** – производной от основы **кӀас** – макушка, пик, загривок – при помощи форманта исходного падежа **-ера**. Нахская основа **кӀас** сохранилась также в чеч. **кӀассаш** – форме мн. числа от **кӀус** – макушка головы. В диалектах представлены еще формы **кӀис** – макушка, пик; **кӀас** – острый камень (А. Сулейманов. Топонимия Чечни). Наличие дагестанских соответствий (ср. цезск. **кос**, гинух., гунзиб. **кӀос**, бежтин. **кӀоцо** – вершина, гребень; бежтин. диал. **кӀоцо**, гунз. **кӀоцо** – череп) наводит на мысль о том, что мы, вероятно, имеем дело с общекавказским корнем.

В тушинской форме **сакӀер** – шея, выя – произошла метатеза, т.е. перестановка звуков: **кӀасер** > **сакӀер**. Отсюда цова-тушин. **сакӀрек** **ПокӀ** – затылочная впадина (= чеч. **кӀесаркӀар**).

Луом – лев. Общенахское: инг. **луом**, цова-тушин. **лом**. Единодушно считается заимствованным из грузинского языка. Однако груз. **ломи** – лев, насколько нам известно, на почве картвельских языков не объяснено. В то время как чеч. **луом** может быть увязано с нахск. ***лам** – гора, скала, камень, обломок, осколок; ломать, разрывать – родственным, по нашей теории родства индоевропейских и нахских языков, славянскому ***lomiti**, ***lamati** – ломать (рус. «лом, ломать»), герм. ***lam** – хромой (др.-в.-нем. **lam**), индоевр. ***lem** – бить, разбивать. В таком случае внутренняя форма нах. **луом** – лев – может быть, объяснена как «растерзывающий, разрывающий, ломающий зверь» – и это находит типологическое подтверждение в парах: индоевр. ***leu** – лев при индоевр. ***leu** – резать рвать; скала, осколок, камень (Pokorny I, 868-871); др.-инд. **Mrga** – зверь – при и.-е. ***mrg** – ломать, разрывать (Маковский, 2004: 530). На основании сказанного мы считаем, что не груз. **ломи** является источником для нахского **луом** – лев – а наоборот. Более того, вопреки существующему мнению, такое же направление заимствования мы предполагаем для груз. **вири** – осел – и нахск. **вир** – осел (см. выше). Требуется дальнейшего исследования, ввиду отличия семантики, причастность к нахск. **луом** – лев – других созвучных северокавказских форм: лезг. **лам**, **крыз.**, **будух.** **лем** – осел; хинал. **гылам**, **удин.** **аьлаьм** – осел. Впрочем, общим семантическим признаком этих лексем может быть значение «сильный, могучий зверь (лев), сильное, выносливое животное (осел, онагр)».

МӀангал – коса (инг. **мангал**, цова-тушин. **мангал**). Широко распространенное слово, обозначающее в одних языках косу (ср. афган. **мангал**, **удин.** **мангал**, др.-

арм. mangal, араб. манжал – коса), а в других – серп (ср. др.-груз. mangali, груз. **намгали**, цова-тушин. **намгал**, лезг. **мангал**, агул. **муккал** – серп). В плане дальней этимологии слово мангал, вероятно, образовано при помощи суф. **-ал** от основы ***манг** – челюсть, зубы – представленной в чеч. **минга** – родинка (< бородавка < маленький зубчик), **мангал-комар** – ежевика (< колючий тутовник), итал. mangiare – есть, пожирать; франц. mang-er – есть, проедать, разъедать; лат. *mang – обрезать, шлифовать, гранить, точить. Исходное значение **мангал** – серп, коса. Точка зрения, по которой чеченское слово идет из грузинского, в свете сказанного требует дополнительного изучения. Не исключено, что направление заимствования здесь может оказаться обратным.

Мангал-комар – ежевика (инг. **мангал-комар**). Сложение **мангал** – коса, серп (см.) и **комар** – тутовая ягода. Растение получило название по колючему стеблю, ср. типологически этимологию рус. «ежевика» от «ежовый», «колючий, щетинистый», «кустарник (и ягоды – плоды, вырастающие на нем) названы по ошетинившимся, торчащим в разные стороны шипам и колючкам на побегах» (Шанский, 1973: 253).

Мерцхалдиг – стриж. Собственно чеч. Считается заимствованным из груз. языка. При этом какие-либо пояснения по поводу семантического и формального расхождения груз. **мерцхал** – ласточка – с чеченским мерцхалдиг – стриж – насколько нам известно, отсутствуют. Поскольку чеченскому языку не свойственно изменять заимствования ни семантически, ни структурно (см. **зāхал**, **кIира**, **пIёраска**, **жъжгаIати**), полагаем, что имеет смысл попробовать дать этимологию чеч. **мерцхалдиг** на нахской почве. Тем более что этому способствует и его созвучие с чеч. **мерцхалг** – обожженное место на теле – которое вряд ли может быть случайным. Первое, что нужно выяснить, есть ли что-нибудь общее между стрижем и ласточкой. По Ожегову (1984, с.273, 672), стриж – «небольшая птица... с длинными острыми крыльями»; ласточка – «маленькая птица... с длинными острыми крыльями». Значит, общим признаком этих птиц является наличие длинных острых крыльев в виде стрелок ножниц. Логично предположить, что именно этот наиболее бросающийся в глаза признак, вероятно, и заключает в себе основа ***мерцхал** – ласточка, стриж. Поиск в этом направлении приводит нас к словам **мерз** – струна, стрелка, **муорзах** – щипцы, **муорзах-дийла** – перекрещиваться; расходиться в разные стороны, откуда для стрижа напрашивается этимон – птица с крыльями в виде ножниц – поддерживаемый и рус. «**стриж**» от «**стригу**, **стрижет**». Таким образом, чеч. **мерцхалдиг** является суф. производным (суф. **-диг**, ср. **хIурцIалдиг** – чиж, **чегIардиг** – ласточка) от основы **мерцхал**, родственной **мерцхалг** – порез, разрез.

МуорзагI – щипцы. Вайнахское: инг. **моардзагIа**. Суффиксальное производное (суф. **-ах** // **-ух**, ср. карзах) от основы ***марз** – стрелка – родственной **миерз** – струна, **миерз-лаьхьа** – змея-стрелка. Фонетическое развитие: **марзух** > **морзах** > **муорзах** > **муорзагI**. Первоначальное значение – инструмент в виде двух перекрещивающихся стрелок, ср. **галмуорзахвIа** – разминуться, разойтись. Интересно отметить сходство с лат. morder – кусающийся – от mordeo, morsum – кусать (итал. morso – удила), франц. mordre – кусать, mors – удила, morso – кусок, mordant – кусающийся, кусачки; mordache – ручные тиски. Груз. **марцIухи** – щипцы – видимо, восходит к нахской форме, а не наоборот. В пользу этого, на наш взгляд, говорит направление фонетического развития в нахских языках **дз** > **цI** (ср. **муорз**, **цIовза**, **цIогIа**, **цIузам**), а также отсутствие рассматриваемой лексемы в цова-тушинском языке, где она, по логике вещей, должна была бы в случае заимствования присутствовать в первую очередь.

МуорзагIдIа – разминуться, разойтись, разъехаться (в пути). Вайнахское: инг. **моардзагIдIа**. Сложение основ **муорзагIа** – отклонившийся, перекошенный – и **дIа** – стать, становиться. Возможно, связано с груз. **марсх**

– неудача, поражение (от первоначального «промах, отклонение, кривизна») и марсхена – левый, левая рука (от «кривая рука»).

Хāра – полость, пустота; дупло; кадка для зерна (из выдолбленного дерева). Вайнах.: инг. **хархие** – дупло, **хара** – полый, выдолбленный. Считается грузинизмом, ср. груз. **хари** – дупло, кадка. Однако с этим мнением не вяжется отсутствие данной лексемы в цова-тушинском языке, а также ингушская форма **хархие**. Более того, это слово входит еще в состав чеченского топонима **Хара-чуоь** – Харачой – название местности в Веденском районе Чечни, откуда был родом знаменитый абрек Зелимхан Гушмазукаев-Харачоевский. Все это позволяет усомниться в заимствовании чеч. **хāра** из грузинского. Наоборот, более вероятным представляется, что грузинское слово идет из чеченского языка или, в лучшем случае, является нахским субстратом в картвельских языках. И, наконец, отметим сходство рассматриваемого слова с афган. (дари) **г`ар** – дупло; армянск. **хор** – пропасть, ров; др.-инд. *akharas* – нора зверя (Ф IV 265) – и этимологически темным рус. **харя** – морда, пасть; **харий** – урод. Последнее, судя по семантике, также восходит к чеченскому диал. **хāрие** с развитием значения: полость, отверстие > полость рта > пасть > морда, харя. С культурно-исторической точки зрения сравните аналогичные семантические отношения в паре: слав. ***борть** – дупло – нахск. **барт** – рот, отверстие. Ингушское **хархие** – дупло – в структурном отношении является промежуточным звеном между чеченским **хāра** – полость, пустота, дупло – и вайнахским **хиерх** – пила (см. ниже), до сих пор считавшимся грузинизмом.

Хиерх – пила. Общенах.: инг. **хиерх**, цова-тушин. **херх**. Считается заимствованным из груз. **херхи** – пила. Однако не исключено, что здесь более сложные отношения. Дело в том, что ни в одном из языков, куда эта лексема якобы проникла (ср. абх. *а-х`архi*, *а-хi`архi*, осет. **хырх**, цезск. **хирих**, хварш. **херех**, бежтин. **хорхо**, гунзиб. **хэру**), нет никаких следов грузинской морфемы **-и**, что довольно странно. А огласовка бежтин. **хорхо** вообще не может быть объяснена на картвельском материале. Поэтому мы склонны рассматривать эту лексему в одном ряду с инг. **хархие** – дупло; чеч. **хāра** – полость, пустота, дупло; **хир** – резьба, **хиеруо** – зазор, щель, **хиердан** – делать зазор, разделять; лезг. **хер**, **крыз**. **хыр**, табас. **хырхын** – рана, рутул. **г`ирхыр** – гной < нарыв, рана; цахур. **хырхын** – нарыв < рана. Это позволяет распознать в чеч. **хиерх** суффиксальное образование с суф. **-х** (ср. **чалх** – хлам, **малх** – солнце, **молха** – лекарство, **дилха** – мякоть мяса) от основы **хиер** – резать, царапать, скрести – с вероятным этимолоном «режущий инструмент с зубринами». Думаем, что сюда же имеет самое прямое отношение и индоевр. **kherph* // **serph* – резьба, срезание, орудие жатвы, серп: греч. *κτοριον* – серп; ср.-ирланд. *soḡan* – серп; др.-англ. *harfest* – осень (< жатва), др.-исланд. *harft* – борона, лит. *kepri* – срезаю; латыш. *siņre* – серп (Гамкрелидзе 1984: 692), осет. *æxsyrf* // *æxsirf* – серп, балтослав. **siņp*, **serp* – серп. Ср. к фонетическому чередованию **с** // **х** татар. **сыр** – резьба, насечка, надрез – при карач.-балкар. **хыр** – нарезка.

Цаца – сито, решето. Общенах.: инг. **цаца**, цова-тушин. **цац**. Исторически нахское **-ц** восходит к **-с**, отсюда восстанавливаем исходную форму ***саса**, которая представляет из себя редупликацию основы ***са**, родственной индоевр. **se* – сеять; просеивать, провеивать, трясти (лат. **seso* – сеять; др.-в.-нем. *saheŋ*, др.-сев. *sa* – сеять; рус. «**сеять, сито**»), армянск. **sasan**, адыгейск. **сысын** – качаться, трястись; мегрел. *sancaŋi*, груз. **сахсахи** – трястись. Учитывая возможную связь «решето» и «ресница» (ср. пушту **чач**, дари **чадж** – решето для просеивания), привлекаем к сравнению нах. ***цацам** – ресница (> чеч. **цIацIам**). По фонетическим причинам неприемлемо объяснение из груз. **сацери** – сито – ср. чебер. **цџо** и особенно кистин. **цоц** (Алироев 1975: 192), в котором заимствований из грузинского на порядок больше, чем в остальных диалектах чеченского языка. Возможно, следует принять во внимание и гинух. **цеца** – сочиться, просачиваться, пропускатся.

Це – зуб лошади (инг. **ца**).

Имеет широкие соответствия в кавказских (дагестанск. ***це-** // ***ца** – зуб; абх.-адыг. ***сс(а)** – зуб; груз. **сел** – мотыга) и славянских языках: слав. ***се** – зуб – в ***се-n-iti**, ***се-r-iti** – щериться, скалиться; ***сень** – зев. С последним интересно сравнить также чеченское диалектное **ча-н-еш** – челюсти – от **ца-н-еш** – зубы.

Циел – тяпка, мотыга; соструг (инг. **циел**, цова-тушин. **цел** – коса).

Принято увязывать с груз. **цели** – коса. Однако в свете нахск. **ца** // **цие** – зуб; адыгейск. **цы** – зуб; дагестанск. ***сал-** // ***сил** – зуб (андийск. сол, каратин. **сали**, багвал. **салу**, чамал. **салв**, дарг. **цула**, хиналуг. **цулоз** – зуб), лакск. **цулун** – косить – слово можно разложить на почве нахско-дагестанских языков: **цие** – зубец, острие + суф. **-л** (ср. чеч. **ча**, цова-тушин. **чал** – солома – при груз. **чала** – солома). Для идеосемантики ср. нах. **гъм** – мотыга – при **гъми** > **гёма** – зуб; челюсть, инодоевр. ***gem** – зуб; чеч. **гаци** – зуб – дагестан. ***квацца** – мотыга. Следовательно, груз. **Цел** – коса вместе с чамал. **цел**, хварш. **цел** – мотыга – скорее всего, идут из чеченского языка.

Чир – траур; кровная месть (инг. **чир** в **чир лиехар** [Куркиев], цова-тушин. **чир** – мор, заразная болезнь, **чирих дала** – статья в тягость, **чир кхеъа** – заразиться, **чир хета** – лениться [Кадагидзе 1984: 782]). Считается заимствованным из груз. **чири** – горе, печаль – хотя последнее, на наш взгляд, не объясняет некоторые семантические трудности. К тому же с культурно-исторической точки зрения известно, что закон кровной мести (кстати говоря, предписанный человеку всемогущим Богом /Сура 17, аят 35 (33)/) имел большее распространение среди нахов, чем среди картвелов. Это обстоятельство стимулировало нас на поиски пранахской этимологии **чир**. Результаты поисков привели нас к мысли, что данная основа, скорее всего, является палатализованной формой ***кчир**, родственной чеч. **кчора** – уголь (< ***кчару** – черный, угольный), **кчарлагла** – позорная куча, позорный столб (< черная куча = символ проклятия), цахурск. **кчарна**, табасаранск. **кчару**, лезгинск. **чулав** – черный. Отсюда внутренняя форма нах. ***кчир** // **чир** восстанавливается как «черный траур, черные дни; горе, скорбь, оскорбление». В плане дальнейшей этимологии интересно сходство с рус. «**скорбь, оскорбление**», араб. **karbun** – скорбь, горе, лат. **carbon** – уголь.

Литература:

1. Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – 292 с.
2. Алироев И.Ю., Овхадов М.Р. Кхечу меттанашкара тӀеэцна лексика. – Грозный, 1978. – 84 с.
3. Гониашвили Т.Б. Словарные схождения чеченского и картвельских языков./ Труды института языка, истории материальной культуры им. академика Н.Я. Марра. Т. 5-6. – Тбилиси, 1940. – С. 575 – 623.
4. Дешериев Д.Ю. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – Грозный, 1963.
5. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. – Грозный, 1979. – 256 с.
6. Мациев А.Г. Очерки лексикологии современного чеченского языка. – Грозный, 1973. – 160 с.

Мариян Шейхова

Мариян Шейхова (Миясат Муслимова) – известная лакская поэтесса из республики Дагестан. Является автором нескольких поэтических сборников: «Ангелы по крови» (2005), «Наедине с морем» (2009), сборника публицистики «Испытание свободой» (2009); «Диалоги с Данте» – новая книга, посвященная Кавказу и уже вызвавшая интерес у читателей страны через знакомство в сети Интернет. Ниже публикуем несколько стихотворений из последней книги автора.

Четыре лилии на черном

Четыре лилии на черном,
на белом – женская рука,
Над бурой пашней дышит паром
усталость спящего быка.
Спят ортачальские мадонны,
и оголенных плеч тепло
Ягненком белым на колени
вздremнувшей ночи прилегло.

*Птица желтая в бубен бьет,
Осень сотая мед нальет.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.*

В мускатных гроздьях винограда
тучнеет жертвенно река,
Алеет винный язычок
над горловиной бурдюка,
И скатерть таинством травы
легла под тени песнопений,
Лучи закатные запнулись
о белоснежные колени.

*Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.
Дрогнет ночь от птиц
На плече моем,
Будем крылья шить
Мы с тобой вдвоем.*

Прощаю – белым, красным – плачу,
а желтым – рушатся века.
Четыре лилии на черном...
Какая в зрелище тоска...

На небе – только в белом,
на черном – почва и цветы,
И день доверчиво глядится
в полет звенящей темноты.

*Птица желтая утро пьет,
Осень верная хмель нальет,
Дрогнет ночь от слов –
День расступится,
Я сорву покров –
Свет потупится.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.*

Каменный триптих

Есть ли кто здесь?..
Тишина оседает на крышах,
Глиной першит между стен
и струится песчаной тоской.
Молчаливая весть
Поднимается выше и выше
И ищет свой камень,
чтоб вымолить вечный покой.

Пчелиные соты в засохшем меду
На ветру рассыпаются пылью –
Это сакли лепные дремлют
в ладонях вершин.
Эге-ге-гей!.. Есть ли кто здесь?..
Только скалы клубятся былью,
Да травами лечит ветер морщины
глубоких лощин...

Здесь хлеб с чабрецом не пекут
и дым не горчит над селом,
Убринские жены кувшин к роднику
не поднимут на плечи.
В пахучие травы коровы не ткнутся
шершавым теплом,
И вечер не выйдет навстречу
отарам овечьим
Под говор реки и напевы
родной лакской речи.

Был ли кто здесь?..

Постаревшая нежность, затаенная в
камне, стынет в горсти,
На губах запорошенной пылью
последний горчит поцелуй.
Примет ли высь запоздалое слово
«прости»,
Когда скорбь переполнит молчанье
святой Вацилу¹,
Чтоб отчаянье дней провести бороздой
по лицу?..

Будет ли кто?..

Звуки – мальчишество речи,
Горы не требуют слов,
Здесь говорящий увечен,
Как конь без подков.
Звуки – воинство речи,
Молодость древних слов –
Памятью раны лечат
И возвращают кров.
Материнское слово,
Здравствуй!
Живи, отцовская быль.
Забвение речи – рабство,
Жизнь без памяти – пыль.

Это твое Макондо

Не пашет раб землю,
за плугом не ходит, не сеет,
По воловьим следам тоскует
в полях чернозем.
Бурый день, как отшельник,
по оврагам дымится и тлеет,
И ущелья с тоскою глядятся
в небесный проем.

*На крыше мама с кувшином
День с молоком взбивала,
Желтое масло в лоцины
Густо стекало.*

В спину толкает ветер,
тминной обидой веет,
На подошвах крестьянских ног
уносим останки земли.
Станут ладони мягче
и души чуть-чуть слабее,
Чтобы не слышать, как в поле
ищут зерно ковыли.

*Мама в хлеву пахучем
Корову травой кормила –
Чабрец на зеленой круче
Не знает ила.*

Старый Сурхай за оградой
землю костями греет.
Кладкой речного камня
сакля глядится в Койсу².
Это твое Макондо
в чреве у времени зреет,
Чтобы кормить тобою
памяти пыль и тоску.

*Посохом были тропы
И колыбелью горы,
Ты не услышишь ропот –
Камни укроют поле.*

Убра

Черепки родной речи
в ущелье Убра собирала,
На тминных кустах поскользнулась,
За чабрец ухватилась рукой.
Всего-то – трава,
Над обрывом в горах удержала.
... Я с тех пор потеряла покой.

Ты не случайно здесь

Подъем был так тяжел,
что звуки отступили,
И воздух медлил быть...
Присядь со мной, чужой.
Подъем и спуск дыхание стеснили,
Испытывая путь мой чередой.

Ты не случайно здесь,
 паломник, тайный друг.
 Здесь нет красот,
 лишь высота стремленья.
 Смотри, как Солнца
 светлоликий круг
 Вверяет нам лучи благословенья.

Молчи, молчи... Пусть горы говорят,
 Послушаем сердца тысячелетий.
 Они, как птицы, над землей парят,
 Не мы за них – они за нас в ответе.

Горы лечат

Торг объявят для царского входа
 в золотушный,
 нахрапистый рай,
 На асфальтовом ложе природы
 в сад химер
 превратился мой край.
 Бьются камни оград об ограды,
 спесь богатого сброда крепка,
 Жизнь течет ритуальным обрядом,
 бессловесна, бесстрастна,
 пуста.

*Там, за грядой,
 Дышит ветер степной,
 Поднимается в небо по кручам.
 Он теперь сам не свой,
 Не шальной, не хмельной –
 Он горами к молчанью приучен.*

Выжимаются камни до трещин,
 загоняют леса под асфальт,
 Черный цвет выбирает женщин,
 алый цвет выбирает ребят.
 Роль скорбящего сына – свободна,
 торжествует отец на пирах,
 А земля одинокой мадонной
 колыбели качает в горах.

*Там, за грядой,
 Веет ветер морской,
 Все стихии – паломники неба.
 Тишиной, тишиной
 Над поникшей землей
 Горы лечат –
 И тех, кто там не был.*

Война гонит в спину

Беженцы из Сухуми.
 Шквальный огонь рассчитан
 на скорость убегающих –
 Отстал, упал, споткнулся – мертв.

Переход беженцев через
 горный перевал в Сванетии.
 Зима. Ночь. Ветер.
 Ослепительное сияние Кавкасиони –
 Кавказский хребет.
 На снегу лежат замерзшие
 с табличками на груди.

Война гонит в спину –
 хоронить некому.
 Через горную стремнину
 перебираются грузинки,
 опираясь на старость.

Над пропастью скользят дети.
 Безутешно плачет мужчина,
 Причитает, как мать:
 На его руках замерзшая девушка.
 Она также ослепительна красива,
 как Кавкасиони.

Мужчина просит идущих помочь
 спустить труп с горы
 в деревню.

Война гонит всех мимо.

Через год я найду его.
 Это Резо Ломидзе,
 Инеза была его племянницей
 И росла в семье
 вместе с его тремя детьми.

Когда бежали из Сухуми,
 Младшему – Шота –
 было два месяца.

Он замерз первым.
 Нечем было вырыть могилу,
 И его уложили в сумку.

Ночью им выпала встреча
 с крестьянином,
 Который разжег костер.

Возле огня сумка зашевелилась.
 Я держу в Гори на руках
 этого мальчика

И молю о прощении за все,
 чего не сумела сделать.

Западная Грузия, 1994.

О, какой тамада – Минадора!

Рокот горных речушек, сванские башни, Кодори.
Страх и позор – две сестры, и третья для беженцев – горе.
На ночлег постучимся – кто в доме? Три старухи за стол приглашают.
На топчане прилягу, в щели ветер свистит и, как может, сквозь сон утешает.

Будят ночью – застолье готово. О, какой тамада – Минадора!
Что ей время – подкидыш ослабший, что ящик Пандоры?
Курит «Астру», грозиво живет и пока ей всего девяносто,
Речь звучит, как гекзаметр, и душа – богатырского роста.

Папиросы – одна за одной и в руке пистолет неразлучный,
Минадора смеется: Не дрейфь! Бандитам со мной несподручно –
По горам и долам проскакала всю жизнь, собирая колхозы,
Если в лоб попадет моя пуля – знай, по делу отправлю занозу.

Пир в разгаре – лепешка да чача. Наконец-то мы свиделись с небом.
Минадора ко мне обращает свой тост, разломив пополам кусок хлеба:
«Я дала бы отсечь себе палец, Эльвира, за возможность сказать тебе слово
На твоём языке, вести стол по обычаям вашим
под защитой грузинского крова».

Ночь длинна, и пустыня снегов обживает ущелье Кодори. Нет в Кодори
Дороги – есть пропасть, лавины и горы. Нет в горах ни преданий, ни сказок,
фольклор в сундуках не лежит. Здесь слово – не память сказаний, а способ
и думать, и жить. «Кавказ подо мною» – ошиблись поэты, горы не сходят
вниз. Спуск и подъем на вершины Сванетии, дорога в старинный Тифлис
– и имя напевно, и память – от Слова, и вечна печаль тамады, пусть рог
изобилья прольется, как звезды, над былью Кавказской гряды.

¹ Вацилу – священная гора в Лакском районе Дагестана.

² Койсу – горная река в Дагестане.

Ахмет Денисултанов**Моська**

Рассказ

Господа, в этом большом материальном мире всегда найдется маленький красный уголок, с тюлем на окнах и обоями, вышедшими не только из моды, но из жизни вообще. Конечно, ему далеко до конференц-зала, но ничего, мы люди не гордые, главное – есть где язык почесать, а заодно, на читателя посмотреть, да и себя показать, смотрите, мол, завидуйте! Ну что, узнали меня, вашего покорного слугу, коллегу по творческому успеху, столовой и проходной? Прекрасно, мне приятно, а вам? Ну так вот, Герасим я, нет, не тот, который утопил в ванной Муму, я другой, еще неведомый избранник. Псевдоним это мой литературный, так

сказать, и творческий притом, в одном флаконе тройного одеколona. Свой я в доску и паркет, прост, как правда жизни, которую я прожил среди бумаг, чернил и гусиных перьев. Господи, сколько гусей я загубил, а ведь они Рим когда-то спасли! Но что делать, дорогой читатель, искусство требует жертв, как говорил Заратустра на занятиях ликбеза в Междуречье. Правильно, меня трудно не узнать в толпе неудачников, потому что я молод, красив собой, как Аполлон Бельведерский, на мне шляпа широкополая, даже тогда, когда сплю, и, наконец, галстук, на котором Пабло Пикассо расписался в далеком сорок седьмом году. Я бы его с удовольствием продал, но он мне дорог как память о встрече с великим и чуть-чуть шарашнутым маэстро. Не постесняюсь сказать, хотя совесть мимо меня и не пролетала, что я, ваш гуру, из плеяды таких бездарей, как Бальзак, Хемингуэй и, как его, Эмиль Золя. Согласитесь, здесь вам не на «троих», а могучая кучка! Не скрою, я харизматичный и нервный, но чертовски талантлив и воспитан. Свою харизму я вижу издали и даже чувствую на ощупь, а к своей долговязой тени обращаюсь на «вы». Как-то лечащий меня психотерапевт Борис Абрамович сказал мне в психоневрологическом диспансере:

– Герасим, над вашей светлой головой я вижу нимб, ауру, летающую тарелку и кирпич Ньютона. Вы не только не автор под черепицей псевдонима, по которому плачет плагиатор, а из вашего бутафорского котелка торчат глаза и уши сторожа склада запчастей. Нет, Герасим, вы не Байрон, вы из другой филармонии, паяц, с турецким барабаном за спиной. Вы и не эксклюзив, а недоделанный экстремал, над которым матушка Тереза природа будет корпеть, сопеть и не надеяться на позитив. Извините, Герасим, но вы, – верещит Абрамович, – выключенный свет в конце тоннеля и стоп-кран без коробки передач.

– Спасибо, Борис Абрамович, вы нашли во мне столько добродетелей, что я начинаю чувствовать себя архангелом Гавриилом, спасибо, век не забуду и умру стоя. Конечно, – говорю, – Абрамович, вы отчасти, как врач, лечащий душевнобольных, правы по-своему. Но нужно понять и меня, который физически ощущает, что вынашивает в себе гения и кумира читающей толпы, которая, только завидев меня, кричала бы «Ура!» – и бросала вверх чепчики, а с балконов – кирзовые сапоги. А вы, Борис, – не знаю, как вас там по отчеству, да и не хочу знать – мне, сыну булочника: твое место в суфлерской будке, где

темно, сыро и постоянно хочется есть, кушать и жрать, не хорошо, как-то не по-христиански, где самая первая заповедь гласит: Не хамаи, гадюка! Побойся Бога, отца нашего и благодетеля!

Не знаю, Боря, как вы, а я на все сто, да нет, не грамм, процентов, уверен, что это чистая, неразбавленная правда, в первой и последней инстанции. Мое сверхтворчество выдает фугу Бетховена и форте Пола Маккартни, стиль, образы и метафоры, переходящие в ямб, хорей, амфибрахий и даже в анапест, но только когда трезвое. А трезвым оно бывает редко, раза три в году. И вообще, со своим краснобайством вы, как шило в зад, туда же, в калашный ряд, обидно, да-с, Боря. Не ровен час, на луну буду выть от горечи и боли. А еще интеллигент, в очках и ботах на шариковых подшипниках. Вы не поверите, но стилистические деликатесы моих божественных новелл, которые я вылакаю, как чебуреки в базарный день, многого стоят – аж цельный трояк за экземпляр. А мои суперповести ценят все, кому не лень, и понимают, как я расщепляю атомы мыслей, слов и шрифта. Моих героев нельзя не любить: они вечно трещат, как китайские канарейки, и постоянно интригуют, делая все, чтобы нагадить под забором ближнему, а то и вовсе молчат, как сом в речном иле. О тайных перипетиях своего творческого ремесла я и вовсе молчу, как партизан на допросе. Вы же знаете, что моими произведениями зачитываются и стар и млад, и даже дети в люльке, с соской во рту, до дыр в голландском сыре и прочих кратеров в созвездии Альмагезера. Понимаете, Борис, для меня старорежимная и засохшая, как пустыня Невада, сюжетная канитель и прочая стандартная дребедень – бельмо в глазу и пыль для моряка. Да, Борь, я свободен от этих химер, как анархист, и позволяю себе любые импровизации от авангарда, арта до фокстрота и гопака, которые не снились даже Чарли Чаплину вместе с Эдгаром По. И герои мои, как правило, кто во что горазд: кто в лес, а кто в пивную за молоком – молоды и бесшабашны. А, если откровенно, чихали они, разумеется, с большого бодуна, на все эти условности жанра, которому диктуют условия классические парадигмы, ставшие небожителями со времен Адама, Ноя и Всемирного потопа, эти главные действующие лица не невращающиеся какие-нибудь или страдающие паранойей и манией преследования, а вполне осязаемые, милые, веселые и не очень. В меру упитанные, в меру воспитанные, кто как... Они разноплановые: от буржуев, среднего класса до бывших дворян, то есть бомжей, греющихся в арктическую зиму на улице возле буржук. В моих повестях совсем мало слов и действия, коллизий и парадоксов, а иногда их и вовсе нет, и тогда, ваш покорный слуга Флобер от бога, начинает жонглировать тенями, как в японском театре «Кабуки». В моих гениальных творениях нет ничего от застывшего и чертовски надоевшего одномоторного развития сюжета, с одними и теми же сценарными козыми тропами, а также дурацкими монологами, растянутыми, как Великая китайская стена, скучными и кислыми, как цитрусовые: ананас и лимон – эти близнецы-братья. Не гудение примуса в хрущевке, а новаторство и прочие прыжки без парашюта с третьего этажа. Понимаете, Борис, как вас там, ах да, Абрамович, я постоянно в поиске, ищу свежую бычью кровь и желчные пузыри для своего многогранного творчества. Только тогда залог успеха и ваши шедевры будут до востребованы читателем, даже если герои сплошь и рядом глухонемые и сидят в инвалидных колясках, с оптимизмом созерцая мир. Нет, не повторение жанровых сцен, а экзальтация чувств и вдохновения, дилеммы и эпатаж в квадрате – вот мой девиз и солнца! Ушлые триумвираты и прочие умники с восхищением будут говорить на своих сходках триумвирата, перебивая друг друга: нет, вы только посмотрите, огольцы, это ж надо так лихо закрутить сюжетную канву! Как автор стилизовал и подрехтовал идею фикс, поставил на ноги логические акценты и разогнал облака над Сунжей-матушкой рекой.

– Браво, брависсимо, Герасим, единственно, чего тебе не хватает для полного счастья, так это медали за оборону Ташкента и удостоверения Нобелевского

лауреата вместе с премией, а также хорошего пинка под зад, чтобы не выпендривался со своими немотивированными опусами. Да, – загалдели философы-мазохисты, – да, он с мотивацией на ты... Каков ковбой, с мордой мустанга! У него, что ни рассказ, то сенсация и наваждение, а также проекции, ну, точно, ни дать ни взять, Пабло Пикассо, у которого художественные транскрипции: цвет, кисть и мольберты – летают в пространстве и во времени. Не оторвешься, любо-дорого решать его абракадабры и шарниры, а главное – заставляет думать, а зачем он, собственно, это все делает, ерничает со своими выкрутасами и зигзагами, как гимнаст на трапеции? Ему что, больше заняться нечем?

– Нет, конечно, – будет сотрясать воздух еще один выскочка – философ-мазохист, – он, этот «Герасим, Му-му и компания», больше ничего не умеет, ну, полный обалдуй в кубе, так сказать, параллельная кривая.

– Точно, – включается в эту же розетку еще один Денни Дидро, – дурь несет несусветную, – резюмирует он, подводя жирную черту, похожую на мост через Ян-цзы.

– Сами вы параллельные снобы и хамы! Вы – это тот булыжник, под который и вода не течет, и сизиф плачет. Мои герои, джентльмены, живее всех живых! А ваши писклявые опусы не мычат и не телятся! Так вот, философы-метафизики и лирики! Это вы – метаморфозы и инфузории с блошиного рынка. Тьфу! Лучше лепить абстрактные рассказы, в смысле, чебуреки, манты и оладьи, чем слушать ваш критический бред! Я и мое вдохновение выше Эвереста, Джомолунгмы и водонапорной башни в нашем колхозе! Ура! Вы, Борис, даже не хочу называть ваше отчество, прежде чем выносить вердикт сюзерена, посмотрите на точки зрения современных тенденций и подводных течений в литературе. Послушайте, что говорит и утверждает незакомплексованная пишущая рать: авангард имеет место быть, абсурд возможен, в разумных пределах, лишь бы не шизофрения, от которой и без мобильного уха вянут. К сожалению, в нашей среде, нет-нет, встречаются деятели в кавычках, для которых творческий каламбур и ребусы – норма жизни и знамение, и почему-то смотрят все в мою сторону. Господи, спаси и сохрани, и вы туда же, малоохольные? Идут! Нет, я этого не вынесу! Тутанхамон, где мой золотой саркофаг и шелковая подушка, на которой нарисованы жираф, какаду и макака? Волоки сюда да поживее, уж лучше прикинуться мумией, чем дураком! Нет, это ж надо, заладили: в литературе нет шеста для абстракций, там только выдержанная, как квас, классика и правила, прямые, как трамвайный рельс, от Чехова, Толстого, Достоевского и до скончания века, восклицают, размахивая клешнями, эти радетели старых и ржавых, как самовар, устойчивых традиций и клише. Нет, вы послушайте этих бумагомарак: таким поденщикам и дилетантам нет места в нашем гвардейском полку писателей и поэтов. Геть, и весь сказ! Словоблуд неотредактированный! Зачем вы переводите бумагу, чернила и гусиные перья? Вы бы гусей пожалели, как никак птица историческая! Идите на производство, в бульдозеристы, считайте метеориты – больше пользы. Трудитесь на благо и обрящете, как сказал Мафусаил в Библии. А куда он пойдет, если ничего не умеет делать, кроме как пачкать чернилами стол и руки? Как куда? Хотя бы в грузчики. Вон, на каждом повороте объявления: Требуется! Да и гастроном под рукой, в двух шагах. Нет, не пойдет. Это ж почему?

Хилый он, как и его худосочные чебуреки с оладьями на пару, претендующие на содержание. А если в дворники ему податься? Конечно, работа не ахти какая, непрестижная, зато какую метку ему выдают с гравировкой – садись и лети, куда глаза глядят, а также широкую шифельную лопату, комсомольская называется, на случай бурной зимы, да и заработок, и уважение жителей района. Доброе утро, говорят все, Герасим, а где Му-му? Послушайте, говорю я им, моим виртуальным оппонентам, кобры вы очкастые с портфелями под мышкой. Эх вы, философы от Гегеля до Шлегеля, я внимательно вас выслушал и понял следующее: у вас на языке понос! Давайте по-хорошему, не будем

ссориться, устави́м общий лад, а я, в свою очередь, пристегну вожжи к своим привычкам и литературным пристрастиям. Договорились? Вот и ладненько, ударим на покаяние по рукам, ногам и рогам. А теперь, господа-философы, на радостях я расскажу вам о презабавном случае, свидетелем которого я случайно стал и чуть не лопнул со смеху. Итак, срываю с ушей мухоморы, которые сами собой расцвели, пока я вас слушал, и начну. Сижу я как-то дома пятого декабря от Рождества Христова за рабочим столом, подставив под подбородок ладонь, ну, точно как роденовский мыслитель, и перебираю, словно четки, мозги, думая о высоких материях. А в голову, хоть убей, ничего не лезет, хоть маме жалуйся. Хозяйки-то у меня нет, тещи тоже, сбежали в неведомые горизонты, пока я не начал читать вслух свое очередное чтиво-диво, прихватив арфу, скрипичный смычок и почему-то мой реликтовый патефон, который они, скорее всего, сдадут в ломбард. Хорошо хоть самовар оставили с кирзухой для подува. Дорог он мне, от бабки достался, на нем еще гравировка была: «Пей, а не хлебай, сволочь!» Забавно, не правда ли? А между тем, в голове было пусто, хоть шаром покати бильярдным. Черт, какой-то день постный – ни тебе пены, ни жирной накипи в смысле изобразительных средств, образов и парадоксов. Правильно в народе говорят, понедельник – день-кувалда! Интересно, во вторник вдохновение будет клевать или нет? Капризное оно у меня, классику привыкло слушать, скрипку, фортепьяно, а эти гадуки отняли у нее радости жизни. Вот и уперлось – трактором не сдвинешь!

Вдруг за окном внезапно раздался колокольный лай, да такой звонкий и противный, что бывает только у дворняг.

– Чтоб тебя моль съела! – вырвалось у меня. – Все мысли спутала и перемешала в одно оливье. – Дай-ка, думаю, взгляну на нарушителя числительного ряда моих заблуждений как в творчестве, так и в жизни. Я подошел к окну.

За окном царил декабрь, но снега не было, а мела мелкая поземка и белой пудрой покрывала всяк суще: и асфальт, и деревья, и дома. Мир стоял на грани зимы с Рождеством, Новым годом, конфетти и хлопучками. Я живу на нижнем этаже и, как Соловей, все вижу и слышу, а свистеть не люблю, денег не будет, которые кошка моя Ньюра и так наплакала. Да это же Моська! Дети свою дворовую любимицу ласково называют Масыней, когда кидают печенье или что-нибудь пряное. Масыня, вертя хвост пропеллером, бежала через двор навстречу бабе Дусе, которая вышла, чтобы ее покормить, неся в руках сверток. Она это делала не первый год и была, по сути, и крестной для Моськи, и спонсором.

– Что, замерзла, проголодалась бедняжка? – сказала сердобольная Дуся, доставая нечто съедобное из пакета, и бросила перед собакой. Моська, подбежав, завертелась волчком, в ее собачьих глазах светился эфир и фосфор одновременно, и она благоговейно тяфкнула, вытащив язык, тяжело и душевно дышала.

– Ешь, – сказала баб Дуся, – а то остынет.

Масаня преданно посмотрела ей в глаза, как бы говоря: да ладно, Дусь, чуть погода, уж больно вкуснотище, хочу насладиться сценарием, зрелищностью, так сказать.

– Ладно, делай как знаешь, некогда мне, – и, повернувшись, пошла к подъезду.

Моська же, присев перед костью, на которой было вареное мясо, не шевелилась и медитировала, нагоняя аппетит.

«Черт, – думала она, – это же не кость, а целый гастроном, нет, фильм «Бродяга» и картина Репина «Последний день Помпеи», да еще, как его, Мопассан «Дама с собачкой». Потом, мечтательно закатив глазки-алмазки, не отрываясь, смотрела на вожделенную пищу.

Эх, Моська-маस्या, зачем же ты накаркала, а? И не Репин автор картины, а Айвазовский. А между тем, главные события только начинали принимать

трагичный оборот для нее. Моська, которая была в плену очарования, ничего не видела и не слышала, как возле нее и спереди, и сзади опустились две вороны, которые зорко следили с дерева и за Дусей, и за Моськой, а главное – за костью. Вороны были черные, как африканская ночь, и с железными клювами. А Моська лежала, положив голову на лапки, любовалась пищей и с вожделением предвкушала соблазн. Между тем, ворона, которая была сзади, тихо, вприпрыжку, подкралась к Моське и, ударив ее клювом по спине, отскочила. Моську от неожиданности и боли спружинило, она взвизгнула и с лаем бросилась к вороне. Та, не мешкая, взмыла в поднебесье. Моська, резко развернувшись, пулей бросилась к мясу. Та, что была спереди, просто не успела схватить кость. Моська, грозно рыча, тревожно вращала глазами, не понимая, что происходит. Та, что была сзади, снова тихо опустилась и, вприпрыжку приблизившись, еще раз ударила Моську клювом по хребту. Моська, дико взвизгнув, подскочила и помчалась за птицей, оглашая двор истошным лаем. Ворона, естественно, снова взмыла в небо. Моська, резко тормознув, молнией рванула к кости. Та, которая была на стреме спереди, опять не успела схватить добычу. Моська рычала на нее, как бенгальский тигр. Ворона, отойдя на безопасное расстояние, хладнокровно уставилась на собаку. Тактика ворон была безупречной. Она не давала сбой. Та, что была сзади, безмятежно опустилась и незаметно, вприпрыжку подкравшись, ударила Моську по затылку. Моська заревела, как носорог, подпрыгнула и устремилась за обидчицей. Ворона, которая занимала диспозицию спереди, рванувшись к мясу, схватила его клювом и устремилась в стратосферы. Моська, стремительно развернувшись, как метеор, бросилась обратно с космической скоростью. Подскочив, она к ужасу своему обнаружила, что мяса-то нет. Оно исчезло, как сон и наваждение. Бедная дворняжка, ничего не понимая, вращала глупой головкой и жалобно скулила, не желая понимать и принимать действительность. Ее тощий ум был в прострации. Да, Моська, факт налицо: обед исчез, как озон. Она тревожно моргала и ей страстно хотелось выть на желтую луну и жаловаться судьбе-злодейке и бабе Дусе. «Господи, – ругала себя Моська, – что я натворила, дурра? Точно проклятые вороны сперли, будь они прокляты и Богом, и участковым, во веки веков, аминь!» Моська сидела с окаменевшей мордочкой и стеклянными глазами. Она испытывала внутреннюю опустошенность, особенно в желудке, а что может быть для животного хуже?

На вселенский, истошный рев из подъезда вышла баба Дуся и направилась к собаке. Моська скулила, разглядывая бессовестных воругов, которые в свою очередь тарасили зенки и тихо доклевывали остатки мяса.

– Ты чего орешь, как блаженная, тебе что черти приснились? – но, увидев трагическое выражение ее взгляда, поняла все: произошло ЧП районного масштаба.

А вороны, сидели себе на суке дерева и даже не думали улетать. Обглодав добела кость, швырнули ее вниз –на, мол, Масыня, подавись и не кашляй, каркнув на радостях несколько раз, тихо устроились в засаде, авось, флирт приканает по-новой.

– Я ж тебе говорила – кушай, а ты размечталась, вот жуи теперь рябчиков, тетеревов, а на десерт – ананасы.

Моська, положив голову на лапки, не поднимала глаз. Из подъезда вышла соседка Дуси.

– Что за шум, а тещи нет?

– А вот, деятельница. Принесла ей еду – кость с мясом, а она ее профукала, нет, чтобы сразу съесть по-человечески.

– А куда же делась? – спросила та.

– А вон, посмотри, – и указала рукой на дерево, – видишь, сидят, глаза тарасят, у-у, злыдни! – и грозно потрясла пальцем, ружья на вас нет!

– Дуся, баб Марина, не ружье здесь нужно, а многоствольная зенитка, как минимум, живучие негодяи черномазые.

– Ну да, ты скажешь тоже, а где взять, да и стрелять я не умею.

– И то верно, Бог их накажет, придет час. Ладно, подруга, не велика потеря. У меня в холодильнике немного фарша осталось, схожу и принесу, а ты дежурь, кто знает, что у них на уме, больно хитрые и наглые, как люди. – И пошла в дом. Дуся же осталась стоять на посту №1.

А между тем вороны-воровки, сидевшие на шухере неслышно, то есть не каркая, тихо разговаривали.

– Слышь, Василь, как ты думаешь, Дуся эта, ну, карга старая, свалит или нет?

– Ага, разбежалась, жди.

– А может, ее пару раз клюнуть в затылок.

– Я тебе клюну! А вдруг она концы отдаст, хлопот не оберешься, а нам с тобой на этой делянке тасоваться нужно. Думай, Федор, прежде чем туфту гнать!

А Федор, повернув шею, смотрел за горизонт и не слышал его. Соседка баб Марина вышла с кульком и, подойдя к Моське, бросила ей еду.

Моська не верила своему счастью. Осторожно привстав, посмотрев виновато на женщин, бросилась с голодухи к фаршу и стала жадно поглощать его, не пережевывая.

– Вот падла, – вздохнул Федор, – метет и не подавится.

– Да, – сказал Василь, – теперь у нее фарт и фунт, такова жизнь и реалии ее!

– В гробу я их видел, я жрать хочу.

– Ага, помечтай, может, легче станет.

Поев, Моська снова посмотрела на хозяек, мол, благодарствую и простите великодушно, если что не так.

– Так, Масяня, все, управилась, некогда нам с тобой балакать, сериал нужно досмотреть, – и они ушли восвояси.

Моська тоже пошла вслед за ними к подъезду. Там, под теплой батареей, у нее был персональный топчан, где она все эти годы жила. Моська, удобно расположившись, задремала, положив голову на лапы. А вороны-ворюги, поняв, что второй серии не будет, каркая на всю Ивановскую, улетели за призрачные веси, на новое дело.

Вот такой вот, хеппи-энд, джентльмены хорошие. Ну, каково, философы-натуралисты, слабо? А вы мне втираете черт знает что: в грузчики его, в дворники его! Вы бы мне еще вакансию сантехника предложили, вот было бы здорово!

– А мы что, мы ничего, дерзай, Антонио. Да не Антонио я, а Герасим.

– Ничего страшного, все равно бездарь! Ну и что ты собираешься дальше делать?

– Заявление буду писать.

– Куда, в полицию?

– Нет, в Союз писателей.

– Ну-ну, Герасим и Му-му, ни пуха, ни пера, ни гонорара! – сказали и исчезли.

Я отошел от окна, пораженный увиденным, и сел писать. Письмо начиналось так: прошу прятать мяня в союз писателей и т.д. Как вы думаете, друзья, а не пошлют они меня на – как их – галеры, а?

– Как знать, все в руках провидения и приемной комиссии. Удачи тебе, Герасим, во всех твоих благородных начинаниях и, главное, делай все, что предписывает лечащий тебя Борис Абрамыч, он – светило психотерапии, так что, с Богом!

Арби Падаров**Экспромты**

Ищем мы тени былого величия,
 В сумерках жизни бредем невпопад.
 Все, чем мы брезгали, –
 с нами случилось,
 Гордость строптивостью
 нашу клеймят...

На подмостках драмы жизни тени,
 Что остались от любви, друзей.
 И фальцетом голоса их спели
 Над безгрешной совестью моей...

Мой путь из ниоткуда в никуда.
 И кто я? – Муравей на теле века.
 А сколько спеси?! – Как с гуся вода.
 Всевышний, улыбнись
 над человеком!

Мне бы жизни простой, человеческой,
 Просто воздухом вешним дышать,
 И ни подвигов, ни сечи –
 А любовью весь мир объять.

Мне бы просто пройтись на рассвете
 Босиком по траве на закат,

Внять цветам и пастушечьей песне,
 Внять всему, чем душою богат.

Мне бы просто пожить еще вечер
 В одиночестве кельи души
 И, быть может, задуть свои свечи,
 На истоме излета в тиши.

Мне бы просто, а вовсе не сложно,
 Век земной как-нибудь скоротать,
 И уйти, если это возможно,
 Человеком в Небесную Ять.

Надрывны ноты сердца на пределе,
 Души унывен первозданный вой,
 И теплится жизнь в теле еле-еле
 В миг безвременья, вечером, порой...

И, кажется, Вселенная качнулась,
 И Небо юдоль скорби рушит вмиг,
 И одинокой пленницей вспорхнула
 Душа вослед той боли напрямик.

...Но, чу, еще не все,
 жизнь встрепенулась,
 Румянец щеки обагрил слегка,
 Душа в обитель брэнную вернулась,
 Чтоб умирать и воскресать. Пока...

Шаг за шагом – любовь отмирает,
 Пошлость быта вступает в права.
 Если все же чего не хватает –
 Не любви, ей на свалку пора.

Вздохи – ахи, пустые надежды,
 Что в них толку, ведь жизнь –
 лишь одна?!

И забытою книгой на полку
 Выбрось чувства – свобода пришла!

Отомсти ты любви неудачи,
 Все невзгоды непрожитых лет,
 Пусть она одиноко так плачет,
 Как ты плакала двадцать пять лет!

Ничего не сравнится с тобою!
 Ты в поступках и мыслях вольна...
 Только помни: любовь на свободу
 Не меняет Поэт никогда!

Осень, погрузи со мной
У разбитого крыльца
Юности, что, став седой,
Инеем хладит сердца.
Криком журавлиных стай,
Моросью промозглой,
Осень, погрузи со мной,
Погрузи немного...

Прощальное

Незнакомке на том конце провода

Прощай, мой друг!
Ну, вот и расстаемся,
Не встретившись, как берега реки.
Но пусть поток сей жизни
не прервется
И пусть не станет морем он тоски!

Прощай! Безвестный образ твой
в ночи
Еще не раз мне, знаю, будет сниться,
И радугами красок до зари
Я в грезах буду все над ним томиться.

Прощай! У рока нам не ждать ответа,
Коль жизнь вокруг
так призрачно-ясна...
И одинокой келией поэта
Уж не прельстятся юность и весна.

...Ты истощишь свой дух
над письменами,
Их смысл утерянный толкуя
вкривь и вкось.
Ты будешь одинок! —
в оцепененье дремы
Прикован будет твой
потусторонний взгляд
К минувшей юности, —
и радостные громы
Далеко в стороне
победно прогремят!
Эмиль Верхарн, «Меч»

Я ухожу из света в мир теней,
В мир призрачных мечтаний
и бывшего,
Там разум правит и свобода с ней,
И откровенья, что слывят от Бога...

Задохнут тело, плоть моя и кровь,
И стану, может, в жизни я слабее,

Но двигает моей душой любовь,
Что к Истине, и ей я буду верен!

И если в келье в одинокий час,
Быть может, мне порою
и взгрустнется, —
Друзья, я буду рад увидеть вас,
Кто знает, может, нам и улыбнется.

Фортуной этот нечестивец рок?!
И позабыв все горести, невзгоды,
Насытятся и наши души впрок,
Взамен отдав судьбы златые годы.

Когда душа обнажена
Обуглившимся углем,
К чему, скажи, нужны слова
Отпыхавшим чувствам?!

Хоть всполохами глупых фраз
Мы небосвод расчертим,
Ниспала вещая звезда,
И жить нам дальше с этим.

...Несмело сбрасываешь шаль,
Безмолвие так зыбко,
Дрожала прожилков вуаль
Сквозь негу кожи шибко...

Я остался один,
В эту ночь до утра мне не спится...
На следы, уходя, что оставила ты,
Первый снег разлуки ложится...

Не воскрешай во мне воспоминаний,
Мне надо в этой жизни как-то жить.
Былое — лед и, в то же время,
пламя,
Верней — огарок тлеющей свечи.

Я все забыл — манерности и речи —
И век свой прозябаю на земле.
И доктор-время пусть меня калечит,
Но пусть уж не тревожится тебе!

И голосом покинувшей надежды
Прошу, судьбы моей не вороши!
И умирать, и воскрешать, как прежде,
Нет сил у разуверившей души.

Шарип Цуруев**Не забывай...**

Не забывай меня, не забывай,
 Пусть наше счастье
 было и недолгим...
 Со мной прощаясь,
 ты за все прощай –
 Нас, видно, это время сбило с толку.

Когда в хаос повергли милый край,
 И всех подряд –
 и стар и млад – «мочили»...
 Не забывай, прошу, не забывай,
 Все, что с тобой
 мы вместе пережили.

Не забывай, прошу, не забывай
 И глупый смех больных,
 и трупы, слезы...
 И наш любимый город –
 грязный Грозный,
 И в том аду наш «полугрешный» рай.

Как мы любили!
 В жизни так нельзя...
 Но тем отвергли мы вокруг
 всю дурость.
 Я свято верю, было все не зря,
 Но не желаю, чтоб оно вернулось.

Нет повторенья истинной любви!
 И не должна пропасть она безвестно.
 В твоей душе –
 в таком укромном месте –
 Ты, если можешь, память сохрани.

Не забывай меня, не забывай!
 Зачем мне это нужно – я не знаю,
 Как будто смысл всей жизни я теряю:
 Кричу вослед: «Прошу, не забывай...»

Не надо горьких слез,
 Не надо слов горячих.
 Мы сотни раз прошли
 По этому пути.
 Я потерял себя,
 И вот, душой незрячий,
 Блуждаю как во сне.
 Куда же мне идти?

Я потерял себя,
 Когда тебя я встретил.
 Я в зарослях страстей
 Бесследно исчезал.
 И для меня теперь
 Всего важнее на свете
 Вернуться поскорей
 Туда, где был я сам.

Я не могу никак
 На части разорваться,
 И больше не могу
 Себя не обрести.
 Жестока суть морали –
 Быть, а не казаться...
 Я ближе стал к себе,
 За это ты прости.

А жизнь идет к концу...
 Как будто мы не жили,
 На вымысел людей
 Похожа наша быль.
 Мне страшно жаль тебя,
 Что ты меня любила...
 Но все же мне больнее –
 Тебя я разлюбил.

Все мечты живыми похоронены,
 Сказкой стала прожитая жизнь...
 Мы теперь во все уходим стороны –
 На Восток,
 на Запад,
 вверх и вниз.

В то же время (как же удивительна
и таинственна людская суть!)
Что-то в нас рождается стремительно,
Отчего мы ищем новый путь.

Мы уходим...
Все же нам не хочется
За собой оставить пустоту –
Продолжаем верить,
как в пророчество,
В нашу силу – в нашу правоту.

Мы вернемся!!!
с небывалой силою
Хочется – и выстоять, и жить.
И надежда – птицей белокрылою,
Обливаясь кровью, к нам летит.

Мы встретились тогда,
в осенний дождь –
Я был пленен лицом твоим и станом.
И я сказал: «Ты, может, переждешь?»
Промокшая до нитки ты осталась...

С тех пор уже немало лет прошло,
Ты, как пришла,
исчезла так же странно.
И отболело в сердце, отлегло,
И принял я несбыточность желаний.

Я понял – легче, если ты не ждешь,
Не верь – никем
не будешь ты обманут.
Но, как тогда, в осенний этот дождь
Ты вышла, словно солнце из тумана.

Зачем? – ведь я оторван был от грез.
Зачем? – я жил как будто
в царстве сонном.
Ведь знал, что худшая из всех угроз –
Любимым стать,
тем более, влюбленным.

Что говорю?
Наверно, это дождь
Стучит по ранам сердца,
не о ставни.
И все ж – зачем?
Ведь ты же не уйдешь,
На сердце горький
след свой не оставив.

Не говори со мною ни о чем,
Молчащую тебя пойму я лучше.
Прости, устал –
и ты тут ни при чем...
Такой сегодня выпал
странный случай.

Когда я слов и слышать не могу,
Как много их некстати произносим...
Дай, лучше развяжу твои я косы,
Придя в восторг,
и в чувствах не солгу.

И загляну в глаза твои без дна –
Мир тайн святых
зовет меня и манит...
Прошу без слов...
я знаю, никогда
Молчание такое не обманет.

Ничто ведь не проходит без следа...
Слова, однажды сказанные нами,
Застынут в наших душах навсегда –
Мы ничего не объясним словами.

И тополя уходят...
Гарсиа Лорка

Не бывает ничего случайно,
Связь явлений вечна и прочна.
То, что снова встретились мы, –
тайна,
Нам ее разгадка не дана.

Знаешь, в мире мне так одиноко,
Все молчат, кого ты ни зови.
Посиди, пожалуйста, немного,
Посидим, как прежде, визави.

Если в мире все вокруг пустеет,
Сердце наполняется тоской,
Но с тобой опять надежда глеет,
Пусть и слабо, главное – с тобой.

Словно птицы, пролетели годы,
Горький след оставив и печаль...
Понял – это «тополя уходят»,
Навсегда уходят, как ни жаль.

Весна пришла всем войнам вопреки,
Земля проснулась.

Роща расцветает...

Один лишь только выстрел у реки
Гармонию природы убивает.

А пенье птиц в ночи... и тишину
Всевышний дарит нам,

наверно, чтобы

Хотя б на миг нас увести в страну,
Где нет ни зависти людской,
ни злобы.

В страну,

где только царствует любовь,

Где лишь душа блаженство постигает,
Но человек, как прежде,

вновь и вновь

Природы голос вещей отвергает.

Снаряды рвутся на святых местах,
У каждого на грани взрыва сердца...

Высоты духа – неужели так? –

Лишь избранным доступны...
и младенцам!

То был невинный огонек,
Горевший ярко, не по силам.
Подул всего лишь ветерок,
И огонек тот погасил он.

Лишь тень осталась от огня,
И только лишь зола осталась,
...Печально смотришь на меня,
Как будто я – твоя усталость.

Всех радостей твоих и бед
Как будто я – первопричина,
Как будто я держу ответ
За то, что был рожден мужчиной.

Я не начало, не конец
И я не содержанье счастья...
Лишь варианта образец –
В твоей судьбе мое участие.

Порыв любви боготворю,
Но знаю: он не больше мига.
И каждый раз благодарю
За то, что не прошел он мимо.

Вся прелесть жизни – огоньки
Любви, надежды, дружбы, счастья.
Когда от них мы далеки,
Бессмысленно за ними гнаться...

Печально смотришь на меня –
И видишь искреннюю жалость,
Лишь тень осталась от огня
И только лишь зола осталась

Я ухожу...
И ты уходишь тоже.
Недалеки пока мы друг от друга.
Мы развернуться
И вернуться можем,
Но – добровольно выбрали разлуку.

...Ведь мы любовь несли с тобой,
как зная,
Не знали мы обид особых, вроде...
И что же это происходит с нами?
И почему так просто мы уходим?

Ну, что ж, наверно, и любовь,
как люди,
От старости порою гибнет тоже.
И век ее, не от того, как любят,
Зависит в этом странном мире,
может.

Иль годы нам опустошили души,
Когда вся жизнь –
одна лишь экстремальность?
Ведь равнодушие для любви –
удушие,
И смерть ее печальней,
чем банальной.

Так лучше бы
все кончилось скандалом,
Иль ненавистью,
иль совсем не встретить,
Чем зреть, как гаснет то,
что так сияло,
Чем знать конец
похуже чем-то смерти...

...Мы развернуться
И вернуться можем,
Но ухожу...
И ты уходишь тоже...

Анарбек Яндаров**История одной семьи**

Повесть

В доме Хасана был праздник. Еще с вечера к нему приехал друг Мода с женой и дочерью. Всю ночь просидели два друга, им было что вспомнить: войну, колымские лагеря, промерзшие бараки и это, ничем не объяснимое, чувство свободы после лагерей. Утром заглянули соседи, чтобы поприветствовать дальних гостей, а следом за ними пришел сын Хасана, Илья, с матерью. О существовании сына он узнал случайно несколько месяцев назад, когда искал другого сына, потерявшегося во время выселения в Казахстан, и сейчас очень обрадовался, увидев его с матерью, Клавдией Комаровой.

Как всегда в таких случаях, все кругом бестолково двигалось, шумело, смеялось. Сноха Хасана с дочерью Моды, гремя посудой, готовили еду, а сын Хасана, Джамбулат, показывал обретенному брату мотоцикл и предлагал тому ближе к вечеру поехать на рыбалку. Дети играли, разбирая привезенные подарки, в большой комнате сидели Хасан и Мода. Жены их в основном молчали, тихо сквозь слезы радуясь тому, что они есть, что они живы, что дети узнали друг друга и что все так счастливы. Джамбулат откуда-то принес дечигпондур, жена его взяла в руки барабан, а старший из сыновей Джамбулата начал учить младших танцевать. Неожиданно самый младший из детей Джамбулата, полуторагодовалый Абу, вышел в центр двора и, переваливаясь с ноги на ногу, размахивая пухлыми ручками, стал танцевать, иногда выкрикивая: «Ацца! Ацца!». Вид маленького человека, который с такой серьезностью делал то, что взрослые делают с веселым задором, еще больше развеселил взрослых, что даже наблюдавшие из комнаты Мода, Хасан и Клавдия стали хлопать в ладони. Неожиданно мальчик остановился, оглянулся – все смялись, смотрели на него, – и, смутившись от этого внимания, под радостные возгласы собравшихся побежал к матери, уткнулся ей в подол лицом. Потом все уселись за стол, ели, пили, шутили, заново устраивали танцы. Даже обычный сдержанный и мрачноватый Хасан смеялся. И, казалось, так будет всегда. Разве не для радости и счастья приходит в этот прекрасный мир человек? Неужели не вобрали мы, старые, измученные люди, у судьбы всю боль и страдания на годы, на века вперед, чтобы пришедшие нам на смену молодые были счастливы? Никто не говорил об этом, но надежда на то, что все будет хорошо и должно быть хорошо, теплилась в этих людях. Но жизнь непредсказуема, как горные реки Чечни, которые то несутся с сумасшедшей скоростью, шумом, грохотом, миллионами брызг ломая и круша все на своем пути, то задумчиво ползут среди долин, лениво и спокойно облизывая илестые заводи.

Из дальних лагерей возвращались домой заключенные, отсидевшие по 10-15 лет. Они трудно обживались, были озлоблены и молчаливы, но все-таки это была свобода, пусть горькая, но свобода. Люди стали забывать про голод, в магазинах уже появился белый хлеб. А тем временем чеченцам дали разрешение возвратиться на историческую родину и в армию стали призывать, куда их до этого не брали как врагов народа. Чеченцам более всего отравили жизнь постоянно сверлящие их мысли о том, за что они были выселены с родных мест, за что и почему их сделали врагами народа? И это непонятное и горькое – за что нас так? – требовало от виновных объяснения, извинения, покаяния, а вместо этого – массовое недовольство поселившихся здесь людей возвращением чеченцев: «Понаехали бандиты! Эх, Сталина на вас нет!» Жившие в домах чеченцев беженцы из западных районов СССР

враждебно встречали прежних хозяев, убежденно считая их врагами народа и предателями. Этому способствовала власть на местах, откровенно игнорируя постановление о том, что чеченцы и ингуши незаконно были подвергнуты выселению. Вернулся в восстановленную Чечено-Ингушскую автономную республику после семнадцати лет скитания по миру и Хасан с двухгодовалым Джамбулатом, купил тот самый дом, из которого в 1940 году он был призван служить Родине. Когда-то уходил он отсюда здоровым, веселым парнем, верил этой стране, ее вождям, а вернулся израненным, больным, усталым человеком с седой головой, осколками в груди и болью в душе. «Да, – тяжело размышлял Хасан, – я защитил свой дом от фашистов, а от людей, которые послали меня на эту войну, не смог». И вот он у разбитого дома. Два брата, ушедшие на фронт до него, пропали без вести, о судьбе жены с сыном тоже ничего неизвестно, брат отца умер. Где они сейчас? Видят ли они, как трудно ему сейчас? Горько размышлял сорокалетний старик, смахивая набежавшую слезу. Сожгли все в душе, все сгорело. А мир жил так, словно ничего не произошло, словно не было пяти лет страшной человеческой мясорубки, не было десяти лет за колючей проволокой, где его не считали человеком. Как и прежде, вдали под ярким солнцем сверкали снежные вершины гор, вода в маленькой речке Мартанке была холодна и прозрачна, а внизу, на равнине, в легкой дымке виднелся Грозный. Все было, как и семнадцать лет назад.

Но жизнь продолжалась... Как бы ни было трудно, отремонтировали полуразвалившийся дом, купили корову и, худо-бедно, зажили своей сладко-горькой жизнью, какая она могла только быть в восстановленной на тот момент Чечено-Ингушетии. Хасан, провоевавший всю войну, а затем отсидевший около девяти лет в сибирских лагерях, болел, тяжелую работу выполнять не мог и поэтому устроился в мастерскую по ремонту обуви; мать же работала в колхозе «Горец». Платили мало, жилось трудно, и все-таки впервые за многие годы они были счастливы – они жили дома, среди своих людей, где не кричали: «Ууу, чечен проклятый!» – и было это необъяснимое, знакомое только изгнанным со своей земли людям чувство. Джамбулат, родившийся во время хрущевской оттепели, рос здоровым, веселым ребенком, учился он легко, его фотография ежегодно висела на стенде «Наши отличники», и, кроме того, всегда успевал помогать отцу с матерью по хозяйству. Но случилось так, что после восьмого класса ему пришлось идти работать, так как родители сильно болели, за ними был нужен постоянный уход, пришлось перейти в вечернюю школу. По этой же причине дали отсрочку от службы в армии. Джамбулат окончил шоферские курсы и стал работать водителем на автобазе, разъезжая по всему Советскому Союзу. Родители рано женили своего единственного сына Джамбулата на его однокласснице Медне. Джамбулат не противился этому, так как, уезжая в рейс, был в постоянной тревоге за стариков, а Медна, маленькая, тихая девушка, учившаяся с ним с первого класса, ему нравилась. Да и не до выбора было, надо было думать о больных родителях. Невестка оказалась работящей, веселой, с ее приходом дом Джамбулата заискрился светом и радостью, один за одним у молодых родилось пятеро здоровых, очень подвижных, черноголовых мальчиков. Забурлила, расцвела бурными красками жизнь в их доме, старики стали реже вспоминать про свои болезни. Казалось, что судьба, словно извиняясь за все их страдания, подарила больным старым людям немного счастья.

Наверно, поэтому Джамбулат и считал себя счастливым человеком. Вернее, он не задумывался об этом, но если бы его спросили, чего ему не хватает для счастья, он ответил бы, что все у него есть: мать, отец, жена, пятеро детей, здоровье, веселый характер, работа. И все, за что бы он ни брался, у него получалось. Жизнь не успела причинить ему больших обид, в нем не было злобы и уж тем более всеразьедающей зависти. Он любил этот мир, жизнь, свою семью, всех людей, и ему казалось, что люди отвечают ему тем же.

С появлением внуков отец Джамбулата возобновил поиск сына от первой жены, умершей при выселении. Он и раньше искал его, но потом с переездом и

обустройством на новом месте как-то упустил это. А теперь, когда жизнь, вроде, стала налаживаться, тоска и беспокойство по потерянному сыну заворочались в нем с еще большей силой. Тем более, что впервые за пятнадцать лет он получил известие: из управления внутренних дел по Уральской области сообщили, что после смерти спецпереселенки Масаевой А.Д., наступившей 13 марта 1944 года, оставшийся без присмотра ребенок четырех лет был определен в детский дом №6 Курганской области, откуда кем-то был усыновлен.

Это письмо давало надежду: значит, жив, жив его сын, где-то живет и, может, думает и вспоминает о своем родном отце. Сколько ему лет? Сейчас под сорок. Какой он? Наверно, похож на мать. Красивая была у него мать, стройная, с румяным свежим лицом и черными густыми волосами. Просыпаясь по ночам, он представлял своего сына – высокого, сильного, обязательно умного и серьезного. Он представлял, как встретится с ним, скажет, кто он такой, как обнимутся они, как он привезет его домой, женит его, и у Джамбулата будет старший брат. И будут они жить рядом, а их дети будут дружить и ходить в одну школу. Он поехал в Курган, целый месяц ходил по всем архивам, пока не нашел его, но встретиться не удалось, так как сын уехал на заработки куда-то на север и должен был вернуться только через несколько месяцев. Но теперь Хасан знал, что сыну приемные родители дали новое имя и фамилию: звали его теперь Иваном и жил он в Курганской области. О том, что у него может быть семья и дети, Хасан как-то и не думал, но, придя по данному ему адресу, встретил женщину, которой представлялся как отец Ивана, она же оказалась невесткой.

– Ванька – чечен?! Никогда бы не подумала! У нас в районе чечены были, строители, так все злые были и дрались. А он-то и муху не обидит. Так уж сразу чечен? Может, что напутали? – удивилась она, но сообщила, что ее муж Иван уехал на заработки на Север, в тундру, будет только через три месяца.

Решив вернуться к сыну весной, Хасан поехал домой через Москву, в которой был единственный раз зимой 1942 года. Тогда его, раненного в ногу, привезли в госпиталь, в котором он пролежал два месяца, после чего вновь был отправлен на фронт, и сейчас ему захотелось увидеть те места. Но госпиталя там уже не было, на его месте стоял новый жилой дом, и Хасан отправился на Казанский вокзал, оттуда поезда шли в южном направлении. В поезде Хасан сел у окна и думал о сыне, злился, что не удалось увидеться. Ему захотелось с кем-то поговорить о том, как долго он искал сына, как нашел его, но, привыкший за девять лет пребывания в колонии к молчанию, он не всякому мог говорить о личном. Сосед по купе, молодой брюнет, читал журнал. Через некоторое время, отложив чтение, парень обратился к попутчику:

– Куда путь держите? На Кавказ? Далеко однако... Вам чаю принести?

– Чаю? Чаю можно, – ответил Хасан и достал купленную на вокзале еду. За чаем Хасан разговорился. Он рассказал, что нашел сына, которого не видел почти тридцать лет, а сейчас едет домой, и что через несколько месяцев приедет за ним обратно. Спутник внимательно слушал и понимающе кивал головой, Хасан же говорил и говорил. Он рассказал, как воевал, как был сослан в Казахстан... И снова и снова мысли возвращались к сыну.

– Какой он сейчас? Как он встретит меня? Не по моей вине мы не виделись столько лет...

Он еще долго говорил и удивлялся, что его слушает посторонний человек. Может, поэтому и от переполнявших чувств он пошел провожать собеседника и вышел на перрон. Пожав своему спутнику руку и жалея, что так быстро пришлось расстаться, Хасан вернулся в вагон. И уже, глядя в окно на перрон, обратил внимание, что его спутника встретили две женщины – одна молодая, другая постарше. Молодая поцеловала его, а та, что постарше, в сиреновой кофте, смотрела на молодого человека и улыбалась. Хасан пристально начал всматриваться в пожилую женщину – да как похожа она на ту, которую он знал когда-то, там, в военном госпитале. Да, она очень похожа на нее. Так оно и есть – это же Клава! Та самая Клавдия Комарова, которая выходила его весной 1945 года. Схватив свой маленький дорожный чемоданчик, Хасан выпрыгнул

из поезда и побежал вслед за ними. Догнав их на площади перед вокзалом, несколько секунд шел следом, все боясь ошибиться – та ли это медсестра Клава, с которой он жил и хотел жить 25 лет назад?

– Клава, – почти шепотом произнес Хасан, и, как во сне, увидел, как повернулась к нему удивленная и испуганная немолодая женщина, как сделала она два шага в его сторону и остановилась. Да, это была Клава, его спасительница, его любовь в тяжелые послевоенные годы, та, что выходила его, вернула с того света.

Так случилось, что, выехав однажды на поиски одного сына, Хасан, по счастливой случайности, нашел женщину, которая ухаживала за ним в военном госпитале и с которой он жил после выздоровления. Еще тогда он знал, что Клавдия ждет от него ребенка, но ему так и не довелось увидеть его, так как незадолго до рождения сына он был осужден на длительный срок, а госпиталь, где работала Клавдия, перевели куда-то в центр России, и след ее потерялся. И вот сейчас, приехав домой, Хасан рассказал жене Любан и сыну Джамбулату, что нашел сыновей, но видел только одного из них и скоро поедет к ним обратно. Джамбулат еще не видел своих братьев, но уже любил их, представлял, как встретится с ними, как будут они ходить на охоту.

«Как нас стало сразу много и почему отец раньше не нашел их!» – радостно думал Джамбулат, отправляясь в рейс, дальнейшая жизнь представлялась ему долгой и бесконечно радостной.

Старший брат был сыном от первой чеченской жены отца, умершей в поезде, при выселении в Казахстан, жил в Курганской области, работал на стройке. Второй брат – сын от русской женщины, вышедшей отца после тяжелого ранения и болезни, жил в Воронеже и звали его Ильей. Оба брата – высокие, черноволосые, коренастые, с резкими крупными чертами лиц, были очень похожи на отца, а Джамбулат, всю жизнь проживший рядом с отцом, был словно подкидыш – среднего роста, поджарый, с веснушками на курносом, постоянно улыбающемся лице, с русыми густыми волосами и мягкими карими глазами.

Незадолго до смерти Хасан съездил к сыновьям и вернулся очень подавленный, разговаривал мало, почти ничего не ел. После вечерней молитвы он позвал Джамбулата.

– Там, в Курганской области, в Целинном районе, живет твой брат. Он мой сын от первой жены. Со вторым сыном ты уже знаком, в нем тоже мало нашего. Перед Аллахом я в ответе за них. Какими бы они ни были, для тебя они старшие братья, и ты должен всегда знать об этом.

Хасан замолчал и долго о чем-то думал. Когда отец нервничал, он медленно потирал ладони рук, словно они мерзли, и Джамбулат, заметив этот жест, произнес:

– Дада, я сделаю все, как ты скажешь.

– Знаю, – буркнул отец, не поворачиваясь к нему и глядя в угол комнаты, глухим, незнакомым голосом продолжил: – Ты думаешь, я всегда не любил Советскую власть? Нет. Мой отец погиб, устанавливая эту власть. Это был смелый и сильный человек, и он верил, что новая власть будет лучше и справедливее. Мать я не помню, она умерла при родах. После смерти отца меня взял на воспитание его брат, который тоже устанавливал власть Советов, но эта власть уничтожила его, а семью сослала в Сибирь в 1937 году, откуда никто из них не вернулся. Я был на фамилии деда и сейчас понимаю, что только эта случайность спасла меня от гибели, а в 1939 году я был призван в армию. Демобилизовали по ранению в Финской войне. Вернулся со службы, женился, родился сын, а тут опять война, пошел на фронт добровольцем. Но даже тогда я верил этой власти и считал, что она самая справедливая. Да, как любая власть, с перегибами, но власть эта народная и для народа. Пока я воевал, лежал в госпиталях, снова воевал, те, кого я защищал, признали мою жену и малолетнего сына врагами народа и выслали в далекий необжитый Казахстан. Меня, всего израненного, после долгого лечения в госпиталях сделали спецпереселенцем. Уже в госпитале узнал, что жена моя

умерла, сын пропал, а больше у меня никого и не было. Тогда у меня возникло сомнение в справедливости этой власти, я перестал ей верить. Наверно, всякая власть несправедлива, но уж не до такой степени, как эта. Эта дьявольская власть, так как она без разбору уничтожает все вокруг, поэтому я и не люблю ее. Но ты не должен быть против нее, так как это бессмысленно, а ты у своей матери один.

Джамбулат постеснялся спросить, чем братья расстроили отца в последнюю поездку, а Хасан больше не стал ничего говорить.

После этой поездки отец сильно заболел и через полгода умер. На похороны отца Иван не приехал, дал телеграмму, что плохо с деньгами, а, получив перевод, прислал телеграмму, чтобы хоронили без него, что приехать все равно не может. Второй брат Илья на похороны приехал с матерью, привез деньги, и все дни находился возле Джамбулата и его сыновей, часто не зная, что должен делать, но было видно, что ему тяжела потеря отца.

После похорон Джамбулат поехал в гости к братьям, познакомился с их семьями. Иван, смуглый, нескладный, изрядно потертый, как высушающее дерево, к обретенному родственнику отнесся с прохладцей. У него была уже давно сложившаяся жизнь, эта жизнь его устраивала, и он не хотел ничего нового. Летом он работал на стройке, в день зарплаты крепко пил, потом несколько дней похмелялся, затем всей бригадой опять что-то отмечали, опять похмелялись. Зимой ездил на заработки на Север, так и проходила его жизнь. Визит родственников, сначала отца, а потом брата, которые не пьют, не орут песен под пьянку, не стучат ногами по полу, вызвал у Ивана сначала недоумение, переросшее в подозрение, а потом и в недовольство.

– Ты как не родной. Пить и то не умеешь, – говорил он брату, и, подумав, добавлял: – В отца пошел? Тот тоже ни выпить, ни поговорить не умел. – Рассказал, как он встретил отца, накрыл стол по поводу его приезда, водки купил десять бутылок, самогонки ведерко, гостей позвал, погулять хотели. А отец отказался пить. – Не стал и все, понимаешь? Больной, говорит. А я ему: ну, немного-то можно, это даже для здоровья полезно. И врачи говорят. Да, за дарма и больные, и чахоточные пьют. А он – не пью и не пью. Ведь всю жизнь не виделось, как же тут не выпить! Бог не простит! А он не стал пить. Встал и ушел из-за стола. Побрезговал, значит. Крепко я тогда обиделся на него. На следующий день пошел мириться. Взял бутылочку беленькой, хотел сказать, чтобы обиду забыл, и похмелиться заодно. А отец опять – не пью, да не пью. А потом стыдить меня начал, мол, с отцом не пьют. Это там, в горах, в пещерах не пьют, а у нас пьют с родителями. И очень это даже правильно. А он – не положено, некрасиво. В общем, отказался и уехал сразу.

– Нет, – пьяно путаясь, икая говорил Иван брату, – не уважил меня батя. Не уважил. А я о нем всю жизнь думал. А он взял и уехал, даже пол-литра не распили вместе. Как так можно? Не по-людски это.

Он так и не понял, почему отец обиделся, ведь только посидеть, поговорить предложил, и после скорого отъезда отца жаловался соседям, ставя себя в пример, что когда приезжает его сын из Сахалина, то он всегда стол накрывает, гостей зовет, чтобы выпить, повеселиться. Все чин-чинарем, никаких обид. При этом Иван забывал, что его сын лет десять назад уехал и за последние три года ни разу не позвонил. Малопьющий Джамбулат Ивану быстро надоел, и он раздраженно выговаривал брату:

– Как вы там на Кавказе живете, если отец с сыном, брат с братом выпить, поговорить не могут? – и глядя на не возражавшего брата, добавлял: – Что с вас возьмешь, дикий народ?!

Средний брат Илья, высокий, плотный, с крупным, полным лицом, на котором расположился нос с горбинкой, сначала встретил Джамбулата без особого воодушевления. Илья считал со слов матери, что отец погиб. Мать была главным человеком в его жизни, он очень любил ее. В первый визит отца после стольких лет разлуки они проговорила с ним всю ночь, вспоминая былое. Утром, уходя на работу, Илья увидел, как мать сидит возле спящего

отца, вытирая слезы, и понял, что этот, еще вчера не знакомый ему человек, очень дорог маме, а поэтому вместе с ревностью невольно часть любви к матери распространилась на отца.

После на похоронах отца Джамбулат представлял Илью всем своим знакомым как своего старшего брата, и отношение к нему было благожелательное, но духовной близости между ними еще не было.

В следующий раз Джамбулат приехал к Илье с женой и детьми. Илья заметил за собой, что целый день на работе он только и делает, что думает о гостях – как они там? Вечером, возвращаясь с работы, видел, что всем в доме весело и хорошо, что его мать, всегда молчаливая и строгая, нежно и с любовью смотрит на детей Джамбулата, его жену, что они свободно и дружелюбно общаются, и между ними уже нет отчуждения, что они понимающие и близкие люди.

– Как же похож на отца! – часто восклицала Клавдия. – И такой же несчастный!

При внешнем несходстве что-то было в Джамбулате, что напоминало матери молодого Хасана. И она вспоминала их далекое, очень недолгое и очень дорогое с Хасаном прошлое, счастливые, бессонные ночи в промерзшем бараке. Господи, где все это, хоть на час, на минуту вернуться бы в то время! – думала Клавдия. Слезы наворачивались на ее глаза оттого, что Джамбулат мысленно возвращал ее к тем годам. Он все больше становился ей дорог.

– Ну, ты и нашла несчастного, – как-то возразил ей Илья. – У него только сыновей пять, а ты – несчастный! Наоборот, счастливый, и дети рядом, и с отцом дружны. Это не твой внук, который раз в месяц звонит, а в отпуске все норовит уехать из дома. – Единственный сын учился в военном училище, дома бывал редко. – Да и потом, Джамбулата и его детей все любят, они веселые, добрые и воспитанные. Счастливый он, а не несчастный!

Сам Илья – человек сдержанный, сухой, трудно сходившийся с людьми, – не мог объяснить, почему так быстро привязался к Джамбулату, его детям, скучал, ожидая их приезда.

Клавдия после смерти Хасана зачастила в церковь, где ставила свечки, в том числе за него. «Отец же не христианской веры», – как-то сказал Илья. – «Какая разница, – ответила Клавдия, – христианин или нет, он человек, он сын Божий, все мы его дети». С тех самых пор Илья часто просил рассказ об отце, так внезапно появившемся и так же быстро ушедшем из его жизни. И теперь, слушая ее, он вспоминал отца, его тяжелые руки, усталые, заполненные какой-то неизбывной болью глаза под лохматыми бровями, и поздняя любовь вместе с жалостью поднималась в нем, и еще недавно бывший ему никем Джамбулат, его дети становились ближе и дороже. Илья вспомнил, как незадолго до смерти отец пригласил мать и его к себе домой. Собрав родственников и соседей, отец объявил, что Клавдия – его жена, а Илья – сын, чтобы все отныне воспринимали их в этом качестве. Провожая Клавдию и Илью, Хасан попросил у обоих прощения.

– За что? – спросила Клавдия.

– За то, что так получилось, – тихо ответил Хасан. Ему хотелось сказать: за то, что не получилась у них жизнь, что не смог дать ей счастья, что жизнь сломала его, но он промолчал. Оба знали, что ни в чем не виновны, но теперь, когда жизнь заканчивалась, он хотел прощения. И все это выглядело как прощание. Действительно, через несколько месяцев Хасан умер во сне.

Несмотря на разницу в возрасте, братья подружились. И ведь характеры были разные. Быстрый, общительный, Джамбулат дополнял медлительного, осторожного, некоммуникабельного Илью. На шутки и розыгрыши Джамбулата никто не обижался, со всеми он был в хороших, дружеских отношениях, и если куда-то братья ходили, все запоминали Джамбулата и редко – Илью. Илью это не злило, он только весело спрашивал: «Чем ты их к себе притягиваешь?» К детям Джамбулата Илья настолько привязался, что требовал, чтобы каждое лето они гостили у него. У Ильи была большая, плохо ухоженная дача, которую изредка

посещали летом, а зимой она стояла пустая. Похожий на отца, старший сын Джамбулата превратил эту скучную дачу в спортивный зал с сауной, бассейном, всем нравилось париться в бане, есть свежую клубнику, сажать картофель, варить варенье. Клавдия тоже прониклась любовью к детям Джамбулата, особенно ей нравился второй его сын – Аллу, тихий, задумчивый, несколько замкнутый мальчик. Он всегда уединялся и рисовал. Как-то, посмотрев рисунки, Клавдия Андреевна узнала Джамбулата, Илью и на отдельном листке Хасана. На этом рисунке он был очень похож на Джамбулата, хотя внешнего сходства было мало. На рисунке Аллу Хасан был молод, красив, а в глазах такая боль, что она сразу поняла, чем похожи отец и сын. Так вот почему она находила в них сходство, подумала она, отец с сыном похожи по своей сущности, и это уловил Аллу, ничего не видевший и не знавший жизни мальчик! Илья отнес рисунки Аллу знакомому художнику, тому они понравились, он посоветовал отправить мальчика на учебу в Москву и обещал оказать всякое содействие. Но Джамбулат решил на год повременить с учебой. Мал еще один жить в Москве, решил он.

А потом начались последствия перестройки, вернее, развал страны, все рушилось, все со всеми спорили, никто не хотел работать, и все всего хотели сразу, страна быстро распалась, все ломалось, электростанции взрывались, подводные лодки тонули, леса горели, самолеты падали, а молодые наглые люди растаскивали народное богатство под бодрые слова болтливого генсека: «Товарищи, а процесс-то пошел!»

Джамбулат не интересовался политикой, ко всем властям он относился лояльно, хаос 90-х годов считал явлением временным и был уверен, что скоро все будет, как раньше. Он выкупил на работе «Камаз». Занимаясь перевозкой грузов, разъезжал по разваливающейся стране Советов, зарабатывая на жизнь, и удивлялся, как легко кто-то разваливает эту власть. Так как на трассах стали орудовать банды, то шофера стали сбиваться в колонны и брать с собой оружие. Джамбулат вместо напарника брал с собой в рейсы старшего сына, 19-летнего Воку, он хорошо разбирался в машинах.

Приход к власти в республике Дудаева мало что изменил в жизни Джамбулата, он работал, развозил грузы и, глядя, как быстро растет щетина на лице Воки, думал, что пришло время ему жениться, тем более, что у него была девушка. Летом 1994 года сделали пристройку к дому, а в октябре должна была состояться свадьба. Но за неделю до свадьбы дудаевцы напали на Урус-Мартан, погиб брат будущей невестки, поэтому со свадьбой решили подождать до весны.

Погода в сентябре и в первой половине октября 1994 года в Урус-Мартане выдалась теплой и сухой. Все это время по-летнему грело солнце, в безветрии, совсем не тронутые осенними красками, стояли деревья, задумчиво лежали поросшие густым кустарником предгорные холмы, а в теплом голубом небе носились ласточки, которые в тот год задержались в здешних краях. Сытая, нагулявшая за лето жир скотина лениво тянулась из леса в село, никем не встречаемая. Мир и покой царили в природе, но среди людей витала тревога и ожидание страшного. В республике ежедневно происходили стычки дудаевцев с оппозицией, а в лесополосах, в безлюдных местах часто находили убитых людей, грабежи, разбой уже никого не удивляли, похищение людей стало для бандитов промыслом, поэтому каждая семья приобретала оружие, которое теперь свободно продавалось на рынках. В октябре 1994 года дудаевцы напали на Урус-Мартан, и целый день одни чеченцы стреляли в других, а следующим днем и те и другие хоронили убитых. Но все-таки в возможность большой войны люди не верили, хотя разговоры о ней шли повсюду.

– Как такая огромная страна, как Россия, может напасть на крохотную Чечню? А потом, это все же одно государство! Если и будет, то очень скоротечная стычка, – размышлял Джамбулат, – дудаевцы побегут, а потом их будут ловить, судить и отправят в колонии для перевоспитания.

В середине ноября приехал Илья и стал требовать, чтобы Джамбулат срочно вывез семью к нему в Воронеж.

– Здесь будет военная операция, здесь будет война с танками и бомбежками, а поэтому семью надо срочно вывезти, – торопил он Джамбулата, который никак не мог сообразить, что такая большая страна будет воевать с маленькой Чечней, тем более применять танки, ракеты, авиацию.

– Да они что там, – сердился обычно веселый Джамбулат, вертя пальцем возле виска, – с ума сошли?! Мой отец воевал вместе с их отцами против фашистов, а теперь мы, их дети, будем воевать друг с другом? Но, вспомнив октябрьское нападение дудаевцев на Урус-Мартан, когда целый день шел бой с применением танков, остывал. И все-таки не хотелось верить, что война возможна.

Джамбулат рассказал Илье, как Урус-Мартан целый день воевал против дудаевцев, что в Урус-Мартане не признают режим Дудаева, почти все население республики съезжается сюда и здесь не должно быть военных действий.

– Да эти вояки разбегутся при первой атаке, – посмеиваясь, говорил он, вспоминая, как дудаевцы не смогли захватить Урус-Мартан.

– Им не дадут разбежаться, и они будут воевать, потому что это их общая война. Это бандитская разборка между членами банды, а пострадают невиновные. Это очень опасно! – нервничал Илья, удивляясь, как беспечно относится к предстоящей войне Джамбулат и его семья.

– Уехать-то несложно, но к чему мы вернемся? Это не так легко – бросить все и уехать. А мать? А дети? Как им там жить, оставив все здесь? Ведь здесь прошла их жизнь.

– Ты что, не слышишь, что я говорю? Сюда идет война, а ты здесь – «прошла жизнь». Если не уедем, то она действительно может «пройти», – сердился Илья, и они решили, что ехать надо срочно матери, жене, детям, а Джамбулат останется и будет охранять дом,

– Я машину в Ингушетии у знакомого поставлю, если что случится, мне легче будет одному туда прорваться, а через 10 часов я уже буду в Воронеже, – говорил Джамбулат, собирая семью в дорогу.

Но в последний момент мать Джамбулата категорически отказалась ехать. То ли вспомнилось детство, когда ее с родителями в скрипучих, продуваемых ветрами вагонах везли в заснеженный Казахстан, как в той длинной дороге лишилась она двух сестер, брата, мать, то ли страшно ей показалась оставлять сына одного, но ехать она отказалась наотрез. Оставлять свекровь одну не захотела и жена Джамбулата, в итоге Илья уехал, забрав с собой Аллу, обязав Джамбулата при первых осложнениях садиться в машину и ехать к нему.

А между тем обстановка в республике стремительно обострялась. В Грозном после поражения оппозиции начались расправы над противниками режима, которые семьями стали перебираться в Урус-Мартан, куда дудаевцев не пускали. К Джамбулату приехали два десятка родственников, многих из которых он никогда до этого не видел. Глядя на неунывающего, бодрого Джамбулата, беженцам казалось, что все обойдется, неразбериха скоро кончится и установится порядок. Между тем город стали бомбить, и поток беженцев увеличился. Во многих домах было по сорок-пятьдесят беженцев, появлялись все новые и новые, а Джамбулат выбивался из сил, чтобы прокормить их.

В конце декабря Грозный начали бомбить регулярно, и звуки разрывающихся бомб были хорошо слышны за двадцать километров в Урус-Мартане. Двигаться по дорогам, а тем более на машинах стало опасно.

Окончание следует.

Лариса Бадаева

Борз-Али из Харачоя

Очерк

У каждого народа в его истории есть такие страницы, которые и по сей день остаются незаживающей раной. Они время от времени дают о себе знать, кровоточат и ноют, словно вызывая к нашей памяти. Немало таких страниц и у чеченского народа. И среди них – депортация 23 февраля 1944 года. Черная дата, черная доля, черная дорога в неизвестность. Сколько загубленных жизней, исковерканных судеб, сколько несбывшихся надежд...

Горы Кавказа и степи Казахстана, вы видели все, вы слышали все, и вы помните...

Как терялись дети у матерей, как падали обессилевшие старики, как добывали их солдатские штыки, как оставляли умерших в снегу без погребения и поминальной молитвы. Как пухли от голода, как разводили растерянно руками недавние фронтовики-орденоносцы, отлученные от своих боевых товарищей и как мучились извечным – за что? За что?

Долог был этот путь в тринадцать лет. И, вроде бы, что значит этот срок для истории? Мгновение и только. Но эти тринадцать лет бесконечны, как тринадцать веков, и, как тринадцать тысяч тонн, давят хребет народа. Отголоски их в каждом сердце, в каждой чеченской семье. И у каждой из них своя повесть, своя история...

Этими невеселыми размышлениями я поделилась со своим знакомым, по имени Муса, который полностью согласился со мной и, в свою очередь, пообещал рассказать об удивительной судьбе своего родственника, показавшего себя настоящим человеком и истинным кавказцем в пограничных условиях между жизнью и смертью. Я увидела этого человека, как часто бывает, совершенно случайно, на одном из семейных мероприятий: высокий, сухощавый, подтянутый. Держался он свободно, уверенно и даже покровительственно. Это был старик лет, примерно, восьмидесяти. Что-то аристократическое было в его чисто выбритом, гладком не по годам лице. В карих глазах, еще сохранивших живость и блеск молодости, отражалась мудрость прожитых лет.

– Кто это? – спросила я Мусу.

– Это Борз-Али, наш родственник, – сказал Муса. – Помнишь, я обещал тебе о нем рассказать? Живет он в станице Петропавловская. Редко бывает на людях, но сегодня, как видишь, пришел, уважил хозяев. Интересный человек. Его дочь работает у вас на факультете, ее зовут Бирлант.

Так я узнала, что старик Борз-Али приходится еще и отцом моей коллеги – доцента ЧГУ, Абдулвахабовой Бирлант. А вечером я, наконец, услышала удивительный рассказ, который заслуживает того, чтобы донести его до всех тех, кто так или иначе соприкоснулся с великой трагедией февраля 1944 года и для кого «чужого горя не бывает».

23 февраля 1944 года семья Уздиевых из селения Махкеты оказалась в полной растерянности. Их было шесть человек – три брата и три сестры. Родители умерли. Но старшие два брата находились вне дома. Позже выяснилось, что в тот день их арестовали и выслали отдельным этапом – так младшие дети остались без присмотра старших, предоставленные сами себе. Из сестер старшая Меди была замужем по соседству. Ей едва исполнилось семнадцать лет. Когда она узнала, что младшие попали в безвыходное положение, она мгновенно приняла решение – оставить дом мужа и полностью взять на себя заботы о младших сестрах и брате. Уже вечером у каждого дома стояли конвоиры, следившие за тем, как несчастные люди собирают жалкие пожитки в горькую дорогу у

никуда. Грубыми окриками солдаты загоняли тех, кто отваживался выйти за порог.

Но даже среди таких оказывались сердобольные, сочувствующие горю вчерашних сограждан, ныне ставших «врагами народа». По образному выражению писателя К. Ибрагимова, «в мире добрых людей больше, чем злых. Этим дух мира и питается». Один из конвоиров, пожилой солдат руками и жестами подсказывал Меди, что нужно брать в дорогу.

– Чуреки пеки. Много чуреков. Они пригодятся вам. Без них – смерть, – проводя пальцем по своему горлу, – еду бери, дочка, еду.

И вот на следующий день огромная масса людей, выброшенная из насиженных мест, согнанная с Родины, прижимаясь друг к другу в поисках защиты от нечаянных пуль конвоиров и холодного дождя со снегом, побрела к станции, где была погружена в товарные вагоны.

Здесь мы не будем утомлять читателя подробностями пути. Написано об этом достаточно много и подробно. А рассказать хотим о том, как в этом жестоком, сумасшедшем хаосе, люди смогли сохранить человеческое лицо, остаться верными вековым традициям и обычаям древних гор.

Когда эшелоны, в которых находились и дети Уздиевых, прибыли в Талды-Курганскую область, людей после выгрузки развезли по разным колхозам. Меди с детьми оказалась в колхозе «Мусбек». В качестве жилья всем были предоставлены бараки. Длинный, холодный и серый, этот барак казался, как ни странно, измученным людям благодеянием. Во-первых, они остались живы, они добрались. Во-вторых, было где, наконец, склонить усталые головы.

Каждой семье выделили по отсеку. Стенами служили завешанные одеяла и брезенты. Один из таких отсеков достался и детям Уздиевых. В бараке были толпы людей. Они стонали и кричали, плакали и зывали о помощи. Ужас стоял кругом. Казалось, мир сошел с ума. «Вот он, Судный день», – думала с тоской Меди, прижимая к себе озябших голодных детей и стараясь размять их замерзшие хрупкие тельца под промокшей одеждой.

Рядом, к счастью, была маленькая печка, которую топили, кто чем мог – на топливо годилось все: солома, бурьян, кизяк, сучья и еще Бог знает что. Меди водила палкой по золе, стараясь хоть немного продлить огонь и сохранить видимость тепла.

За этим занятием ее и увидел случайно заглянувший к ним парень, лет двадцати. Он был один из тех немногих, кто, сохраняя присутствие духа, помогал более слабым обустроиться. Он охотно помогал женщинам, старикам и всем, кто нуждался в его помощи и ободряющем слове. И люди сразу же потянулись к нему. Так он стал авторитетом среди переселенцев.

Парень был из селения Харачой, звали его Борз-Али.

– Как тебя зовут? – спросил он у девушки.

– Меди, – тихо ответила та.

– Откуда вы?

– Из Махкетов.

– Родители есть?

– Нет.

– А старшие братья?

– Есть, но я не знаю, где они сейчас.

Борз-Али долго глядел на Меди и детей, думая о чем-то.

– Как зовут их? – наконец задал он очередной вопрос, кивая в сторону детей.

– Девочек – Масани и Моска, а мальчика – Абу-Косум.

Он улыбнулся мальчику и весело подмигнул.

– Ну что, джигит, будем дружить?

– Будем, – прошептал мальчик.

Так они встретились, чтоб затем навсегда стать родными.

В тот же день Борз-Али созвал людей со всего барака на импровизированное собрание. Глядя всем в лицо, он твердо и прямо объявил им о своем решении:

– Слушайте, люди, меня внимательно, – голос Борз-Али звучал по-особенному торжественно.

Все притихли, ожидая, что он скажет. А Борз-Али, мягко подтолкнув вперед Меди с детьми, продолжал:

– Отныне я являюсь верезом (опекуном) этих детей. Если кто-нибудь обидит словом или тронет пальцем хоть кого из них, тот будет нести ответственность передо мной.

В бараке стало совсем тихо. Каждый по-своему обдумывал только что услышанное.

Среди них были люди всякие – и хорошие, и те, чье поведение оставляло желать лучшего, но все они дружно поддержали решение Борз-Али, искренне пообещав и свою помощь, если таковая ему понадобится. Людей окончательно подкупило благородство парня, взвалившего на свои плечи дополнительную ношу.

С этого момента дети обрели в лице Борз-Али старшего брата. С ним можно было посоветоваться, что-то обсудить, решить какие-то свои житейские проблемы, да и просто поговорить, когда становилось совсем уж муторно на душе.

Шли годы. Жизнь в бараке, лишенная элементарных условий, была не из легких. Но и здесь люди пытались создать для себя некое подобие уюта, заботились о чистоте и опрятности.

Меди стала совсем взрослой, подросли и окрепли остальные. Они все вместе работали на колхозных полях, получая за это месячный паек. Борз-Али посоветовал Меди рассчитать паек на месяц. Конечно, сытым от такого распределения никто быть не мог, но зато голодная смерть при таком раскладе им не угрожала. Были случаи, когда голодные люди съедали за один присест месячный паек и погибали. Некоторые, потеряв рассудок от голода, рылись по помойкам, а затем разбухали от страшных болезней и умирали в ужасных мучениях. Чтобы этого не произошло с его подопечными, Борз-Али строго контролировал, как распределяется паек.

Потом уже, спустя много лет младшая из сестер, Моска, вспоминала, как они ненавидели Меди за эту жестокосердную, по их мнению, скупость. Как же им хотелось отыскать далеко запрятанный бесценный паек и наесться досыта хотя бы раз в жизни. И вместе с тем, она честно признавала, что, не окажись сестра столь стойкой, а Борз-Али столь требовательным, они бы действительно все бы съели и неизвестно, как бы это для них обернулось.

Сам Борз-Али много и усердно трудился. Он не боялся никакой работы. Брался за любую и делал ее на совесть. Начальство, которое первое время смотрело на чеченцев подозрительно и с опаской, теперь увидело в них отличных работников, ответственных, выносливых, а главное, непьющих. Их ценили. Вот и Борз-Али был вскоре назначен бригадиром полеводческой бригады. С работы он возвращался домой поздно ночью, но все равно не упускал случая проведать своих подопечных, расспросить их о прошедшем дне.

Как радовались дети, завидя на пороге своего отсека большого, сильного и всегда улыбающегося дядю Борз-Али.

С визгом бросались они к нему. А он всегда угощал их нехитрыми гостинцами – то куском сахара, то пряником, то липкими конфетами-подушечками – настоящими лакомствами того времени.

А помимо будней, были у спецпереселенцев и праздники – такие, как 1 Мая, 7 ноября, Новый год.

Люди, умевшие много и от души работать, умели и от души веселиться. Так, на один из казахских тоев (празднеств) был приглашен и Борз-Али с приятелем.

Там казахские борцы показывали свое искусство в национальной борьбе. Такие увеселения очень нравились местному населению, а победитель сразу становился героем дня. Иногда разыгрывались и призы. На сей раз разыгрывался

баран. Глядя на схватившихся за победу двух рослых и сильных казахов, Борз-Али признался приятелю, что не прочь помериться с ними силой.

Долго отговаривал его приятель, боясь, что Борз-Али не сможет выиграть у опытных борцов и тем самым подставит под удар свой авторитет.

Однако у Борз-Али было свое мнение насчет этого.

– Поглядим, кто кого, – презрительно усмехнувшись, ответил он.

И тому ничего не оставалось, как согласиться.

Тем временем, выигравший схватку казахский борец, гордо водя мощными плечами, бросил реплику:

– Есть ли еще, кто желает сразиться?

– Есть, – и Борз-Али вышел в круг.

Схватка была недолгой. Когда соперник попытался провести свой фирменный козырный прием, Борз-Али сумел вывернуться и одновременно ответить не менее отработанным контрприемом.

Через минуту, на глазах у изумленной публики, Борз-Али уложил соперника на лопатки. Мало того что уложил, но и не удержался, чтобы не созорничать – оседлал его, усевшись верхом. Что поделать, молодость, горячая кавказская кровь. Победа была чистой. Баран достался Борз-Али.

Для голодных сороковых это был поистине королевский подарок. В ту ночь весь барак под восторженные возгласы уминал мясо этого барана.

Так, в работе, в минутах отдыха, в буднях и праздниках протекала жизнь чеченских спецпереселенцев. Но не обходилось и без казусов.

Однажды, вернувшись с работы, Борз-Али по обыкновению зашел в знакомый отсек, чтобы проверить, как идут дела у сестер. И увидел странную картину: на нарах сидела, обхватив голову руками, Меди и горько плакала. Борз-Али спросил:

– Кто? Кто тебя обидел?

И она, сквозь рыдания, с трудом вымолвила:

– Масани украли.

Взгляд мгновенно потемнел у Борз-Али. Значит, так они относятся к нему, к его словам – имелись в виду похитители. Он сдержал, насколько это было возможно, свой гнев, и сказал, стараясь быть спокойным:

– Рассказывай, как все произошло.

– Мы шли, – стала рассказывать Меди, – после работы домой. Но неожиданно появились мужчины. Они схватили Масани за руку, объявили, что отныне она их невестка и утащили за собой. Ну что я могла сделать? – и Меди еще сильнее заплакала.

– Ты их можешь узнать?

– Конечно. Они же из соседнего барака.

– Ладно, сиди здесь, – приказал он. – Разберемся.

А в бараке, на который указала Меди, царило свадебное веселье. Перед взором Борз-Али встала живописная картина: за бутылкой вина сидело несколько мужчин, оживленно беседуя и выкрикивая время от времени свадебные пожелания.

Его здесь явно не ждали. Борз-Али спокойно сделал несколько шагов, подошел к печке, схватил лежавший перед ней увесистый сук, приготовленный для растопки и, недолго думая, стал наносить удары «кунакам счастливого жениха». Те вскочили, но, как ни странно, ответную драку затевать не стали – видимо, понимали, что «рыльца у всех в пуху», и быстренько ретировались.

Разогнав пьяную компанию, Борз-Али отыскал глазами Масани. Та стояла, зажавшись в углу и по-детски хныкала. Борз-Али взял ее за руку:

– Пойдем домой, рано тебе еще здесь стоять. Успеешь еще.

Приведя девушку домой к сестре, Борз-Али завел с ними серьезный разговор. Он касался их дальнейшей судьбы. Парень посадил всех сестер напротив себя и заявил:

– Вы давно уже знаете, что я теперь ваш и опекун, и отец, и дядя, и старший

брат. Вы также знаете, что я перед Богом и людьми несу за вас ответственность, пока не отыщутся ваши кровные братья.

И вот я заявляю вам, что до того дня, пока вы с ними не встретитесь, ни одна из вас не смеет ослушаться моего слова и совершить недостойный поступок. За вас сейчас все решаю я на правах старшего, и точка. Вы поняли меня? – голос Борз-Али впервые был с ними строг и суров.

– Да, – твердо ответили потрясенные девушки. В эту секунду они еще больше прониклись к нему уважением. Они по-настоящему, в полной мере почувствовали в нем родного человека, искренне и преданно болеющего за них душой.

По-прежнему шли годы. Немного смягчились условия жизни спецпереселенцев. Многим дозволялось по особому разрешению коменданта покидать места проживания для поисков родственников. Благодаря этому старшие братья Уздиевых, наконец, отыскивали своих сестер и младшего брата. Встреча их была незабываемой.

Везед и Абу-Хасан – так звали старших братьев – после упорных поисков все же узнали местоживание своих родственников. И вот они приехали в этот колхоз. Долго ходили по незнакомым улицам, представляя, как обнимут сестер и брата.

– Где здесь живут Уздиевы из Махкетов? – наконец, спросили они у первого прохожего. Тот охотно указал им на барак, теперь уже полуопустевший – многие нашли себе более удобные жилища.

– Там они. А вы, вероятно, их братья?

– Да.

– Вот радость-то будет девчатам! – воскликнул сельчанин и первый поздравил их.

Не прошло и часа, как весть о том, что сестры Уздиевы нашли своих братьев, облетела весь колхоз. Люди поздравляли их, плакали. И, действительно, это было огромное счастье. Они заново обрели друг друга. Они вместе. Что еще нужно человеку?! Вот оно, счастье.

Позже, младшая, Моска вспоминала, как была поражена переменой, произошедшей в братьях. Из худеньких подростков они превратились в настоящих мужчин – высоких, статных и сильных.

– Никогда, – утверждала она, – не было в моей жизни более радостных и насыщенных лет, чем те годы, которые мы провели вместе. Всем, что в нас было хорошего, здорового, мы обязаны своему названому брату Борз-Али.

В благодарность за заботу Везид при всех передал полномочия и права старшего в семье Борз-Али, хотя тот был гораздо младше его.

– С этого дня не я, а ты старший среди нас, – произнес он. – И твое слово будет нерушимо, твоя воля будет законом не только для нас, но и для наших детей. – И свою клятву сдержал. Все решения в семье отныне принимались лишь с одобрения Борз-Али, авторитет которого был непререкаем и среди остальных чеченцев, которые его хорошо знали.

Давно уже нет в живых братьев и сестер Уздиевых (Да сжалится над ними Аллах!). Но остались их дети и дети их детей. Следуя завету своих родителей, они продолжают почитать Борз-Али как старшего в роду. Борз-Али и поныне здравствует и живет в станице Петропавловская. У него своя большая и дружная семья. Все они уважаемые и достойные люди. А его жизнь является ярким примером того, как истинная сущность человека всегда проявляется в трудную минуту.

Память**Зура Итсмиолорд****Оторванные лоскутки...**

Над землей, сто раз сожженной,
Небо, рвущееся вклучь:
Столько боли, столько крови...

Р. Гамзатов

Каждое свое обращение к Всевышнему я заканчиваю словами, которые впервые услышала от своей бабушки: «Дай, Аллах, нам мужество жить. Мира и добра нам всем от Всевышнего». Тогда, в детстве, трехлетняя голубоглазая девчушка была уверена, что мир соткан из добра, радости и тепла сердец тех, кто оберегает от шайтана, готового съесть сладости, если перед приемом пищи не произнести волшебное «Бисмил». Я никак не могла понять, почему наша сгорбившаяся под ударами судьбы бабушка просит Аллаха дать мужество жить. Окруженная любовью сыновей, многочисленной родни, по моему глубокому убеждению, она не нуждалась в этом мужестве. С годами только поняла, что баба просит не физическую силу, а стойкость и выдержку, свойственные чеченскому понятию «къонахала». Всегда смиренная, покорная судьбе, бабушка была источником света, символом верности и любви, кладезем знаний. А нам, внукам, главным казалось то, что в кармане нижнего платья она хранила волшебный ключ от дубового сундука, обитого блестящими металлическими лентами. И ничего, что конфеты, которыми она угощала из этого волшебного сундука, имели прелый запах. Старушка перекладывала наряды своей молодости не только листьями ореха, травой лаванды, но и таблетками нафталина.

Когда бабушка умерла, я увидела нимб – кольцо света над ее головой – и почувствовала дурманящий чудной аромат, который входил в меня через поры кожи. Память дарит кадры: глубокие морщины на белоснежном лице, серовато-зеленые глаза, худые и длинные, как у пианистки, пальцы рук, маленькие, как у Золушки, стопы. К сожалению, из-за трагических событий у меня не осталось ни одной фотографии бабы. Но... как только начинаю говорить о ней, воздух наполняется необыкновенным ароматом муки из сушеной груши-дички – цу, которую можно было найти на низеньком столике, накрытом вышитой крестиком скатертью. Я лезла в маленький холщовый мешочек и, высунув мокрый язык, макала его в муку. Ничего вкуснее и ароматнее в моей жизни не было.

В день похорон бабушки я впервые просила Аллаха дать мне мужество перенести боль утраты близких. С тех пор прошло почти тридцать три года. Взрослея, получая образование, преодолевала большие и малые преграды на своем жизненном пути, защиту искала в объятиях отца и молитве, обращенной к Всевышнему. А мужество жить и творить продолжаю просить каждый день.

Судьба баловала меня встречами с хорошими людьми. Многочисленные родственники и друзья, сокурсники и сотрудники. Новая семья, просто знакомые. Даже развал сверхдержавы не оказал заметного влияния на мою судьбу. Закружившееся колесо жизни мяло все на своем пути. А я продолжала идти по натопанной тропе: увлекалась изучением иностранных языков, историей и этнографией, философией и психологией, искусством и литературой. Записывала свои мысли шариковой ручкой в толстую тетрадь. Однажды дала их почитать Ляле Насухановой – первой чеченской женщине-летчице.

– Девочка моя, надеюсь, ты не хочешь сидеть за свои мысли в тюрьме, – сказала она. А на мой немой вопрос ответила: – Официальная идеология и настоящая жизнь в этой стране, как небо и земля. Советую уничтожить эту черную тетрадь, чтобы твоя жизнь осталась светлой.

Тетрадь, правда, не уничтожила. Ее и еще шесть тетрадей по девяносто восемь исписанных листов сожрал огонь войны.

Когда началась «чеченская революция», я работала в Кабинете министров республики главным специалистом Управления международных отношений, протокола и вайнахской диаспоры. Событий было столько, что не успевала записывать. Последние заметки были похожи на конспект студенческой лекции – когда сокращаешь почти каждое слово, чтобы успеть за лектором. Потом сама жизнь стала похожа на конспекты: все на скорую руку.

Малиновые пиджаки, шоколадные батончики, зеленая валюта, шикарные автомобили, шоп-туры. Республика превратилась в сплошной круглосуточный рынок: Петропавловское шоссе, Кошкельды... Тут украли, там убили. «Разыскивается!», «Не вернулся домой», «Помогите найти!» Автоматные очереди. Сначала по ночам. Потом – в любое время суток. Оружейный рынок напротив мирного мебельного магазина. Здесь можно было купить все, даже «стингеры». По вечерам на голубых экранах начали мелькать старики, которые «случайно проходили мимо телестудии и заглянули высказаться». Не знаю почему, но эти же обманутые старики вскоре поверили, что смогут тростью сбивать реактивные бомбардировщики. Туго подпоясавшись, не получая от государства кровью и потом заработанные социальные пособия и пенсии, согласились жить, питаясь кислой вяжущей мушмулой, дикорастущей черемшой, лишь бы их в очередной раз не лишили Родины. Наивный чеченский народ не мог поверить в злой умысел тех, кто готовил суций ад на земле. Искра невежества родила пожар войны.

Маленькая красивая сказочная искра об избранности народа, о пресловутой свободе от всего и вся. Говорили, что независимое государство с золотыми краниками, из которых будет течь верблюжье молоко, построят красивыми словами. Терпеливо строить новую жизнь не получалось. Обещали, что все и сразу разбогатеют, если перекроют нефтяной краник для других. Даже придумали название этому государству: Чеченская Республика Ичкерия. Чеченцы же испокон веков свою страну называли Нохч-Мохк (Страна чеченцев).

Даже в страшную новогоднюю ночь, когда земля гудела, а небо разрывалось на клочья, жители Грозного наивно продолжали верить, что вот-вот прекратятся выстрелы, политики уймут военных, мировое сообщество вспомнит о правах чеченцев на жизнь – и плачущее солнце, усмехнувшись, сотрет свои слезы по случайно убиенной паре десятков людей. На центральной городской площади стояла наряженная елка. И детвора ждала сказочного Старика в красном костюме с мешком подарков.

Боевые действия начались не с границ многострадальной земли вайнахов. Без всяких преград танки двинулись вглубь республики и оказались в самом центре столицы. Несмотря на свое грозное название, полученное в годы карательных операций палача Кавказа Ермолова, Соьлжа-Г'ала (город на Сунже) оставался международным миролюбивым научным, промышленным, культурным центром не только Чеченской Республики. Независимо от национальной принадлежности, никто не позволял себе употреблять в речи вульгарные слова. Редко кто отваживался появляться на людях в нетрезвом состоянии.

Цветные поющие фонтаны, мирно текущая Сунжа, парки и скверы, клумбы и цветники. Когда два берега реки соединили новым широким мостом, на старом посадили цветы. Красотища! Именно этот мост приходит в мои сны о старом добром Грозном, где прошла моя молодость, студенческие годы, где меня пытались убить, придумав себе оправдание, что защищают мои конституционные права. В этом городе я влюбилась, вышла замуж, лелеяла мечту опубликовать первую книгу, защитить диссертацию.

Но... меня никто не спросил, хочу ли я войны. А я ведь, как и все, наверное, советские люди, любила петь и слушать песню «Хотят ли русские войны?» Я – чеченка, но наравне с чеченским языком признавала русский и английский родными. Из-за войны в моей жизни появился и сочный украинский язык, не полюбить который и не назвать родным, было бы грехом.

В подвалах многоэтажных домов от пуль и снарядов, пьяных военных прятались не только люди разных национальностей, вероисповеданий и мироощущений, но и птицы в клетках, домашние кошки и собаки. Бездомные животные научились

обглаживать трупы, а домашние умирали от разрыва сердца, как и люди. От звука трассирующих пуль лопались вены на висках, сердце разрывалось на части, немели ноги и руки, терялся дар речи. У кормящих матерей пропадало молоко, у беременных случались выкидыши. И те мужчины, которые оставались с нами в сырых холодных подвалах, стеснялись смотреть нам, женщинам, в глаза. Отказывались от пищи, оставляя свою долю старикам, женщинам и детям. Женщина-чеченка, родившая и воспитавшая сына – защитника семьи, земли отцов, наследника славного имени предков, не имела права удерживать тех, кто просил прощения и уходил. Брал в руки оружие, чтобы защитить слабых, чтобы не кончился род человеческий. Чтобы женщины могли рожать, воспитывать сыновей и дочерей, любить и быть любимыми. Чеченская земля звала своих сыновей защитить дома, сады, горы и реки. Язык, на котором мы говорим, поем песни, признаемся в любви, прощаемся с близкими, оплакивая их уход в мир Вечности, – одна из составляющих нашей государственности, мужал, креп голосом, но так и не научил нас брани. В подвалах люди не только прятались от смерти, сходили с ума и умирали от страха, погибали от прямого целенаправленного попадания артиллерийских и танковых снарядов, ручных гранат, закидываемых на «всякий случай», но и влюблялись, братались, клялись в верности и дружбе. Обращались за помощью к Богу, принимали ислам, совершали коллективный намаз, декларировали шахаду: «Ля Иляха-Илля-Ллах, Мухаммад-Расулю-Ллах» (Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммад – Посланник Аллаха).

Военные преступники не делили нас по языковому или религиозному признаку. Для них мы были объектом ненависти, зла. Катов войны прессовал всех подряд, невзирая на то, по какую сторону находишься.

Это была очень странная война. Генералы с академическим образованием решили на танках въехать в город и за пару часов подарить победу министру обороны Российской Федерации. Генерал Паша-Мерседес распивал шампанское под бой курантов, в то время как другой генерал стратегической авиации, сам когда-то участвовавший в жестоких ковровых бомбардировках в Афганистане, сидел в Президентском дворце и временами отстреливался из гранатомета, хотя совсем недавно испытывал современный самолет в Парижском аэропорту Ля Бурже, в двенадцати километрах от города. Этот аэропорт известен не только своими авиационными шоу. Отсюда, в июне 1940 года, Адольф Гитлер, вместе с личным архитектором Альбертом Шпеером, начал свой первый и единственный тур по Франции.

Поверившие в байки о независимости не успели спросить у своего «всенародно избранного президента» о тактике и стратегии защиты этой независимости.

Понятие «Родина» у всех людей разное, но то, что ее надо защищать и любить, знают все. Русских и чеченцев, украинцев и армян, греков и евреев, поляков и ингушей, аварцев и кумыков, азербайджанцев и грузин, родившихся и выросших в Чечне, объединяла эта любовь к Родине. Родину не предают. Ее любят и защищают. И нет их вины в том, что к ним пришли с войной: убивать, насиловать, грабить. И нет в мире закона, запрещающего защищаться.

Кремль назвал свою «деятельность» антитеррором, а жители Чечни – защитой своей Родины. На самом деле это была жестокая война, со всеми вытекающими последствиями.

Ни одна война не рождает сыновей, но любая война дает «избранным» возможность делать большие деньги на крови человеческой. У этой когорты людей, если их можно так называть, нет чести и совести. Их кредо: «Деньги не пахнут!»

И заплескала смерть не только на земле вайнахов, но и пошла гулять по российским деревням, городам и весям. Правда, после той новогодней ночи генералы не придумали ничего лучшего, чем скидывать трупы солдат-срочников в общие ямы, посыпая сверху известью, сбрасывать трупы в быстротекущие горные реки с высоты птичьего полета. Не думали, что кто-то ждет своих детей, которых отдали государству для службы. Случалось дезертирство. Сбежавшие находили приют в чеченских семьях. Попавших

в плен обменивали, но не казнили, как об этом твердили журналисты-преступники. Население республики устраивало марши протеста, марши мира, пытаясь привлечь к трагедии внимание мирового сообщества. На больничных койках в одной палате оказывались раненые из числа мирного населения и военные – с любой стороны. За ними ухаживали наши женщины, навещали совершенно посторонние люди и не держали зла, понимая, что 18-летние здесь не по своей воле, они выполняют приказ. Правда, к контрактникам, приехавшим зарабатывать деньги, убивая себе подобных, отношение было совершенно другим.

Выбравшись из подвалов, если не суждено было погибнуть, люди перебирались в села к родственникам или знакомым, оказывались в лагерях беженцев, находя приют у международных гуманитарных организаций.

Услышав тяжелый гул самолета-разведчика, дети, племянники мужа, бежали ко мне с просьбой укрыть их и рассказать сказку. Из-за боевых действий не было возможности посетить продуктовый рынок. Все запасы кончились. А в одном дворе нас было шесть семей. Хлеб насущный был общим. В пойме реки нашли печь-буржуйку. К счастью, она оказалась с духовкой. Из пресного теста я лепила булочки, смазывала их сахарным сиропом и угощала детей. Они полюбили чай, завариваемый из веток вишни и малины. Иногда прилетали сверхзвуковые самолеты. Звук резал ухо, впивался в плоть, извивался внутри тебя, прошивая словно молния. Бомбардировщики часто скидывали свой груз в стороне от населенного пункта, но попадались и такие летчики, которые устраивали охоту на движущуюся мишень.

В тот день с утра по шесть самолетов прилетали каждые пятнадцать минут и в течение часа «угощали» Чеченскую равнину ракетами. Переждав некоторое время, мы решили съездить в соседнее селение Чири-Юрт за продуктами. Не успели доехать до моста через Аргун, как ястребом налетел самолет. Он спустился так низко, что было видно улыбающееся лицо летчика. Мне показалось, что наши взгляды встретились. Резко взяв вверх, «ас» сделал мертвую петлю и сбросил три ракеты. Две упали в воды Аргуна, при взрыве раскидывая ил и мелкий речной камень. А одна – прямо перед нашей машиной, но не взорвалась. Сделать маневр в сторону мы бы не только не успели, но свалились бы в полноводную реку. Большая часть моста была сильно разрушена.

Возвращаться пришлось бродом. Неразорвавшийся снаряд наполовину торчал из асфальтового покрытия моста. Как мы смогли перескочить через него, известно лишь Всевышнему. На обратной дороге обратили внимание, что хвост ракеты, предназначенной нам в качестве подарка от пилота, был выше капота старенького «Москвича», на котором нам часто приходилось ездить за продуктами, водой и дровами.

Если село обстреливалось или шел перекрестный огонь, приходилось топить снег. Иногда с неба падали маленькие парашютики, с привязанными к ним полиэтиленовыми пакетами, наполненными какой-то порошкообразной гадостью. Достигнув твердой поверхности, пакеты разрывались, отравляя снег в радиусе десяти метров. Тогда пить дистиллированную воду из растопленного снега становилось опасным. Начинал болеть живот, испражнения превращались в жидкий водянистый стул. Обильная рвота без тошноты и частый жидкий стул, повышенная жажда, мышечная слабость и судороги. Приходилось набирать речную воду. Идти одной было напрасным трудом. Обычно шли вдвоем или втроем. Сразу же за селом берег, поросший ракушкой, ломбардным орехом и кустарниками, становился обрывистым. Одной рукой держались за кустарник или свисающие ветви ивы, а другой черпали воду. Третья принимала ведро и наполняла бидоны.

До обеда не появилось ни одного самолета. Долетел слух, что ополченцы взорвали шлюз и затопили танки, стоявшие в канаве. Над селом непрерывно кружили вертолеты, скидывали листовки, что-то объявляли через рупор. Прислушавшись, я четко услышала: «Не собираться больше двух человек. Не появляться в пойме реки».

Запасы кончились, остались сухие крупы. Кинулись к бидону с водой. Он оказался пустым. Положившись на волю Всевышнего, втайне от стариков, отправились к реке. Там, где мы обычно набирали воду, стояли военные машины и экскаватор. Они добывали гравий, скорее всего, чтобы перекрыть воду, которая поступала в русло оросительного канала, по дну которого стояли боевые машины. Пришлось по селу пройти приличное расстояние, чтобы выйти к месту изгиба реки, где нас не заметят. Недалеко от нас – висячий мост, соединяющий Малые (Новые) и Большие (Старые) Атаги. Страх сковал нас настолько, что мы прозевали гул самолета. Но, услышав грохот разорвавшейся ракеты, машинально глянули в ту сторону, откуда шел шум. По раскачивающемуся мосту в светлых одеяниях и с тростью в руке, легкой походкой шел старик с длинной белой бородой. Он размахивал тростью, словно отгонял ракеты от моста. Второй, третий самолет... Четвертый, пятый, шестой... Старик дошел до середины моста, когда последний самолет взял обратный курс. За обе военные компании на тот мост не попала ни одна ракета. Не успели мы переглянуться, как старик исчез. Дойти до берега он никак не мог, потому что оставалось не меньше двадцати метров. И если бы дошел, то должен был пройти мимо нас. Чудеса, да и только...

Часто задумываюсь, почему наш народ так доверчив? Почему умудряются обмануть не одну сотню тысяч людей? Почему мы так быстро забываем нанесенные обиды? Удивительно, что мы не прощаем кровь своим соотечественникам, слишком завышаем планку требований к сородичу, а чужеземца прощаем, принимаем, даем кров и защиту?

Как-то меня спросили:

– Как вы воспитываете воинов?

– Любовью. К родной земле, которая дает пропитание, примет в свое лоно, – ответила я, не задумываясь.

– А как же семья? Какое участие в воспитании сыновей принимает отец?

– Отец... Сын – часть отца. Убив отца, раят душу сына. Заставляют его стать мстительным. Месть – плохое чувство. Она уничтожает слабого изнутри. А сильному дает мужество жить дальше, поквитаться с врагом. И кровная месть необязательно заканчивается кровавой сценой.

Поняли меня или нет – не знаю. Но на глазах бравых офицеров, ехавших со мной в одном вагоне, появились слезы.

– С вами надо говорить вашим языком, – сказал старший из них, протягивая мне листок с номером домашнего телефона.

Хорошо, что хоть один, приказывавший на войне стрелять в чеченцев, понял, что этот народ никогда не сломить, не лишит личной свободы. А вот откуда берется мужество жить, я не успела рассказать, так как на следующей остановке они шумно сошли. От Таганрога больше суток слушала стук колес и, украдкой снимая капли плача с сердца своего, отвлекала малышку дочь незамысловатой песенкой. Седа была совсем еще мала, чтобы понимать, что такое Родина и откуда берется мужество жить.

Благоухающие сиренью аллеи ботанического сада не радовали. И, встретив своих земляков разных национальностей, не знала, что ответить на вопрос:

– Когда мы вернемся домой?

Война то откатывала, то набирала обороты. В больших кабинетах высоких начальников начинали осознавать, что что-то не так в их грязных играх с чеченским народом. Конечно же, понимали, что защитников привлечь к суду невозможно. Значит, надо повесить ярлык, столкнуть лбами коренных жителей, заварить такую кашу, чтобы люди умирали от одного запаха... Тошнотворного запаха крови, впитавшегося в чеченскую землю, оказалось мало. Понадобилось время на передышку, переориентацию общественного мнения, поиск нового образа врага...

Оторванными лоскутками памяти я пытаюсь залатать рваное небо над тобой, моя Чечня.

Наше интервью**«Время собирать камни...»**

Чеченский ученый, историк Супьян Султанович Магамадов широко известен в научных кругах не только нашей республики, но и далеко за ее пределами. Научно-практические конференции, симпозиумы, встречи с учеными-коллегами из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, поисковая и исследовательская работа в архивах Российской Федерации и других стран – вот далеко не полный охват деятельности ученого.

С.С. Магамадов родился в 1952 году, в селе Казгородок Кургальжинского района Акмолинской области Казахской ССР, в многодетной семье. В 1959 году Магамадовы вернулись в родной Урус-Мартан, где Супьян пошел в первый

класс Урус-Мартановской средней школы № 6 в 1960 году.

В 1970 году, окончив школу, он поступает в Чечено-Ингушский государственный педагогический институт, на исторический факультет. Свою научную карьеру начал в аспирантуре при Ростовском государственном университете, в котором трудились в это время такие авторитетные ученые-историки, как А.И. Козлов, В. Золотова, Н. Акимкина, П. Чернопицкий, Л. Этенко, М. Гиоев, К. Лайпанов, Ж. Гакаев и другие.

Под научным руководством А.И. Козлова Магамадов обучался в аспирантуре при Ростовском государственном университете, занимался вопросами советской истории в 20-е – 30-е годы. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе в 20-х – 30-х годов XX века».

С 2008 года С.С. Магамадов возглавляет Институт гуманитарных исследований при Академии наук Чеченской Республики.

Предлагаем вниманию читателей интервью, данное ученым нашему журналу.

– Супьян Султанович, Вы родились на чужбине, когда чеченцы были оклеветаны Властью и высланы, как враги государства. Как возникла у Вас тяга к науке, знаниям, какие семейные и иные предпосылки для этого были?

– Тяга к знаниям, образованию была в нашей большой семье у всех: все мы – девять братьев и сестер – получили высшее образование. Каждый нашел себе дело по способности, по призванию: в исторической науке, в юриспруденции, в медицине, в лесном хозяйстве.

Меня с детства интересовала историческая наука. Как и многие мои сверстники, я задавал себе вопрос: «За что наш народ был подвергнут столь суровому наказанию?»

Мой отец имел восьмилетнее школьное образование, депортация не дала ему возможности продолжить его. Среди друзей отца и родственников было немало образованных людей, оказавших благотворное влияние на формирование моего мировоззрения и духовное развитие. Одним из них был мой двоюродный дядя по отцу, Ваха Магамадов – учитель чеченского языка и литературы. Общение с ним укрепило мою любовь к родному языку и литературе, расширило круг интересов.

Особенно усилился мой интерес к истории родного края, когда в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году прочитал труд Василия Александровича Потто «Кавказская война». В те годы подобные издания были доступны только узкому кругу ученых-историков, они почти не издавались. Эту книгу я попросил у друга отца, учителя истории Нукмана Мунаева, окончившего исторический факультет Казахского государственного университета.

– Институт гуманитарных исследований, который Вы возглавили со дня его основания, – это новое научно-исследовательское учреждение послевоенной, возрождающейся Чечни. Расскажите, пожалуйста, о его задачах, о коллективе... Какие проекты реализованы и какие разработки сегодня ведутся?

– В советском Грозном было немало научно-исследовательских институтов, но они, в основном, были отраслевые, научно-технические, работали над проблемами повышения производственной эффективности тех или других промышленных предприятий, в большинстве своем – нефтехимических. Был один Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, в котором трудились и выросли немало чеченских и ингушских ученых. Находясь под жестким «прессингом» КГБ и идеологического отдела Обкома КПСС, они старались сохранить для наших детей и внуков духовные ценности народа: «Илли», предания, легенды, сказки... Велись археологические раскопки, изучались архитектурные памятники – наши знаменитые на весь мир вайнахские боевые и жилые башенные комплексы – и многое другое.

Но результаты раскопок и других исследований фальсифицировались небезызвестным Виноградовым и его приспешниками в угоду той или иной идеологически заказанной доктрины или школы.

Сегодня мы имеем свою национальную Академию наук, в которой работают талантливые ученые. Наш Институт гуманитарных исследований – образование молодое, но успешно развивается, несмотря на некоторые проблемы. Организационная структура института состоит из отделов, которые, в свою очередь, делятся на секторы, ведущие разработку проектов по истории нашего края, языку, литературе, экономике и т.д.

В две тысяча восьмом году вышли в свет два тома академического труда «История Чечни с древнейших времен до наших дней», над которыми работал коллектив ученых-историков отдела истории народов Северного Кавказа под руководством доктора исторических наук Шарпуди Гапурова (сектор древней, средневековой и новой истории Северного Кавказа) и меня, кандидата исторических наук (сектор новейшей истории Северного Кавказа). Всего в данном проекте четыре тома; третий том готов к изданию, а четвертый – в стадии завершения.

Отделом языка и литературы, который возглавляет кандидат филологических наук Нурвади Альбеков, разрабатывается проект «Духовное наследие народов Чеченской Республики». Уже осуществлен выпуск трех томов этой серии-проекта: собрание основных произведений одного из самых одаренных поэтов

прошлого столетия Магомед-Салаха Гадаева в двух томах. Третья книга, «Сан дай баьхна латта» знакомит читателя с творчеством популярного поэта-лирика Магомеда Дикаева. Четвертый том посвящается творчеству Магомеда Мамакаева, пятый – Ахмеду Сулейманову.

Кроме того, жителям Чечни будет интересно узнать, что к выпуску готовится «Чеченская энциклопедия» в двух томах. Над проектами «Этнография и этногенез чеченцев», «Генеология чеченцев», «Этнопедагогика чеченцев» трудятся ученые: Леча Гарсаев, Сайд-Магомед Хасиев, Зулай Хасбулатова, Шавади Арсалиев и другие.

– А какие у Вас контакты с руководством республики, парламентом? Наверное, не обходится без консультаций, помощи ученых-специалистов вашего института и Академии в корректировке каких-либо вопросов при принятии того или иного документа или проведении различных юбилейных и иных мероприятий?

– Ученые, специалисты дают ответы на запросы членов правительства и парламентариев по тем или иным вопросам, делают экономические раскладки при осуществлении различных проектов, дают точные хронологические данные при подготовке различных юбилейных мероприятий, научно-практических конференций, симпозиумов...

– Сурьян Султанович, проблема настоящего и будущего чеченского языка – болезненная тема для нашего общества сегодня. Несколько лет назад была начата дискуссия на предмет перехода на обучение в начальных классах средней школы на родном языке, что уже давно осуществили в некоторых республиках. Какова Ваша точка зрения в этом вопросе?

– Я голосую за то, чтобы начальная школа в Чеченской Республике перешла на обучение, с первого по четвертый класс включительно, на чеченском языке. Все мы знаем, что возраст начальной школы – это период жизни человека, когда любая информация осваивается с наибольшим результатом. У меня две сестры, и обе – педагоги, работают в школе, так что мне эта тема близка.

А русский язык никогда не поздно освоить. Я сам пошел в первый класс, не зная русского языка, знал только казахский. И почти все представители нашего поколения начинали так, тем не менее многие стали учеными, писателями, большими чиновниками...

Нашим молодым главой Рамзаном Ахмадовичем Кадыровым уделяется большое внимание развитию чеченского языка и литературы. Вот уже несколько лет мы отмечаем двадцать пятого апреля День чеченского языка, который стал всенародным праздником возрождающейся Чечни.

Отдел языка и литературы нашего Института гуманитарных исследований трудится над разработкой нескольких проектов по грамматике, символике, этимологии, фольклору. Уже готов к печати первый том «Грамматики чеченского языка» под руководством доктора филологических наук Айсы Халидова. Второй том – в стадии завершения, над третьим томом идет работа. Готовятся к изданию «Академический словарь чеченского языка», «Словарь символов чеченского языка» и другие издания, которые значительно обогатят научно-издательскую базу чеченского языкознания.

– Большинство наших уважаемых ученых – это воспитанники советской научной школы, люди немолодые, но с богатым опытом

научной работы, большими познаниями в выбранных отраслях науки. Чувствуется возрастной разрыв в ученом сообществе нашей республики. Этому пробелу способствовали, возможно, и социально-политические, военные потрясения, которые пережила Чеченская Республика в недавнем прошлом. Почему молодежь стремится в науку не так, как нам бы хотелось?

– Такая проблема сегодня существует. Нам нужны молодые кадры. Но на семь-восемь тысяч рублей зарплаты молодого ученого или три с половиной тысячи аспиранта мало кого соблазнишь сегодня, тем более, если молодой человек успел обзавестись семьей. Глава нашей республики уделяет большое внимание образованию и науке – это мы видим. Реализуется Программа подготовки молодых кадров в вузах Германии, Франции, Великобритании. На них большая надежда. Несмотря на всевозможные гранты, которые зачастую трудно получить, нам нужно иметь постоянно функционирующий и надежный фонд поддержки молодых кадров.

Было бы целесообразно заключить со студентом или аспирантом договор, обязывающий его отработать вложенные в него средства в течение десяти-пятнадцати лет. А проработав в науке и достигнув определенных научных результатов и степеней, они и сами не уйдут.

Древняя и средневековая история нахов сегодня слабо исследована. Сведения, источники – от Геродота и Страбона до Берже и Семенова разбросаны по хранилищам древних рукописей Армении, Грузии, Азербайджана, по архивам, библиотекам Старого и Нового Света. Многие языки, на которых когда-то были сделаны записи, ныне не существуют. Поэтому, прежде всего, придется изучать мертвые языки Урарту, Этрурии, Шумера, знать латынь и другие, чтобы читать на языке оригинала эти источники, избегая лексико-семантических потерь.

Посланцы от науки братской Ингушетии уже «плодотворно» трудятся в этом направлении – около шестидесяти студентов учатся и работают в университетах и научно-исследовательских учреждениях Грузии и других регионов. Поэтому так внезапно «разбогатела» ингушская история. Наверное, и нам пора начать «собирать камни». Свои...

– **Супьян Султанович, благодарю Вас за содержательную беседу. Желаю Вам здоровья и творческих успехов.**

Беседовал Иса ОКАРОВ

Субран Инаркаева

Жанр малой прозы и его особенности в творчестве современных чеченских авторов

Рубеж XX–XXI веков в чеченской литературе оказался наиболее сложным и противоречивым. Повлияли на ход литературного процесса общественно-политическая ситуация, сложившаяся в республике в начале 1990-х годов, а также проблемы собственно литературного характера.

Крушение марксистской идеологии, окончательное разрушение эстетики социалистического реализма привели национальную литературу к новым рубежам. Эти обстоятельства, как это ни парадоксально прозвучит, дали ей возможность выйти и на совершенно новый качественный уровень.

Духовный «вакуум», образовавшийся в обществе к концу прошлого столетия, заставил чеченских авторов обратить более пристальное внимание на проблемы духовного начала в человеке. Многие из них стали осознавать необходимость исследования сложных процессов, происходящих в современной жизни. Благодаря своей художественной интуиции им удалось «высветить» круг противоречий, способный разрушить нравственные ценности, лежащие в основе чеченского национального характера. Необходимо отметить, что достоянием чеченской литературы этого периода становится утверждение в ней абсолютной ценности внутреннего, сокровенного переживания личности.

Наиболее «мобильным» в сложившейся ситуации оказался жанр новеллистической прозы. Авторам этого жанра удалось «погрузить» проблемы добра и зла, войны и мира, человека и личности, культивируемые литературой, в мир собственных мировоззренческих позиций.

Авторы чеченской новеллистической прозы последних десятилетий были призваны выявить, каким образом в общественном сознании происходило преодоление узкоклассовых догматов, внедрявшихся в него коммунистической властью на протяжении долгого времени. Им удалось «повернуть» внимание своего читателя в сторону общечеловеческих проблем. Акцент писательской мысли направлен на идею ненасилия, которая глубоко связана с духовными и эстетическими исканиями чеченских писателей. На страницах произведений национальных авторов разворачивается активный разговор о главных аспектах гуманистического начала в современной чеченской литературе. Предусматриваются различные подходы к определению того, что конкретно стало выражением гуманистической идеи и как учитывать ее нравственные и философские параметры.

В основе предлагаемых соображений лежит представление о том, что в современной чеченской малой прозе именно гуманистическая проблематика стала наиболее устойчивой связью, соединившей времена и события.

Чеченская литература берет интенсивный курс к освобождению от нормированной эстетики соцреализма, от партийного и государственного контроля, переходит к освоению сложной системы нравственных ценностей чеченского народа. Следствием этого процесса становится яркая, психологически мотивированная эволюция героя. Этот период отмечен появлением в национальной литературе психологического и философского рассказа. Важнейшими средствами исследования в нем становятся подтекст, деталь, философские символы. А диалектика характера является по существу его глубинной и всесторонней мотивацией. При этом внутренняя жизнь

персонажа приобретает большее значение, нежели внешние приметы его проявления. Следует отметить, что героями рассказов последних десятилетий становятся представители разных поколений чеченского народа. Все отчетливее прослеживается стремление авторов отразить в характере героев не только явные жизненные противоречия, но и скрытые. Причиной, раскрывающей характерологическое содержание личности, становится конфликт, возникающий не только в экстремальных ситуациях, но и в обыденных условиях. Особое внимание авторами уделяется изучению отправных психологических импульсов, являющихся «двигателями» событий.

Характер в рассказах писателей мотивирован эстетически, психологически и философски.

В рассказе «Ночь в пустом доме» М. Ахмадов рассуждает о смысле человеческой жизни. Представляя жизнь как сложный непреходящий процесс, он, тем не менее, пытается понять ее в частном проявлении, в конкретной человеческой судьбе.

На плечи юноши, героя рассказа, в одно мгновение обрушивается прошлое его родственников (оно трагично), и это определяет его настоящее и будущее.

В рассказе достаточно много философских символов, в частности, – родник – символ жизни. Судьбу отдельного человека М. Ахмадов представляет как «ручеек быстротечный», заканчивающийся «у обрыва».

Вместе с тем, возникает и другой символ – кладбище, на котором покоятся несостоявшееся счастье, надежды и иллюзии героев рассказа М. Ахмадова.

Особую роль в произведении играют деталь и подтекст. В них автор заключает художественно-философский смысл. Характерными признаками рассказа являются содержательная емкость, отсутствие сложных коллизий, идейная нагруженность образов и нравственно-философская заостренность проблематики. Все это обуславливает широкое эпическое звучание этого произведения.

Муса Ахмадов в современной чеченской литературе играет особую роль в создании традиции жанра философского рассказа. С невероятной эмоциональной силой зазвучал в национальной прозе его рассказ «Деревянные куклы». В этом произведении автор с глубокой болью рассуждает о судьбе народа, охваченного очередной трагедией. Узкие рамки жанра не дают возможности автору демонстрировать батальные сцены исторических событий. Однако писателю удается создать широкое философское полотно. Здесь и суждения о смысле человеческой жизни, о поведении личности в экстремальной ситуации, об одиночестве человека в современном мире.

Рассказ «Деревянные куклы» является произведением многоплановым. В нем читатель наблюдает постоянную смену временных пластов (прошлое осмысливается через призму современных реалий жизни чеченского народа).

Главный герой рассказа – скульптор, мечтающий создать произведение, которое стало бы средоточием его творческой сути, мироощущения. В создании скульптуры герой рассказа использует лишь один исторический эпизод – гибель горного селения Хайбах в период трагического выселения народа в феврале 1944 года. Однако автору рассказа мало самой истории – реальной и жестокой. Он создает красивую и одновременно трагическую по своему содержанию легенду о рождении и гибели девочки Фатимы.

У Аянт, героини легенды, в день трагедии Хайбаха рождается ребенок. Женщины окружают ее. На черной бурке, постеленной на белом снегу, происходит мучительное рождение маленькой девочки. Ее назвали Фатимой в честь дочери Пророка.

Символично в рассказе и использование контрастных цветов: черный цвет – цвет трагедии Хайбаха, белый – цвет снега – как Божий свет. Рождение новой

жизни – надежда на спасение. Однако реальность сильнее всякой надежды: девочка гибнет в пламени огня вместе со всеми.

По мысли автора рассказа, жизнь – ад, круги жизни – это круги ада. В рассказе они имеют свое лицо и образ. Автор «выписывает» их с особой эмоциональной силой. Круг конвоиров, круг, образованный горами, небом, звездами, пустотой, холодом, мраком. В них и укладывает автор историческую судьбу своего народа.

Легенда о рождении и гибели девочки Фатимы в рассказе М. Ахмадова является, безусловно, кульминационным моментом. Но это лишь один план рассказа. Другой, не менее значительный, план – жизнь самого героя рассказа и его современность.

В произведениях Мусы Ахмадова невозможно встретить простого примитивного появления героя. Всегда присутствует некий философский посыл. В рассказе «Деревянные куклы» он также есть. К примеру, тишину ночи «разрывают» грохот выстрелов и плач ребенка одновременно. Дени, герой произведения, увидев плачущего во сне ребенка, вспомнил слова матери о том, что он плачет, потому что ангелы нашептали ему о смерти его родителей. Тут же автор «включает» в нить повествования мысли своего героя о Вечности, о судьбе человека и личности, его одиночестве в современном мире. И снова в рассказе возникает образ Земли как образ ада. Автор вместе со своим героем приходит к грустному выводу: человек рождается для мучительного испытания. Оно начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль.

Рассказ «Деревянные куклы» не только и не столько об истории народа. Он повествует о сути человеческой личности, о необходимости широкой и активной мировоззренческой позиции в решении судьбы народа.

Фигурки из дерева, которые любит вырезать герой, являются в рассказе символом людского равнодушия, неприятия яркого творческого начала в человеке. Только фигурки, словно призраки, окружают главного героя произведения. «Деревянные куклы» создают у читателя ощущение глубокого одиночества главного героя рассказа.

Рассказ «Деревянные куклы», безусловно, озвучил две главные проблемы, стоящие перед современной чеченской литературой: проблема поиска героя и проблема личности в современном обществе. Писателю Мусе Ахмадову все же очень важно то, за кем пойдет общество, каковы будут его приоритетные ценности, будут ли они гуманистического характера. Проблема личности «выстраивается» в ряд с этими вопросами. И это объяснимо. Морально-нравственный комфорт человеческой личности, свобода выбора (человеческая и творческая) зависят от ответов на них.

Привлекает к себе особое внимание не менее значительный по своему философскому звучанию рассказ «Кезеной-Ам». Особенность творческого дарования автора в нем проявляется в умении определять круг противоречий, вбирающий в себя черты времени, в способности показать человека в этих противоречиях. Таким способом писателю удается «высветить» основные качества характера героя, показать его в движении читательской мысли, возникающей «за кадром повествования».

В качестве главного героя писатель снова выдвигает на литературную авансцену человека из интеллигенции, представителя так называемой «свободной» профессии. Герой рассказа – художник, находящийся в поиске «своего места» в современном обществе. На фоне обыденной повседневности автором продемонстрирована картина внутреннего излома героя. Если в начале произведения автор и создает завесу вокруг него, то в конце – разоблачает его окончательно. Орца, главный герой рассказа, – никчемный, безвольный

человек. Его попытки покаяния, отшельничество, поездки на озеро Кезеной-Ам, разговоры о человеческой душе есть всего лишь маска, за которой скрывается уставший и одинокий человек.

Конфликт в рассказе – явление многосложное. С одной стороны, его характеризуют глубоко индивидуализированные переживания главного героя: внутренний разлад, низкая самооценка, бесконечные порывы к покаянию, неуверенность в отстаивании собственной позиции. С другой стороны, автор обнажает многие противоречия времени. Авторская трактовка добра и зла придает рассказу особое философское звучание.

Рассказ «Кезеной-Ам» лишен сколько-нибудь сложных сюжетных ходов. Однако пародия, сарказм, применение элементов фантазмагии делают его содержание необычным. Образ вечных гор, любование красотой горного края, ее первозданностью усиливают элегические тона, лиризм рассказа.

Современность выражается посредством аллегорических образов. Она освещается с разных позиций, и это придает повествованию своеобразный полифонизм. Окружающий мир показан с позиции характера героя с одной стороны, с другой – с позиции автора-повествователя.

Характер героя рассказа создан не по способу обобщающей идеализации или наглядного демонстрирования его достоинств и недостатков. Автора больше всего интересует движение мысли героя к истинным ценностям, которые давно открыты человечеством, но которые каждое поколение, каждая отдельная личность постигает ходом своей жизни, открывает их для себя заново.

В творчестве другого чеченского писателя Ислама Эльсанова проблема поиска героя является также центральной. К примеру, в рассказе «Белая рубашка» она решается в контексте широкой любовной тематики. Герой рассказа – вчерашний школьник. Сосредоточивая внимание на приметах времени, на личной судьбе героя, открывая перед ним бесконечные горизонты духовного развития, И. Эльсанов не уводит его от традиционного уклада жизни, не отрывает от корней. Это порождает ощущение современности национального бытия, позволяет избежать прямолинейности при раскрытии изменений, происходящих в современном селе. Эти сдвиги рассматриваются или как следствие внешнего социально-экономического воздействия на жизнь, или как обусловленные исключительно внутренними особенностями проблемы современного чеченского села.

В ходе повествования автор показывает, как неожиданные события вторгаются в жизнь героя. Нарушив обещание, его любимая девушка выходит замуж. Известие об этом для юноши становится моментом настоящего взросления, началом нового жизненного этапа.

Очарование природы, мир чувств и быта простых людей, нерасчлененность художественного восприятия действительности, замедленное жизнеописание – вот наиболее характерные особенности рассказа «Белая рубашка». И. Эльсанов размышляет о любви, прежде всего, как об основе брака, семьи. Он говорит об этом как о высоком даре, высоком предназначении человека. Ему близка идея поиска гармонии в сложных коллизиях человеческой души.

Эльсановский герой живет в мире, организованном по законам любви, человечности и доброжелательности. В этом объяснение той уверенности, с которой герой вступает в жизнь взрослых людей и преодолевает трудности...

В рассказе «Городские улицы» М. Бексултанов трепетно и нежно создает образ маленького мальчика, рано лишившегося матери. Висха, герой рассказа, живет с отцом и мачехой. Жизнь взрослых в рассказе показана в преломлении детского восприятия. Совсем еще юный герой рассказа, предоставленный самому себе, «размышляет» о жизни. Благодаря своей наблюдательности ему

удается распознать лицемерие и жестокость взрослых. Одиночество мальчика – это немой укор всему бездушному, что окружает человека в сегодняшней действительности...

Городские улицы в рассказе – это образ-символ, олицетворение одиночества человека. Люди, по мнению автора, все равно, что автомобили, мчащиеся по улицам, не замечая друг друга. Несомненно, образ-символ, созданный М. Бексултановым, придает его произведению черты философичности. Автор «Городских улиц» тяготеет к символике, что является характерной чертой его новеллистического творчества.

М. Бексултанов, как, впрочем, и М. Ахмадов, и И. Эльсанов, обнаруживает стремление к созданию индивидуализированного переживания. Отношение к миру герои произведений этих авторов строят с позиции «переживания» и «раздумий», что дает возможность говорить о социально-психологических, философских, нравственных аспектах развития современной чеченской новеллистической прозы.

Как отмечает литературовед Л. Довлеткиреева, утверждая философию доброго и прекрасного, всего того, что передается от поколения к поколению, современная чеченская проза представляет собой своеобразный свод нравственных заповедей, которые являются главной частью этических воззрений чеченского народа. Этим объясняется цельность и сосредоточенность их эмоционального восприятия.

В простых и ненавязчивых формах чеченские авторы показывают всю сложность межличностных отношений, положения человека и личности в современном обществе, глубинные связи, соединяющие целые поколения народа.

Литература:

1. Ахмадов М. Ночь в пустом доме./ Повести и рассказы. – М., 1991.
2. Бексултанов М. Городские улицы./ И была весна. – Грозный, 1991.
3. Эльсанов И. Белая рубашка./ И была весна. – Грозный, 1991.
4. Довлеткиреева Л. Современная чеченская военная проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика (1990–2010 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010.

Роза Межиева

Сакура в цвету

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету.

Исса Кобаяси

Кто бы мог подумать? В парке главной мечети республики – «Сердце Чечни» – сакура расцвела!

Нет-нет, я, конечно, понимаю – мы все живем в большом глобальном мире, в котором уже никого и ничем не удивишь. Традиции народов и государств, порой, даже самые экзотические, становятся взаимопроницаемы. К примеру, знающие люди рассказывают, что в меню иных европейских ресторанов и кафе прочно поселились чеченские чепалгаш... А в Грозном, от обилия вывесок: «Японский дворик», «Япона-хата», «Магия японской кухни» и т.п., в глазах рябит!

На фото: художник Абу Пашаев и директор ЦГБ Сацита Исраилова.

А тут, смотрите какая невидаль, сакура расцвела... И все же, ну ни за что бы не догадаться мне об этом – если бы не приглашение на встречу любителей японской культуры, посвященную цветению сакуры (японской вишни). Приглашение поступило от небезызвестной Сациты Исраиловой, директора Центральной городской библиотеки и, по совместительству, неформального руководителя маленького сообщества грозненских японофилов.

Придя немного раньше запланированного времени, я стала свидетельницей, как тщательно директор библиотеки и ее коллеги готовились к мероприятию – что, впрочем, неудивительно, ведь общий «стаж» увлечения Сациты японской культурой, по ее собственному признанию, не менее двадцати пяти лет!

– А вот здесь, в углу нашей токономы, поставим корзину с розами – подарок от благодарных читателей нашей библиотеки, – на ходу успевает она поделиться со мной. «Корзина с цветами, довольно крупными и... вязаными(!) – это, своего рода, икебана», – замечаю вслух.

Времени остается все меньше, и я еще раз внимательно оглядываю читальный зал: его интерьер теперь выдержан почти в настоящем японском стиле.

Токонома – своеобразное вместилище или ниши, которые являются главным акцентом в традиционном японском декоре, располагаются, как правило, напротив входа – так, чтобы гости могли сразу заметить и обратить внимание. В нашем случае традиционную токоному заменили обычные для библиотек стенные шкафы-стеллажи, на полках которых были красиво расставлены книги японских и неазиатских писателей, поэтов и журналистов – о Японии и японцах. Также я заметила миниатюрные художественные работы и фигурки, вылепленные или же вырезанные из поделочного материала в этническом стиле – так называемые нэцкэ (или что-то вроде этого)...

По периметру зала Сацита поставила ширмы (в японском «идеале» это фусума – деревянные перегородки, обклеенные рисовой бумагой, которые украшают картинами с изображением гейш, самураев, цветов и деревьев). Какой бумагой (или даже полотном) были обклеены наши ширмы, мне неизвестно, но картины на них были самые что ни на есть настоящие, кисти известного чеченского художника-сюрреалиста (и японофила!) Абу Пашаева, естественно выдержанные в вышеобозначенной тематике.

Итак, на часах – два тридцать! Время начала священнодействия – створки окон приоткрыты, легкий шифон занавесей теребит ветерок, запахло весенними цветами (может, это ветка сакуры мною до сих пор не замеченная? Нет, это духи Сациты, как последнее волшебное мановение, прежде чем «праздник души» вступит в свои права)...

Гости, правда, совсем по-чеченски, не спешат – зал, приблизительно, на треть или четверть, заполняется к трем пополудни, и ведущие (Сацита и ее собеседник Абу Пашаев) решают больше никого не ждать. Удивительно, но другого, столь подходящего общему настроению начала, и желать было нельзя – об этом же говорит Абу Пашаев, а с лица Сациты не сходит улыбка, делающая ее в этот вечер особенно обаятельной.

– Сегодня мы будем говорить не только о традиции любования сакурой, но и о том, что может объединять такие разные народы, как японцы и чеченцы, – начинает Сацита. И добавляет: – Интересно, а какой временной промежуток считается у японцев достаточным для опоздания?

Отвечаю с места: «Минута!»

Действительно, если говорить о сходстве и отличиях, то японцы, не в пример европейцам, предпочитают находить именно то, что отличает их и гайдзинов (так они называют, практически, всех иностранцев) друг от друга. Есть даже такое выражение: «найти десять отличий». И если вспомнить, что Япония – единственная страна в мире, где критерием опоздания, к примеру поезда, считается минутный рубеж, то первое отличие чеченцев от японцев, из «десяти», было найдено без труда.

– Сегодняшняя встреча, – уточнила Сацита, – посвящена завершению цветения сакуры. Эта красивая японская традиция любования цветущими вишнями стала для грозненских японофилов уже ежегодной. В прошлом году мероприятие посетили гости из Японии, в числе которых была и моя подруга, Хитоми Таникава, приехавшая в Грозный для сбора материала о Горской республике для своей научной работы. На этот раз она не смогла приехать сама, но прислала частичку себя и своей страны в виде большого снимка с цветущей сакурой во дворе ее дома, специально сфотографированной к мероприятию в далекой Чечне.

Само слово для обозначения любования цветами сакуры – ханами – впервые появилось в самом знаменитом романе IX века «Повести о принце Гэндзи» придворной дамы Мурасаки Сикибу. И относилось оно не только к сакуре, но ко всем цветущим деревьям, кустарникам и растениям: сливе, персику, хризантеме, пионам и т.д. Как гласит древняя японская летопись Нихонсёки, поначалу это была традиция любования цветущими сливами, которая пришла в Японию в эпоху Нара (710–784 гг.) из просвещенного по тем временам Китая. Однако постепенно возросшее национальное самосознание японцев потребовало чего-то своего, самобытного и уникального – и таким символом в

На фото: в руках С. Израиловой подарок от Хитоми Таникава.

IX веке, при императоре Сага (в эпоху Хэйан), и стала сакура. Почему именно сакура? В синтоизме – национальной религии японцев – духи, или боги-ками, населяют каждый камешек и травинку. Духи сакуры отвечали за урожай, а ее цветение подавало сигнал к началу посадки риса – самого главного продукта на японском столе. Есть также красивая японская легенда о сакуре: когда-то, на японские острова спустился с небес бог Ниниги (юноша-бог Изобилия Рисовых Колосьев). На встречу гостю бог гор послал двух своих дочерей – прекрасную Ко Но Хана Сакуя (что значит Цветущая) и некрасивую Иванага-Химэ (Долговечная Скала). Первая девушка настолько приглянулась Ниниги, что он тут же выбрал ее в себе в жены. Узнав о его выборе, оскорбленный за свою менее удачливую дочку, бог гор заявил: если бы Ниниги выбрал в жены Иванага-Химэ, жизнь его потомков (будущих японцев) была бы вечной, как скалы. Но теперь она будет прекрасной, как цветущая сакура, но быстротечной. То есть цветы сакуры в философии японцев воспринимаются еще и как символ быстротечности и хрупкости жизни: человек ее проживает так же, как падает лепесток сакуры. Вот почему образ сакуры еще и тесно связывают с самураями и их образом жизни.

Со времен правления сёгуната Токугава (с 1603 по 1867 годы) вишневые деревья стали сажать по всей Японии, с целью укрепления традиции любования сакурой. А в эпоху императора Мэйдзи (1867 – 1912 годы) и поныне изображением сакуры на головных уборах, погонах и гербах обозначается ранг учащих и военных. С цветением сакуры совпадает начало финансового и учебного года, которые приходятся на 1 апреля.

– Сегодня, – рассказывает Сацита, – ханами – это один из любимейших народных праздников в Японии. По телевидению и радио заранее объявляют о сроках цветения сакуры во всех сорока семи префектурах Японии. Люди собираются в парках, устраивают пикники и любуются белыми и розовыми цветами вишневых деревьев...

Со средних веков и по сей день самым популярным местом для ханами остается гора Ёсино в префектуре Нара, где сто тысяч деревьев сакуры по очереди цветут почти месяц. Великий японский поэт Мацуо Басё, увидев Ёсино в полном цвету, даже отказал в просьбе написать стихотворение, как это принято на ханами, потому что считал, что красота этого места невыразима:

Вишни в весеннем расцвете.
Но я – о горе! – бессилён открыть
Мешок, где спрятаны песни.

Действительно, сакура – излюбленный образ в японском изобразительном искусстве и литературе. Сколько выдающихся поэтов посвятило ей своих восхищенных строк в традиционных для Японии жанрах хайку (или хокку) и танка. Первые, это так называемые трехстишия, а вторые – пятистишия. На нашем вечере тоже звучали стихи (в основном, это были хайку) классических японских поэтов, посвященные цветению вишен: Мацуо Басё, Сайгё, Исса Кобаяси – в прочтении Сациты Исраиловой и Абу Пашаева. Приятно удивил своей эрудицией и любовью к японской культуре и, в частности, поэзии ученик одиннадцатого класса СШ №26 г. Грозного Саид-Магомед Аслаханов, прочитавший стихотворение Какиномото-но Хитомаро «Плач о гибели придворной красавицы». К творчеству Иссы Кобаяси у чеченского художника Абу Пашаева особое почтение и симпатия, выражающиеся не только в тщательном его изучении – но он довольно удачно переводит хайку на чеченский язык. Трехстишия Иссы Кобаяси даже в переводе на русский не теряют первоначально присущей им трогательности и пронзительной искренности. Например, хотя бы это:

Ой, не бейте муху!
Руки у нее дрожат...
Ноги у нее дрожат...

А теперь представьте себе, как бы они прозвучали на чеченском языке! Неудивительно, что зал, слушая оригинальные переводы Абу Пашаева, замер в восхищении. Кстати, читатели журнала «Вайнах» уже имели возможность познакомиться с творчеством Кобаяси на чеченском языке (в переводе А. Пашаева) в прошлом году.

К сожалению, вовлеченность зала в обсуждение творчества японской поэзии была не слишком активной. А разве не с этой целью собираются вместе любители подобных встреч? Ведь вечер был все-таки неформальным – «для души». Хотя, впрочем, без телекамеры здесь тоже не обошлось. Некоторые гости (все подходившие даже к концу мероприятия (несмотря на уговор ведущих, больше никого не ждать)) казались и вовсе потерявшимися на чужом и «непонятном» им празднике. А хотелось, чтобы все были равноправными его участниками. Наверное, поэтому, вопросы от заинтересованных гостей на вечере, тематически посвященном ханами, постепенно стали переходить к другим, не менее известным традициям, благодаря киноискусству, телевидению и Интернету, культурным достижениям Японии. В том числе многих интересовала философия «Бусидо» (буквально «Путь воина») – об этом более подробно говорил Абу Пашаев, постоянно проводя параллели с чеченскими традициями, ментальностью наших народов:

– В философии «Бусидо» меч – это душа самурая. Меч – это еще и искусство одного удара...

То есть, оружие в жизни японского воина не просто искусство разрушения – но, скорее, последний надежный способ его остановить... А разве у нас на Кавказе, у чеченцев, не говорили в старину: «Не вынимай дважды кинжал, не повторяй своего слова дважды»? Кабардинский поэт Алим Кешоков философию кавказского воина выразил в таких строках:

Хоть лезвием двойным сверкает сталь,
Все ж у кинжала рукоять одна,
Коль ты за правду выхватил кинжал,
Из чаши испытаний пей до дна.

– Тема гуманизма, бережного отношения к природе – это то, что может объединять наши народы, – подытожил свои наблюдения Абу Пашаев. – Мы приходим на эту землю не разрушать, а созидать. Моя мать не была знакома с японской философией, традициями, но когда я в детстве шел в школу, всегда

На фото: в парке мечети «Сердце Чечни» расцвела сакура.

напутствовала такими словами: «Не губи природу, не ломай ветки деревьев, не загрязняй воду – с водой ты пришел на этот свет, воды попросишь перед смертью, с водой тебя проводят в последний путь».

И на этой пафосной ноте официальное мероприятие подобного рода, наверное, могло бы завершиться. Но у нас на очереди была игра в японские шарады – это когда смешанные бумажные полоски со стихотворными строчками из хайку участвующие в игре должны правильно сложить, и викторина – задавались вопросы к залу, естественно, на «японскую» тему. Похвастаюсь немножко: моим знаниям о Японии, по признанию известной чеченской актрисы Зулай Багаловой, смело можно было поставить «пять с плюсом». Кстати, благодаря именно Зулай, мне стало известно, что ханами в Грозном применимо не просто ко всем цветущим деревьям – в парке самой большой мечети Европы сакура уже который день радует взгляды прохожих густой кипенью розовых бутонов: «Поспешите! Цветы еще подождут два-три дня». А потом было чаепитие – наверное, такое же церемониальное, в японском духе – если учесть, насколько равнодушна Сацита Израилова к культуре Страны восходящего солнца. Но мне нужно было спешить:

Весенний ветер
Развеял вишневый цвет
Лишь в сновиденье.
Очнулся, но сердце мое
Тревога еще волнует...

Это танка о своих переживаниях написал знаменитый поэт Сайгё. Мне же вовсе не хотелось, подобно Фудзивара-но Садаиэ, восклицать с досадой:

Где он, ветер
Цвета вишневых лепестков?
Скрылся бесследно.
А скажут: «Земля как в снегу.
Есть еще чем любоваться!»

Фото Артура Магомаева и Лизы Адамс.

Саламбек Алиев

Очень нескучная история (О фантазиях на тему эздеда и «здравом смысле»)

У каждой истории есть своя предыстория и свой финал. Но бывают предыстории с историями, у которых с финалом дела обстоят таким образом, что, сколько ни вглядывайся в горизонт и за него, финала не разглядеть. Или разглядеть? Ведь история – та самая палка о двух концах, на одном конце которой – мир, на другом – конец... Конец истории.

По Монтескье, «счастлив тот народ, у которого история скучна». Чеченцы и ингуши несчастны. У них очень нескучная история. Веками деля совместно горести и беды, что приходили и приходят к ним извне, им удается между короткими интервалами самим «развеселить» ситуацию. Такое «веселье» подпадает под классическое: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, попутно «переквалифицируясь» в «пошло», «мерзко» и «противно». Но «веселье» вместе с тем продолжается.

Неверным будет утверждение, что всему этому предшествовали события только последних месяцев, когда главы двух регионов, историки, политики, разного уровня чиновники с той и другой стороны, ну и, конечно, рядовые граждане обеих республик были вовлечены в процесс под названием «Чужого нам не надо, но свое возьмем, чье бы оно ни было». Хотя с хронологией у каждого могут быть свои «предпочтения»: кто-то за точку отсчета возьмет начало «нулевых», когда Чечня и чеченцы находились под бомбами, а в Ингушетии «ковали железо пока горячо»: из-под пера тамошних «историков» строчились километры текстов, где история вайнахского народа перекраивалась на новый лад. Кто-то решит для себя оттолкнуться от ранних годов страны Советов, когда с карты Северного Кавказа исчезла Терская область (Чеченский, Ичкерийский, Ингушский и Нагорный округа), созданная еще при Александре II, и за короткий период вайнахи проделали путь от Северо-Кавказского эмирата до Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики. Ну а для кого-то исходными могут стать еще более ранние годы: с древнейших времен, с момента возникновения единого нахского (чеченцы и ингуши) этноса и до XVIII века. С конца XVIII века, по сведениям официальной историографии, уже приходится говорить о чеченцах и ингушах как об отдельных народах. С этого времени начинается происходить трансформация в сознании когда-то единого этноса: истребление чеченцев, которые не захотели смириться с колониальной политикой царизма на Кавказе, на долгие десятилетия было поставлено на поток, а ингуши, по собственным заверениям, в 1770 году вошли в состав России, поклявшись воевать против врагов империи, в том числе и против братьев своих чеченцев, «не шадя своей крови и жизни».

Но то ли дело события рубежа 2012-2013 годов? Рамзан Кадыров, Глава Чеченской Республики, в сентябре прошлого года заявил о намерении поднять на федеральном уровне проблему установления административной границы с Ингушетией. Если есть две отдельно взятые республики, пусть и родственные друг другу, с собственной Конституцией, с собственными законодательными, правительственными, муниципальными органами, судами и т.д., то и границы двух субъектов, в соответствии с федеральным законом, должны быть определены. Но на вполне трезвое и благопристойное предложение Главы Чеченской Республики «ингушская» сторона ответила тем, что, достав буквально недавно до этого отложенные и поэтому еще теплые молот и наковальню по штампованию «истории», начала очередной виток античеченской истерии.

Обратим опять же внимание на то, что было всего-навсего предложено определиться с административными границами. И если чеченцам хватает выдержки, терпения и имана взвешенно и аргументированно подходить к любому спорному вопросу, то в стане большинства «ингушских историков», политиков и т.д. чеченцы выглядят (удивительное дело) не просто неправыми, но и виновниками всех бед и несчастий многострадального ингушского народа. (Кстати, кавычки иронично-особого характера, употребляемые мной в некоторых случаях в отношении псевдопатриотов из Республики Ингушетия, отделяют последних от братского ингушского народа).

У чеченцев и ингушей один язык, одна вера, одни традиции и обычаи. Есть, конечно, что-то и «не одно», но это может, в той или иной степени, наблюдаться даже в наше время между различными тукхумами и тейпами в самой Чечне. В далекой Америке, в близкой Европе, в экзотической Азии, на всем Кавказе и в Закавказье, и, собственно, в самой России любой кавказовед скажет, что чеченцы и ингуши – это два родственных народа. Чеченцы с этим в некотором роде не согласны: чеченцы утверждают, что они (нахчи) с ингушами (гIалгIай), с карабулаками (орстхой), с бацбийцами (бацой), кистинцами – один, единый народ, по крайней мере, был таковым. Еще именуют себя очень красиво – вайнахи, нахи. В чеченской (и не только в чеченской) историографии никто и никогда (!) об ингушах не писал как о чужом, неродственном себе этносе. Ни один чеченский историк не написал об ингушском народе что-либо, дискредитирующее или задевающее честь и достоинство своих ингушских братьев. Но, оказывается, честь и достоинство все же задеваются у некоторых, так называемых ингушей, которых попросту душист какая-то странная черная жаба при одном только упоминания слова «чеченец». Существуют славные вехи в истории чеченского народа, когда в течение целого века маленькое, перед мощью огромной Российской империи, чеченское племя вело неравную борьбу за свою свободу, а братский ингушский народ остался не только безучастным, но и открыто, заодно с царскими сатрапами, воевал против чеченцев. Клянусь Аллахом, чеченцы никогда не отгораживались от ингушей «своим» героическим прошлым, все клалось на общий алтарь истории. Хотя только чеченцы могут понять, сколько грусти в словах «героическое прошлое» и «славные вехи». Величайшие сыны чеченского народа: Шейх Мансур, Сурхо, сын Ади, Бейбулат, сын Таймы («славный Бейбулат – гроза Кавказа» (А.С. Пушкин)), Жаммирза, сын Мади, Солтмурад и Байсангур из Беноя, Губаш из Гухоя, Джоккола из Майсты, Ахмад из Автуров (Эвтархойн Ахьмад), Алибек-хаджи Алдамов, Дуда, сын Исмаила, Зелимхан из Харачоя... Как говорится, бумаги не хватит, чтобы «огласить» весь список, и это только XIX век. Героизма, благородства, проявлений высокого духа в истории чеченского народа было столько, что хватило бы на десять народов.

Нурдин Кодзоев, главный «историк» от Республики Ингушетия, в интервью радиостанции «Ангушт» вызвался рассказать чеченцам их историю. Было это произнесено под собственный уничижительный и издевательский смешок, заранее предполагавший, какую же «историю» готов рассказать Кодзоев, дай ему корреспондент на то волю. Уважаемый Кодзоев (как человек воспитанный, обращаюсь к вам на «вы»), но пусть вас это не смущает), не сомневаюсь, что у вас есть в запаснике своя «чеченская история». Но, уверяю вас, чеченцы не нуждаются в том, чтобы вы и подобные вам рассказывали им их прошлое. Хочу только напомнить, что история народа, кроме всего прочего, это и имена его достойных сынов, которые ценой собственных жизней творили ее. И у вас, как вы сами любите себя величать, у историка, расчленившего единое прошлое вайнахов на ингушскую и всю остальную кавказскую «челядь», и ведущего летопись ингушского народа еще с эры, которая «до нашей», наверняка в том же загашнике найдется пара-тройка имен, оставивших яркий след в ней самой.

Только очень надеюсь, что вы завтра не будете ломать очередную комедию, пытаясь доказать, что Александр Македонский – это чистокровный ингуш, а Наполеон Бонапарт является вашим даь веши во1.

Охотники за манускриптами

Современную мировую детективно-приключенческую литературу захлестнула «мистико-мифологическая» волна. В произведениях Дэна Брауна, Филиппа Ванденберга, Скотта Макбейна, Лина Гамильтона, Робина Янга, Сэма Борна... герои и антигерои вовлечены в поиски и разгадки древних артефактов, рукописей, книг, картин, чаш святого Грааля и прочее, и прочее... Подобная литература нарасхват – читается легко, занимательна и в меру познавательна. И еще, будучи плодом воображения и фантазии автора, вместе с тем, тесно переплетается с исторической реальностью и как бы раскрывает читателям завесу тайны прошлого, настоящего и будущего. Но даже если в подобных произведениях история «хромает», а это так и есть, то и претензий как таковых мало – все-таки изначально это есть художественная литература авантюрного жанра.

В Ингушетии тоже пишут книги. И не какие-нибудь детективы и приключения, а самые что ни на есть серьезные издания по истории, философии, фольклору, этике, духовно-нравственному воспитанию... В некоторых случаях это «академическая» история, то есть написана профессиональными историками и при содействии Научно-исследовательского института РИ, в некоторых случаях выступают непрофессионалы, но под «академической» опекой (и с гонором, не уступающим первым) – то редактором, то рецензентом является кто-нибудь из «профессионалов». Как было сказано выше, в этих книгах нет детективно-приключенческой составляющей, но вот авантюры, в самом строгом смысле этого слова (авантюра – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в расчете на случайный успех. Словарь Ожегова), столько, что, как говорят в русском народе, хоть ситечком хлебай. И если у авторов историко-приключенческого жанра та самая история только «хромает» то на одну, то на другую ногу, но на это, повторяюсь, у них есть вполне уважительная причина – они изначально пишут беллетристику и вольны поворачивать русло исторической реки сообразно сюжету своего произведения, то у ученых мужей из Ингушетии история, как наука, даже и не хромает, она прикована к инвалидной коляске. Циничная, пропитанная духом шовинизма и национализма, с какими-то не вполне ясно откуда и как возникшими амбициями, напоминающими так называемые «имперские», с агрессией, что никак не назовешь «спортивной», и насквозь лживая – вот так выглядит на сегодня история «по-ингушски». Точнее будет сказать, по кодзоевски-абадиевски-танкиевски-богатыревски-костоевски-сейнароевски... То вместе, то врозь эти ребята пишут историю, в коей никак не разобраться – где в этой мистификации мистика, где мифология и где, собственно, реальность. И если последняя какими-то судьбами и попадает на страницы их текстов, то всерьез уже никак не воспринимаешь – не раз уже солгавшим, кто же вам поверит?

Идрис Абадиев – известный в Ингушетии общественный деятель, предприниматель, писатель, меценат, политик, к действующей власти в оппозиции... Правда, как-то все курьезно у Абадиева получается что в писательско-просветительской деятельности, что в политике. А что, «талантливый» человек он во всем «талантлив»? К примеру, на сайте «Кавказский узел» пишут: «13 декабря 2011 года возглавляемое Абадиевым движение “Мехк-Кхел” направило в шариатский суд при муфтияте Ингушетии заявление с требованием привлечь к ответственности по законам шариата главу Ингушетии Юнус-Бека Евкурова и руководителя республиканского избиркома Мусу Евлоева, которые, по мнению авторов, виновны в фальсификации итогов

прошедших выборов в Государственную Думу РФ». Политики высшего ранга из светской республики внутри светской страны играют в светские игры, и при чем тут, спрашивается, шариат? Такое впечатление, будто Госдума РФ – государственный орган, находящийся под юрисдикцией шариатского суда! К чему такие популистские заявления, заранее обреченные на то, чтобы остаться пустым звуком? Но вот Абадиев – писатель, исследователь, историк, философ. Книга «Эздел – формула вечной и земной жизни» данного автора чуть ли не стала национальным бестселлером Ингушетии – широкая пропаганда в Интернете, переиздание, обширные цитаты и перепечатки во всевозможных СМИ и интернет-порталах. К примеру, вот выдержка из аннотации к «Эзделу»: «Ингуши – это народ, который, вопреки всему, сохранил девственную колыбель всего человечества, который хранит праязык человечества – язык Ноя, что удалось сохранить благодаря эзделу – религии Ноя. Благодаря эзделу, у ингушей никогда не было ни князей, ни беков, ни ханов, ни господ, ни рабов, не было сословий. Ингуши – самый древний народ в этом мире. Эта книга – об этом народе». Прочитали? Вы в шоке? Я тоже. Но, пожалуйста, прочтите снова, обратите внимание на этот полет абадиевской мысли, на эти казуистические пассажи и откровенное безбожие и ересь: [ингуши – народ, который] сохранил девственную колыбель всего человечества; хранит праязык человечества – язык Ноя; эздел – религия Ноя; ингуши – самый древний народ в этом мире (не «древнейший», не «один из древнейших», а самый что ни на есть «древний»). Помнится мне, во времена Джохара Дудаева и после первой чеченской кампании в нашей республике появилась когорта историков-любителей, которые начали толковать древнюю историю Чечни, отталкиваясь именно от ковчега пророка Ноя. Приводя всевозможные трактовки тех или иных событий и интерпретируя многие древние слова из языка и письменности шумеров и аккад на созвучие с современным чеченским языком, «историки» наши делали поразительные открытия. Тут надо сказать, без всякого скепсиса, что в большинстве подобных «открытий» было много чего интересного и любопытного, но в официальных исторических кругах республики изыскания любителей-историков не нашли поддержки, а в народе даже родились анекдоты, передергивания и пародии: слово «Италия» произошло от слов «итт алу», а название африканской страны «Сомали» возникло от причитаний чеченки «со мил ю? со мил ю?» и т.д. Так вот, решив подобрать то, что чеченцы оставили без внимания, или, как пишет Хамзат Умхаев, «все, что плохо лежит у чеченцев», кодзоевы-абадиевы (не случайно редактором «Эздеда...» является Нурди Кодзоев) начали писать и творить историю ингушского народа, буквально высасывая ее из пальца.

«У ингушей существует уникальный комплекс морально-этических, эстетических понятий – эздел. Слово “эздел” невозможно перевести на русский язык одним словом. Разные авторы переводят его по-разному – “воспитанность”, “благородство”. На самом деле понятие “эздел” намного более емкое; оно включает в себя такие понятия, как воспитанность, благородство, мужество, щедрость, скромность, мораль и т.д. Человека, имеющего эти качества, называют “эди долаш саг” (“человек, имеющий эздел”). Человек, имеющий эздел, – это тот человек, который все взвешивает. Ингуши всегда повторяют “эздел долаш саг” или “эди саг” (“человек, имеющий эздел”), “эди йоГ” (“девушка, имеющая эздел”), “эди зIамгсаг” (“молодой человек, имеющий эздел”), “эди кьамаьл долаш саг” (“человек, у которого разговор выдержан в духе эздеда”), “эди тейп” (“род, представители которого обладают эзделом”) и т. д. На каждом шагу, в любом деле при каждом разговоре ингуши подчеркивают, выдержано ли в духе эздеда или нет». Прошу прощения за столь пространную цитату, но это к тому, чтобы тот, кто не читал сие творение, имел хотя бы поверхностное представление, о чем идет речь. Уверяю вас, что от начала до конца абадиевский «шедевр» пестрит именно такими птичьими

словечками – до безобразия примитивный язык, банальные сентенции, не обрамленные никакими мало-мальски вызывающими уважения доводами, фактами, аргументами. Такое впечатление, что перед автором стояла задача: не молчать – лишь бы что-то сказать.

«Из-за незнания глубокого смысла эздела многие содержательные ингушские слова, понятия обесценены учеными и писателями, которые дают поверхностный перевод этих слов. Слово «вайнах» все переводят на русский язык как «наш народ». Такой перевод, если вдуматься в него, не имеет никакого смысла. Слово состоит из двух частей «вай» («мы») и «нах» («люди»); «вай нах», т.о., означает «мы – люди» («мы – люди эздела»). В том значении, которое принято в науке – обозначение двух родственных народов – ингушей и чеченцев, слово «вайнах» впервые начали употреблять Заурбек и Дошлуко Мальсаговы в 30-х гг. XX в., которые выдвинули и пытались реализовать идею о едином чечено-ингушском языке и народе. Чеченцам этот термин ранее не был известен, он применялся только среди ингушей. После этот термин распространился среди чеченцев во время выселения в 1944-1957 гг. Но даже сегодня чеченцы не употребляют между собой этот термин. Ингуши его употребляют наравне с термином «ГалГай» («ингуши»). Ингушские старики всегда в разговоре разделяют понятия «ГалГай» и «нохчи» («чеченцы»)), – еще одна длинная цитата из Абадиева. Вот так, просто, непринужденно, без всяких там «красиво-некрасиво» сидит взрослый человек, сочиняет себе и строчит. Сочиняет, опять же, бездарно, грубо, посредственно. Обратите внимание, что у Абадиева как раз и нет того самого эздела, о котором он, весь исходя патоккой и елеем, растекся на 212 страниц убористого текста. А чего только стоят слова Абадиева о том, что чеченцем не был известен термин «вайнах», пока уважаемые вайнахские ученые Заурбек и Дошлуко Мальсаговы им об этом не поведали. Это же надо так – чеченцы не знали чеченского языка!

В главе «Происхождение чеченского народа» (наверное, опираясь на нее, Н. Кодзоев собирался поведать чеченцам их историю) И. Абадиев пишет: «Этноним «нохчи» до монгольских походов в источниках не упоминается. Этноним «нахчемагъяне», приводимый в «Армянской географии VII века», к этнониму «нохчи» как к самоназванию чеченцев не имеет никакого отношения [...] Это древнеингушский, а вовсе не чеченский этноним, ведь слово так созвучно ингушским «нах», «че», «моттиг» и «мотт». Что тут скажешь? Bravo! Сказал, что отрезал! Вот только непонятно, почему Абадиев, весь из себя луч света в темном царстве, не объясняет – почему тогда этноним «нахчий» стал самоназванием чеченцев, а не ингушей?

Далее Абадиев срывается опять в пучину эздела (право, в его исполнении это слово приобретает какой-то юмористический оттенок) и выдает... честно, у меня даже нет названия тому, что он выдает: «Неверно то, что пишут многие чеченские исследователи, будто бы ингуши являются чеченским тукхумом, т.е. племенем. Соблюдать эздел очень трудно, его нельзя привить взрослому человеку, он должен быть в крови, в духе эздела ребенка нужно воспитывать с самого рождения, эздел должен впитаться в кровь младенца с молоком матери. Отойти от эздела, не соблюдать его, «оставить» его легко. Но человеку или народу, у которого не было эздела, невозможно приобрести его, научиться эзделу. Поэтому мы говорим, что не ингуши произошли от чеченцев, а чеченцы – это те ингуши, которые смешались с другими народами, не соблюдавшими эздел». Кому-то не дают покоя лавры Чарльза Дарвина?

И в таком духе написана вся эта чепуха, которая, кстати, претерпела переиздание, и оба раза с солидным тиражом (5000 тысяч экземпляров), наверное, взято на вооружение геббельсовское: чем чаще и больше повторяется ложь, тем правдоподобнее она кажется. В таком же духе написаны многие современные ингушские книги по истории, природа коих не знает пустоты – там, где они не знают правды, пробелы заполняются домыслами. А в некоторых

случаях поступают ровно наоборот. К примеру, в книгах «Без прошлого нет будущего» (составитель Р.Ш. Албагачиев) и «Ингуши» (составитель А.Х. Танкиев) в цитате из Г. Вертепова: «Под именем ингушей известна народность чеченского племени, состоящая из нескольких отдельных групп или обществ, которые входили в состав бывшего Ингушского округа Терской области» на месте слов «чеченское племя» стоит многоточие.

Великий сын вайнахского народа З. Мальсагов впервые высказал идею об «общечеченском» языке (имел в виду общий литературный язык и для чеченцев, и для ингушей), он же написал работу «Чеченский народный стих». Но эти труды игнорируются или, используя их, заменяют слово «чеченский» на «ингушский». Для будущих «ингушских» лауреатов премии имени барона Мюнхгаузена по сочинению небывлиц история как наука предстала в виде вешалки, на которую, объезжая на кривой козе, они вешают все, что угодно.

Танкиев А.Х. в «Эздел – ингушская этика» (да, да, опять эздел!) пишет: «чеченизмы засоряют ингушский язык».

Н. Кодзоев в «Истории ингушского народа»: «В конце IV – начале III тысячелетий до н.э. восточнокавказский язык распался на нахский (древнеингушский) и дагестанские языки» (откуда это стало известно Кодзоеву – неизвестно).

Ложь и изворотливость просачивается абсолютно во всем, где только возможно уличить и обвинить чеченца. В «Маздакитах на Кавказе» Богатырев Б.Б., вспоминая события в Пригородном районе, пишет: «...я поехал... в Грозный, чтобы просить у генерала Дудаева оружие... Я знал, что Дудаев нам оружие не даст. Знал я и то, что все действия осетинского руководства согласованы с чеченскими руководителями». Спрашивается, зачем ехать к Дудаеву, когда заранее знаете, что тот вашу просьбу не удовлетворит, и тем более ехать к человеку, который, по вашим же словам, и является виновником тех несчастий, из-за которых вы к нему едете?

А вот пассаж, достойный первого места в хит-параде «Горячая десятка самых постыдных фраз», сказанная тем же Богатыревым: «Раз и навсегда надо дать понять, что ингуши не собираются второй раз выходить замуж за чеченцев». Это же насколько надо не уважать свой народ, чтобы вот так вот...

Если брат оказался Брут

Меня все время занимает один, но исключительный вопрос: откуда у этих самых светочей наук такая нелюбовь к чеченцам? Ну вот откуда? А если поискать в мировой истории что-либо подобное? К примеру, российско-польские отношения. Они сложные. Тут предыстория за предысторией: в 981 году киевский князь Владимир отвоевал Червинские города у поляков, потом крещение, которое русские приняли по православию, а поляки по католическому обряду, затем отвоевали поляки те самые города, чуть погодя опять русские... потом поляки участвовали в русско-литовских войнах на стороне литовцев, затем была интервенция во время Смуты, Смоленская война, война 1654-1667 годов, Петр I, Екатерина II и раздел Польши..., советско-польская война, катынский расстрел... Короче, поводов и причин для взаимных претензий и обиняков у поляков и у русских предостаточно. Но что происходит между чеченцами и некоторыми представителями ингушского народа, у которых в крови появилась новая группа – «арийская», а весь «верхний этаж» забит имперскими амбициями? Почему для этих ингушей признание того, что чеченцы и ингуши – это суть один и тот же народ и что ингуши есть представители чеченского племени, является вопиющим фактом, оскорбляющим все их нервные рецепторы? Что за этим всем кроется? Откуда эта ненависть? Знаете, что мне иной раз это напоминает? Прошу прощения за банальность данного сравнения, но вот такая история: отец и, допустим,

трое сыновей до поры до времени живут в дружбе и согласии, но в один прекрасный день один из сыновей заявляет: Я не ваш! И не был вашим! И знать вас не желаю! И никакие уговоры ни старших, ни младших на мальчика не действуют. Конечно, это горько, такое поведение сына, что от крови и плоти твоей, но в конце концов отец и братья уступают натискам судьбы и начинают размышлять по-горьковски: «А был ли мальчик?» А мальчик не то чтобы был, он есть и будет, и вконец перепутавший педаль газа с педалью тормоза, замарав форму собственным содержанием, делает новое заявление: «Эй вы, ничтожные людишки, потерявшие эздел!..»

Написали однажды Д.Д. Межидов и И.Ю. Алироев книгу под названием «Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект» (Издательство: Грозный: Книга. Переплет: мягкий; 207 страниц; 1992 г.). Нет в этой книге никакого «изма» – ни шовинизма, ни фашизма, одним словом, ничего, что оскорбило бы честь и достоинство своих братьев. Даже наоборот, несмотря на то, что в названии книги сказано, что она именно о чеченцах, авторы, вместе с тем, не смогли отделить в целом родственных ингушей, и поэтому преимущественно применяется этноним «вайнах». Разве это не есть проявление трепетного уважения к своим вайнахским братьям? Но «ингушский историк» А.Х. Танкиев, автор очередного, вслед за Абадиевым, набора слов об эзде, вышедшего отдельной книжкой под названием «Эздел – ингушская этика», возражает чеченским ученым: «Во многих случаях авторы ведут разговор о вайнахах, хотя работу свою они назвали «Чеченцы: обычаи, традиции, нравы», что нивелирует и ущемляет то самобытное, что относится как к чеченскому, так и к ингушскому. Тем самым, ингушское выдается как часть чеченского». Вся «прелесть» высказываний танкиевых в том, что их и комментировать не надо – самодискредитация на таком уровне, что хоть стой, хоть падай.

А может, у чеченцев «особое» прошлое (раз уж оно у нас раздельное), что псевдоингушей выворачивает наизнанку от одной только мысли быть причастными к нему? Не буду сейчас снова повторяться, упоминая о славных деяниях вайнахских героев, но не думаю, что «ингуши» думают так, иначе не стали бы они переписывать чеченский героический эпос-илли и выдавать его за свой и только свой. Парадокс? Парадокс! Но весь парадокс заключается в том, что, решив обособиться, стать во всем отличными и особенными от чеченцев, так сказать дистанцироваться от них и от их истории, «ученые» мужи из Ингушетии, засевшие писать собственную историю, столкнулись с тем, что, хоть тресни, нет в природе отдельной «ингушской» истории, а есть общая с чеченцами одна нахская история, вот только с конца XVIII века и вплоть до 1944 года они выпали из нее.

Факт отсутствия отдельной истории болезней для псевдоученых, но смириться с этим им больнее во стократ. И тут... И тут «ингушские историки»-постмодернисты решили сорвать джек-пот – можно, уже в наше время, заглядывать за плечо своего брата, величать его то братом, то соседом и, как ученик-двоечник, списывать и сочинять, сочинять и списывать. Точно как в песне у Высоцкого: «А что не пить, когда дают? А что не петь, когда уют и не накладно?» И пошла писать губерния! Войдя в раж, «профессора» наши сами начали верить в то, что пишут, и с каждым разом Машина Времени, изобретенная «ингушскими историками», проникая чрез толщу эпох, побывав в гостях у всевозможных эр, возвращалась обратно со свежей информацией об «ингушском» прошлом. Смешно? Отчасти, да. Можно было бы, как в основном и делают чеченцы, улыбнуться и сказать: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Махнуть рукой на этих господ-историков как недостойных того, чтобы не только опровергать их, но даже обращать внимание, но когда недоразумения отдельных «ученых» превращаются в науку для целого народа, приходится

артикулировать.

А грусти, вместе с тем, больше. Грустно потому, что народ, волею судьбы разделенный на две половины, разговаривающие на одном и том же языке, молящиеся одному и тому же Единому Богу, почитающие одних и тех же духовных учителей-уставов, с одними и теми же традициями и обычаями, имеющий в той самой толще времени единую точку отсчета, кто-то сегодня пытается ввергнуть в состояние «точки невозврата».

Заключение

В 2012 году в Чеченской Республике в издательстве «Грозненский рабочий» вышла книга в соавторстве Нурди Нухажиева и Хамзата Умхаева «В поисках национальной идентичности». Книга уникальна тем, что, затрагивая все острые моменты в истории взаимоотношений чеченцев и ингушей, авторы не опускаются на уровень неуважения к братскому ингушскому народу, не передергивают историю, не фальсифицируют факты, что свойственно «ингушской» стороне. Более того, Умхаев и Нухажиев с большим уважением и любовью относятся к своим братьям, через всю книгу пытаются одернуть завравшихся «коллег» и вызволить ингушский народ из той грязи, в которой их пытаются затоптать якобы болеющие за них всеми фибрами души ученые радетели.

Передо мной на столе лежит копия протокола № 46 расширенного заседания Правительства Республики Ингушетии от 13 марта 2013 года. Прочитую перечень поручений, данных Главой Республики Ингушетия Ю.Б. Евкуровым:

Администрации Главы РИ, Правительству РИ, Миннацу Ингушетии, Минобразования Ингушетии, Управлению Роскомнадзора по РИ:

а) проверить все книжные магазины на предмет продажи литературы, разжигающей межнациональную вражду, унижение национального достоинства ингушского народа, а также аналогичных материалов в сети Интернет;

б) принять в установленном законодательством порядке меры по факту издания книги, затрагивающей честь и достоинство ингушского народа, автором которой является Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике Н. Нухажиев.

Да уж, интересный документ. Так как не указано, о какой именно книге идет речь, не могу утверждать, что она самая есть «В поисках национальной идентичности», но думаю, что все-таки она. Вместе с тем, я бы посоветовал прочесть эту книгу каждому чеченцу и ингушу, которым интересна история вайнахов, в том числе и Юнус-Беку Баматгиреевичу. Уверяю вас, вы узнаете много правды! Это книга, заслуживающая того, чтобы стать хрестоматийным примером того, как надо обличать ложь и лжецов, написана с проникновением в тему, с человеческой мудростью и с огромной любовью к нашей общей истории. А следом прочтите всю ту отсебятину, что за последние годы вышла в свет в типографиях Республики Ингушетии, а потом сравните это все на степень разжигания межнациональной вражды. Если после этого вы не почувствуете разницу, остается только место для сожаления.

И собственно, о тучах на границах, что «ходят хмуро». Уж очень сильно надо зажмурить глаза, чтобы отрицать наличие неблагоприятных явлений на данных участках «атмосферных фронтов». Являясь двумя отдельными субъектами, со всеми вытекающими отсюда последствиями, у двух сопредельных республик по сегодняшний день так и не решен этот вопрос. Отвечая на заявление своего

ингушского коллеги Мухарбека Дидигова, высказывающего обеспокоенность, что действия Парламента Чеченской Республики могут «вывести из равновесия» ингушский народ, спикер Чеченского Парламента Дукуваха Абдурахманов заявил следующее: «Обращаясь к своим братьям-ингушам, мы говорим: какие бы решения комиссии ни принимали (а это будут только предложения для Президента, Глав, Парламентов и Советов старейшин, за которыми будет последнее слово), из равновесия, а точнее – чувства братского отношения друг к другу – нас никому не вывести».

И мы все сегодня понимаем, что проблему эту надо решить раз и навсегда, так как, каждый раз отодвигая и откладывая ее в долгий ящик, при каждом новом вскрытии, обнаруживаем, что ящик все больше и больше превращается в ящик Пандоры.

...Помню год 1988-ой. В Южно-Корейском Сеуле проходили летние Олимпийские игры. Та, как позже выяснится, была последняя Олимпиада, в которой участвовал СССР. От самой огромной страны на свете на самых крупных всемирных спортивных состязаниях Чечено-Ингушская республика представила пятерых своих спортсменов-вайнахов. Это были Исраил Арсамаков (ингуш, тяжелая атлетика), Рамзан Себиев (чеченец, бокс), Руслан Тарамов (чеченец, бокс), Башир Вараев (чеченец, дзюдо) и Адлан Вараев (чеченец, вольная борьба). Насколько это было значимым событием для маленькой республики и вайнаховского народа, можно судить хотя бы потому, что ни одна из пятнадцати союзных республик, самая маленькая из которых в десятки раз была больше и по территории, и по численности населения, чем ЧИАССР, не смогла за раз выставить такое количество спортсменов. И впервые в истории чеченцев и ингушей на высший пьедестал почета олимпийских соревнований вышел ингушский тяжелоатлет Исраил Арсамаков. Я не знаю ни одного чеченца, для которого это не явилось бы таким же праздником, как и для любого ингуша, так же, как и каждый ингуш испытал горечь от поражения Рамзана Себиева и Руслана Тарамова (Адлан Вараев завоевал «серебро», Башир Вараев «бронзу»). А победа Назира Манкиева, ингушского борца, на Олимпиаде в Пекине 2008 года, когда шла вторая неделя Игр, а в копилке российской сборной не было еще ни одной медали высшей пробы – разве это не было общей радостью для всех без исключения вайнахов?! И победа ингушского боксера-тяжеловеса Рахима Чахкиева на тех же Играх, и его же сегодняшнее победное шествие на профессиональном ринге...

А все те, кто сегодня пишут лживые книги, выступают на ТВ и в радиоэфире, на страницах журналов и газет, сея раздор и смуту, пусть испытают на себе гамлетовской приговор: «Такая мазь затынет рану коркой, но скрытый гной вам выест все внутри».

Книжные новинки**В поисках национальной идентичности**

В издательстве «Грозненский рабочий» под авторством Н.С. Нухажиева и Х.С. Умхаева вышла книга «В поисках национальной идентичности».

Н.С. Нухажиев, Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике, председатель комиссии по правам человека Северокавказского федерального округа, доктор экономических наук, член Союза писателей России. Автор и соавтор нескольких книг, более трех десятков научных статей, а также многочисленных публикаций, посвященных актуальным проблемам современного мира, Российской Федерации и, в частности, Чеченской Республики.

Х.С. Умхаев, помощник Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике, журналист. Работал в различных СМИ ЧР, в Министерстве печати и информации республики. Является соавтором книги «Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму» и автором статей по проблемам прав человека, истории, культуры, языка и литературы.

Авторы книги обращаются к актуальной в наши дни теме межнациональных отношений, нашедшей отражение в так называемом мифотворчестве некоторых историков, наряду с уничижительными оценками и оскорблениями в адрес других народов. По мнению авторов, такой подход к исторической науке чреват «весьма нежелательными последствиями».

Эпиграфом к работе послужили слова казахского писателя Олжаса Сулейменова: «Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых. Ибо факт – ядро эпохи, он живет в космосе обстоятельств своего времени, как земной шар в оболочке атмосферы. Разъять их невозможно без вреда для знания» – которые, в свою очередь, как никакие другие, отражают и авторскую позицию по исследуемому вопросу. «Интерес к родному языку и культуре, к историческому прошлому своего народа является одним из основополагающих факторов национального самосознания. Это абсолютно естественно, так как не может быть народа без языка, культуры и истории. Главное в этом деле – не увлекаться и соблюдать определенную меру и такт, особенно, если это каким-то образом затрагивает интересы других народов...»

Роза Берсанова

К нашим иллюстрациям**Художник из Дуба-Юрта**

Хасан Ильясович Усманов родился 3 июня 1964г. в селе Дуба-Юрт, которое всегда славилось своими умельцами, знаменитой фабрикой художественной керамики. В школе Хасан оформлял стенгазеты, не задумываясь о карьере художника. После службы в армии брал частные уроки рисования.

Встреча с известным народным художником ЧР Аманды Асухановым в 2008 году изменила мировоззрение Хасана. Он решил всерьез заняться живописью. Поступил на художественно-графическое отделение ЧИГПИ, затем остался работать на кафедре. Преподавал три года в институте. Выезжал на пленэры, принимал участие в различных выставках.

В 2010г. Хасан получил диплом на выставке, приуроченной к Международному дню искусств.

В 2010 г. стал обладателем диплома Международной выставки в Дании. Он участник многих республиканских выставок, ну а 26 марта 2012 г. исполнилось заветная мечта Хасана – состоялась персональная выставка трех художников – Аманды Асуханова, Джабраила Дибирова и Хасана Усманова.

Хасан много и плодотворно работает, сейчас он готовится принять участие в Зональной выставке «Юг России», которая пройдет осенью в г. Грозном.

Хасан – многоплановый художник: живописец, портретист, график. Его работы отличаются высоким уровнем мастерства исполнения, серьезностью поставленных творческих задач и глубиной их решения. Красота и гармония картин подкупают своей искренностью.

Предлагаем вашему вниманию следующие работы Хасана Усманова: 1. «Лето», 2. «Натюрморт», 3. «Осенний лес», 4. «В горах Чечни».

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Зарина Алиева. Окончила филологический факультет Чеченского государственного университета. Работает заместителем главного редактора литературно-художественного журнала «Орга». Пишет литературоведческие и литературно-критические статьи на чеченском языке. Старший преподаватель кафедры чеченского фольклора и литературы ЧГУ.

Магомет Мамакаев (1910–1973). Писатель, поэт, общественно-политический деятель, ученый-краевед. Первые шаги в литературе сделал как поэт. Его стихи и поэмы с 1926 г. публикуются на страницах газеты «Серло». В 1928 г. совместно с писателями И. Эльдархановым и М. Исаевой создает общественно-политический и литературно-художественный журнал «Кхиам» («Рост»). Сборники стихов и поэм: «Дружба» (1930), «Ласточка» (1931), «Кровавые горы» (1936), «Искра» (1940), «Мой путевой лист» (1958), «Разговор с матерью» (1959), «Дуб над Ассой» (1961), «Я вернусь» (1963), «И камни говорят» (1966). Поэма «Кровавые горы» (о национально-освободительной борьбе горцев в XIX в.) – первая поэма, созданная на чеченском языке. Сборники рассказов и очерков: «Лед тронулся» (Алма-Ата, 1957), «Дороги Родины» (1960); романы «Мюрид революции», «Зелимхан»; повесть «Гибель вендетты» (в соавторстве с Х. Ошаевым и В. Щепотевым, 1963). Научное исследование «Чеченский тайп (род)» (1962).

Магомед Дикаев (1941–1979). Поэт, публицист. Окончил историко-филологический факультет и аспирантуру ЧИГУ. В 1968–1975 гг. преподавал литературу в ЧИГУ. В 1972 г. подготовил и издал сборник чеченских народных песен. Сборники стихов, поэм, драм: «Нохчочун хIусам» («Жилище чеченца», 1965), «Сан дог» («Мое сердце», 1967), «Деган мерзаш» («Струны сердца», 1971), «Стеган цIе» («Имя человека», 1990). Исследование «Жанры и виды чечено-ингушской лирики дооктябрьского периода» («Вайнах», 2007, №№ 6, 7, 10).

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.) Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» были издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задудло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (с 2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг: «Облаков журавли белые», 1985 г.; «И завтра, как вчера», 1988 г.; «Иногда, когда мне скучно», 2005; «И кто постучится в дверь твою в ночи», 2005 г.; повестей: «Это была не шутка», «Дорога возвращается к началу», рассказов, миниатюр, эссе на чеченском языке.

Докка Кагерманов (1933). Родился в с. Гойты Урус-Мартановского района. Поэт, прозаик. В республиканской печати публикуется с 1957 года. Автор трех поэтических и прозаических сборников для детей. Работал в республиканской газете «Даймохк». Пишет на чеченском языке.

Арби Ваганов (1951). Окончил факультет физики РГУ в 1977 г. и филологический факультет ЧИГУ в 1985 г. Ученый, кандидат филологических наук, доцент. В периодической печати публикуется с 1985 г. Автор около 70 научных работ: «Толковый словарь чеченского языка» (2001), «Англо-чеченский словарь» (Лондон, Нью-Йорк, 2004), «Словарь синонимов» (2006), «Словарь географических терминов» (2007), «Словарь неологизмов» (2007), «Этимологический словарь чеченского языка» (2009) и др.

Абу-Магомед Джамалдинов (1979). В 2002 году окончил ЧГПИ по специальности «учитель арабского и английского языков». Старший преподаватель кафедры иностранного языка ЧГУ. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Арби Падаров (1970). Родился в г. Гудермесе ЧИАССР. Образование высшее, экономическое. С 2005 года возглавляет отдел политики и экономики газеты «Гумс». Член Союза журналистов России. Пишет стихи, статьи публицистического характера. Публикуется в местных периодических изданиях (журналы «Вайнах», «Орга», «Нана» и др.).

Зура Итсмиолорд. Образование высшее. Специальность: филолог, преподаватель, переводчик. Пишет статьи публицистического характера, рассказы. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Лариса Бадаева. Историк, писатель. Автор научных статей и многочисленных художественных рассказов, написанных в жанре детектива – «Вспышка» (2004), «Затмение» (2005), «Женское счастье» (2006), «Соната» (2005), «Рубиновая брошь» (2006), «Ключ к разгадке» (2003), «Убийство на свадьбе» (2003), «День рождения» (2007), «Псевдоним» (2007), повести «Отражение», опубликованной в журнале «Вайнах» в 2008 году.

Субран Инаркаева. Окончила факультет русского языка и литературы ЧИГПИ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и МП Чеченского государственного педагогического института. Литературоведческие статьи публикуются в сборниках научных трудов.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.